

Istituto di storia universale dell'Accademia russa delle scienze
Pontificia Università Gregoriana
Accademia russa cristiana umanistica

**L'EDUCAZIONE RELIGIOSA
IN RUSSIA E EUROPA
ALLA FINE DEL XIX E L'INIZIO
DEL XX SECOLO**

A cura di E.Tokareva e M.Inglot

Casa editrice dell' Accademia russa
cristiana umanistica

San-Pietroburgo
2016

Институт всеобщей истории РАН
Григорианский университет (Рим)
Русская христианская гуманитарная академия (СПб)

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Под ред. Е. Токаревой и М. Инглота

Издательство Русской христианской
гуманитарной академии

Санкт-Петербург
2016

УДК 37.01
ББК 63.3
РЗ6

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
грант № 13-01-00217

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

**А. Л. Беглов, С. Негруццо, М. А. Петрова (отв. секретарь),
М. Пизери, П. Ю. Уваров, Д. В. Шмонин, А. В. Юдин**

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН
9 декабря 2015 года*

Рецензенты:

к.и.н. Е. В. Котова, к.и.н. П. Г. Чистяков

Р 36 Религиозное образование в России и в Европе в конце XIX – начале XX в. Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016. – 304 с.

ISBN 978-5-88812-804-6

Сборник посвящен проблемам, сложившимся в религиозном образовании как в России, так и в Европе в конце XIX – начале XX в. и включает в себя статьи участников международной научной конференции «Религиозное образование в России и Европе в в конце XIX – начале XX в.» (Рим, 30 сентября – 1 октября 2013 г.). Опубликованные в нем работы продолжают линию исследований, представленных на аналогичных конференциях в Москве (2008), Риме (2009), Санкт-Петербурге (2010), Кракове (2011) и Смоленске (2012). Задача исследовательского проекта – охватить развитие религиозного образования в России и Европе в Новое и Новейшее время. Такая историческая реконструкция приобретает особую значимость в контексте современных дискуссий о месте и роли религии и церкви в сфере среднего и высшего образования.

Сборник предназначен для специалистов, преподавателей, студентов вузов.

УДК 37.01
ББК 63.3

На обложке: Главный фасад здания семинарии. Санкт-Петербург. [1909–1911]. ЦГАКФФД СПб.; Занятия слушателей духовной академии после лекций в день празднования 100-летнего юбилея академии. Санкт-Петербург. 15 декабря 1909. ЦГАКФФД СПб.; Дон Джованни Боско со своими подопечными (фотография и рисунок).

© Коллектив авторов, 2016
© Ин-т всеобщей истории РАН, 2016
© Издательство РХГА, 2016

ISBN 978-5-88812-804-6

В основе предлагаемого читателям сборника лежат материалы очередной конференции, состоявшейся в октябре 2013 года в Риме в рамках международного исследовательского проекта, посвященного религиозному образованию в России и Европе в Новое и Новейшее время. На конференции рассматривались проблемы религиозного образования на рубеже XIX-XX веков.

Период, о котором идет речь, представляет собой самостоятельную эпоху в рамках того отрезка истории, которое принято называть Новым временем. Немецкий философ Освальд Шпенглер назвал этот период «закатом Европы». Бурное развитие промышленности, науки, техники, транспорта, стремительный процесс урбанизации создали единое мировое пространство и в корне изменили материальную основу жизни людей. Промышленный переворот стал завершением эпохи модернизации и привел к глубоким изменениям и кризису в социально-экономических отношениях.

Для многих стран Европы этот период стал также переломным этапом национальной истории. В 1860-1870-х гг. состоялось объединение германских государств в единую Германскую империю, созданием единой Италии завершилось объединение государств Апеннинского полуострова. Во Франции осуществился окончательный переход к республиканской форме правления. Вышедшая в состоянии глубокого кризиса из Крымской войны Россия приступила к проведению масштабных реформ.

Радикальные изменения в социально-экономических отношениях сопровождались и не менее глубокими изменениями в культурно-мировоззренческой сфере. Невиданное до тех пор ускорение научного прогресса способствовало расцвету позитивизма и формированию сциентизма, который стал основной характеристикой мировоззрения этой эпохи и рассматривал естественные науки в качестве единственного возможного знания. «В результате изменившегося – естественно-научного – подхода к познанию и покорению мира, – писал известный историк Церкви Йозеф Лортц, – у многих возникает совершенно новое мировоззрение, которое пытается представить религиозные идеалы прошлого в качестве устаревших явлений»¹. Возникла все более углубляющаяся пропасть между верой и наукой. Отсюда и все возрас-

¹ Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т. II. Новое время. М., 2000. С. 389.

тающая секуляризация (или десакрализация, дехристианизация) общественного сознания, на которое большое впечатление произвели, в частности серия книг Эрнеста Ренана «История происхождения христианства» (в частности, одна из семи книг – «Жизнь Иисуса», в которой Ренан подверг критике основные догматы христианства) и книга Артура Дрекса «Миф о Христе» (отрицавшая историческое существование Христа), выдержавшая только в Германии до начала 20-х гг. XIX в. 14 изданий и переведенная на многие языки.

Секуляризации сознания способствовали и два других фактора. Во-первых, стремительный рост городов привел к нехватке церквей. Приходы в больших городах становились все более крупными, в связи с чем все тоньше становилась нить, связывавшая священника с его паствой. Количество посещений церкви стало снижаться. Во-вторых, многие европейские государства, стремясь к укреплению центральной государственной власти, проводили более или менее жесткую политику ограничения влияния Церкви.

Так, в Германии правительство О. фон Бисмарка перешло к новой системе церковно-государственного права (т.н. политика Культуркампф), в рамках которой был установлен строгий государственный контроль над замещением церковных должностей, был создан специальный государственный суд для церковных дел, был изгнан орден иезуитов, объявлено об обязательности заключения гражданского брака и т.д. В области образования правительство провело инспекцию всех религиозных школ, из государственных школ были уволены все учителя, преподававшие религию, все школы были поставлены под строгий контроль государства, который сохранился и после отмены большинства принятых в ходе этой кампании законов.

В Сардинском (а с 1861 г. – Итальянском) королевстве в ходе Рисорджименто был принят ряд законодательных мер против преобладающего влияния Церкви в юридической, экономической и др. сферах, в том числе в 1850 г. был принят закон об отмене церковного суда, в 1866-67 гг. два закона, на основании которых было распущено 26.889 религиозных конгрегаций, чье имущество перешло в казну государства и было частично распродано, и т.д. Наиболее существенным моментом борьбы нового государства с Церковью стала ликвидация Папского государства и распространение антиклерикальных законов на все присоединяемые к Итальянскому королевству территории. В области образования на всей территории страны вступил в силу принятый в 1859 г. закон Казати, который, правда, предоставлял большие возможности для частных инициатив в образовательной сфере, однако итальянские университеты (кроме папских) согласно этому закону были

переданы в ведение государства, а богословские факультеты в них были ликвидированы.

Тот же процесс передачи университетов в ведение государства и ликвидации богословских университетов происходил в Испании и Португалии: в 1868 г. был закрыт богословский факультет Саламанкского университета, в 1910 г. в ходе антиклерикальной революции в Португалии была полностью секуляризирована сфера образования.

Процесс вытеснения Церкви был достаточно активным и во Франции, где в 1880 г. был распущен орден иезуитов и ряд других религиозных конгрегаций, был закрыт 261 монастырь, выгнаны 6589 монахов и монахинь. Острота конфликта с церковью достигла апогея к 1905 г., когда был принят закон об отделении Церкви от государства. В области образования во французской политике в течение всего конца XIX – начала XX в. наблюдались заметные колебания. Во Франции в 1882 г. также были упразднены богословские факультеты во всех государственных университетах (а таковыми были с 1830 г. все французские университеты). Из школ изымались распятия и святые изображения (статья Ч. Сильва).

Ослабление влияния Церкви в перечисленных выше государствах имело под собой и то основание, что католики во многих случаях не считали необходимым проявлять решительную инициативу, полагаясь на незыблемость законов и традиций. Вместе с тем, как пишет тот же Й. Лортц, «решение вопроса о значении Церкви в Новейшее время зависело, во-первых, от установления плодотворной связи между верой и знанием (или иначе, между Церковью и наукой), и, во-вторых, от того, сумеет ли Церковь завоевать умы современных организованных рабочих масс»².

Лев XIII, чей понтификат начался в 1878 г., вполне ясно осознал стоящие перед Церковью проблемы. Его внешнеполитические шаги были направлены на примирение французских католиков с новым республиканским строем, способствовали завершению политики Культуркамф в Германии. Стремление к решению социального вопроса нашло свое отражение в энциклике «*Regum novarum*» (1891).

В атмосфере обновления, созданной новыми тенденциями понтификата Льва XIII, начался поиск новых путей и в области образования. В Германии университетские профессора начали предпринимать конкретные шаги к реформе католического высшего образования. Не меньшее значение имел и поиск новой методики преподавания основ религии в школах. Так, члены Мюнхенского катехитического обще-

² Там же. С. 391.

ства предложили вызвавший первоначально большие споры новый метод преподавания катехизиса, получивший название по месту его зарождения – «мюнхенский метод», но распространившийся далеко за пределы Мюнхена и даже Германии (статья У. Кропака).

В некоторых странах западной Европы повышение активности в области религиозного образования было связано с теми возможностями, которые предоставляло законодательство. Так, в Италии, в связи с положениями закона Казати, Церковь имела возможность открывать многочисленные частные школы, часто функционирующие в рамках семинарий (статья К. Сальокко). Допущение, наряду с усилением государственного контроля, свободного образования позволило открыть католические университеты во Франции (в 1875 г. был открыт Парижский католический институт, в том же году возникли католические университеты в Анжере, Лионе и Лилле; через два года был открыт католический институт в Тулузе), Великобритании, Бельгии (в Лувенском университете была создана кафедра томизма, а 1889 г. – католический Высший институт философии), Испании (в 1904 г. был открыт Мадридский католический университет). К этому можно добавить, что в ряде стран, несмотря на все реформы, сохранились богословские факультеты в старых университетах, как, например, в Австрии (Граце, Инсбруке, Зальцбурге, Вене, Кракове (совр. Польша) и Лемберге (совр. Львов, Украина), Праге и Оломоуце (совр. Чехия), Аграме (совр. Венгрия) и Германии. Причем нередко в одном и том же университете существовали по два богословских факультета – католический и протестантский.

Особой формой поисков новых путей стало возникновение новых религиозных конгрегаций, чьей главной задачей становилось воспитание молодежи. Среди таких конгрегаций наибольшего расцвета достиг орден салезианцев, основанный в Турине священником Джованни Боско и получивший папское одобрение в 1874 г. (статья С. Цимняка). Орден получил распространение почти на всей территории Европы – во Франции, Бельгии, Испании, Португалии и др. странах. Одно из подразделений ордена было основано в Галиции, входившей в состав Австро-Венгерской империи (статья Б. Станковского).

Среди других конгрегаций, возникших во второй половине XIX в., можно назвать конгрегацию терциариев-капуцинов, основанную в Испании священником Луисом Амиго и первоначально нацеленную на работу с отбывающими наказание преступниками и утратившей нравственные ориентиры молодежью (статья Х.Р. Саес Марча).

Процесс реформирования системы образования в сторону ее демократизации в значительной мере затронул и Россию. В 1863 г. была

проведена реформа университетского образования, которая вернула университетам автономию, ликвидированную уставом 1835 г. Новый университетский устав расширил круг деятельности университетских советов, ввел выборность ректора, деканов и профессоров, разрешил создание университетского суда. Однако это все касалось светских университетов, поскольку в российских университетах не было богословских факультетов. Высшие богословские школы (духовные академии) подверглись реформированию в 1869 г. в духе модели европейского «университета исследования», однако последующая реформа 1884 г. отменила нововведения 1869 г. и ставила во главу угла церковные проблемы, в первую очередь подготовку студентов к пастырскому служению. Оставшиеся нерешенными в результате этих реформ проблемы стали предметом многочисленных обсуждений и составлений проектов новых реформ на протяжении конца XIX – начала XX века (статья Н.Ю. Суховой).

Устав 1867 г. реформировал и систему средних духовных учебных заведений. Их развитие в этот период рассмотрено в настоящем сборнике как с точки зрения эволюции системы богословского образования (на примере Смоленской духовной семинарии – статья В.Л. Амелъченкова), так и с точки зрения изменений в повседневной жизни русских семинаристов второй половины XIX – начала XX вв. Парадоксальным образом оказывается, что семинаристы, как правило, имели не столько религиозные и церковные, сколько светские жизненные ориентиры, а религиозное воспитание было одним из самых слабых мест в системе семинарского образования (статья А.Л. Беглова).

Новый гимназический устав от 19 ноября 1864 г. учреждал два типа школ: классические гимназии, где изучались гуманитарные науки, иностранные языки, и реальные училища, где основное внимание уделялось естественным и точным наукам.

По положению о начальных училищах 1864 г. все начальные школы подразделялись на министерские, земские и церковноприходские. Однако вследствие открытия земских школ, передачи церковноприходских школ в Министерство народного просвещения и ряда других объективных причин численность начальных церковноприходских школ стала сокращаться. Проблема была решена введением в 1884 г. новых «Правил о церковно-приходских школах», а в 1891 г. «Правил о школах грамоты», которые положили начало активному развитию системы церковно-приходских, воскресных школ и школ грамотности; ввиду необходимости обеспечения церковно-приходских школ подготовленными учителями в последней трети XIX в. появляются и церковно-учительские школы (статья Т.А. Красницкой).

В середине XIX в. в России было положено начало среднему женскому образованию. Интересно, что первыми начали получать образование как раз женщины из духовного сословия. К началу периода реформ существовало уже четыре «училища девиц духовного звания», однако в период реформ их число стало стремительно расти, соревнуясь с аналогичными государственными учреждениями (статья Н.А. Беляковой).

В западной части империи, однако, ситуация с религиозным образованием отличалась своими особенностями. Возникновение православных школ на прибалтийских территориях было стихийным, связанным с массовым обращением в православие лютеран. Но ближе к концу века православные школы стали служить и задачам русификации западных губерний, что было связано, прежде всего, с введением обязательного преподавания предметов на русском языке. Однако на прибалтийских территориях свободно существовали и лютеранские школы, в которых могли учиться и дети православных верующих (статья И. Пярт).

Иная ситуация сложилась на территории Польши. После восстания 1863 г. были введены достаточно жесткие правила в области образования, ряд католических высших образовательных учреждений был закрыт, квота польских студентов в русских университетах стала снижаться, достигнув 5%. Русификация путем введения обучения на русском языке велась гораздо более быстрыми темпами и к 1869 г. почти во всех школах все занятия уже велись на русском языке (статья В. Пасербека).

Стремясь сохранить свою систему образования поляки стали использовать метод подпольного образования. Особую роль стали играть Марианские содалиции, студенческие организации, создаваемые иезуитами в образовательных и воспитательных целях. Период конца XIX – начала XX в. стал временем расцвета этих учреждений на территории Польши (статья Я. Мулка).

Отношение российской власти к образованию иноверцев характеризует не только ситуация в западных губерниях, но и положение образовательных учреждений у старообрядцев, для которых грамотность и образование имели огромное значение. Старообрядческие школы подвергались особому преследованию со стороны государства. Однако в 1860-х гг. эта ситуация стала несколько меняться и некоторые направления старообрядчества получили право открывать начальные школы для обучения детей грамоте. Однако кардинально изменение отношения властей к образованию у старообрядцев произошло лишь в 1905 г. (статья И.М. Севастьянова).

Предлагаемый читателю сборник не претендует на охват всех сторон и проблем религиозного образования в заданный период. Скорее, он предлагает пути к дальнейшему сравнительному изучению этого предмета.

Е. Токарева

В контексте религиозного образования в Европе на рубеже XIX–XX вв. во Франции наблюдается совершенно особая ситуация, сравнимая с колебаниями маятника: здесь и революции, и реставрации, и антирелигиозные законодательства, и немыслимый расцвет религиозных орденов, и так далее, в общем, постоянная смена приливов и отливов. Франция как ни одна другая страна на рубеже XIX–XX вв. пережила множество противоположных тенденций, сменявших друг друга с огромной силой и страстной решимостью¹.

Великая Французская революция смела образовательную систему *ancien regime*, которая имела капиллярную структуру и включала в себя сеть начальных школ в сельских коммунах, где в основном преподавали приходские священники, а также средних школ, организованных в виде колледжей, которые управлялись монахами и имели повсеместное распространение в малых и средних городах. Именно в них формировался правящий класс страны. Роль иезуитов, упраздненных в 1773 г., перешла к доктринерам², которые вели самую активную деятельность в этой области, но сметенные революцией, они не смогли ее возродить.

В сельской местности проводили свою работу кюре, приходские священники, которые активно работали в сфере образования, осуществляли инспектирование школ. Что же касается академического мира, то в нем постоянно ощущалось присутствие представителей церкви (приходских священников, но особенно монахов), что выражало тесную связь

¹ Данное исследование продолжает мою дипломную работу по истории церкви, защищенную в Папском Григорианском университете (*Pontificia Università Gregoriana*, научный руководитель – проф. Джованни Сале) «Отделение государства от церкви во Франции в 1905 г.», *La separazione dello Stato dalla Chiesa in Francia del 1905*, в настоящее время в печати *Miscellanea Historiae Pontificiae*. Выражаю признательность проф. Мареку Инглоту за благосклонную оценку моего труда.

² Священник Сезар де Бус (César de Bus, 1544–1607) из г. Кавайона 29 сентября 1592 г. собрал нескольких пожилых священников, преподававших катехизис детям, беднякам и неграмотным в г. Иль-сюр-ля-Сорг. Они были признаны конгрегацией Климентом VII 23 декабря 1597. Павел V присоединил их к Сомаскам (конгрегации религиозных клириков – *ред.*) в 1616 г., затем Иннокентий X опять отделил их в 1647 г. К доктринерам Франции в 1725 г. примкнули доктринеры неаполитанские, а в 1747 г. – римские (Агатисты). *Rista C. Dottrinari // Dizionario degli Istituti di perfezione religiosa*. Roma, 1976. Vol. III. Coll. 975–977.

церкви и государства и их взаимную поддержку, согласно господствующим принципам галликанской церкви.

Школьная система несла в себе преимущественно религиозный отпечаток и была сметена Революцией 1789 г. вместе с религиозными орденами, а священники раскололись на «присягнувших» и «отказавшихся присягать».

Согласно наполеоновскому конкордату 1801 г., католицизм больше не рассматривался как государственная религия, а просто как вероисповедание большинства французов. Все изменилось в отношениях между государством и церковью во Франции, несмотря на возвращение к практике финансирования нужд культа из бюджетных средств (зарплаты приходским священникам и субвенции на поддержание приходских церквей), а также других институциональных форм.

Конкордат полностью игнорировал религиозные конгрегации, но в законодательстве ничего о них не говорилось, и гражданские власти проявляли к ним терпимость. Все это позволило конгрегациям вернуть себе старые позиции, где это было возможно, а также завоевать новые, особенно в области образования. В 1789 г. во Франции было 89 тыс. монахов, из числа которых более 50 тыс. монахинь-затворниц.

Начиная с 1801 г. религиозная жизнь возродилась, но в отличие от прежнего времени теперь было меньше монахинь-затворниц, и больше монахинь, работавших в приютах и больницах. В 1809 г. в подобных социальных институтах насчитывалось 13 тыс. монахов (в основном, женщин), которые были преимущественно членами конгрегаций апостольского служения, действовавших в сфере ухода за больными и немощными, а также воспитания. В 1900 г. насчитывалось 23 583 монаха и 128 315 монахинь. Иезуиты вернулись в 1820 г., затем их вновь изгоняли в 1830, 1848, 1870, 1904 гг.³

Реорганизация религиозной жизни во Франции, как уже говорилось, была на удивление быстрой. Правительство выдало разрешение различным религиозным конгрегациям, которые смогли таким образом открыть по крайней мере в основных городах начальные и средние школы, структурированные как старые колледжи. Так, в 1826 г. у иезуитов их было уже восемь. Конгрегация «Братья христианских школ»⁴ была со-

³ *Burnichon J.* La Compagnie de Jesus en France. Histoire d'un siècle (1814–1914). P., 1914–1922. P. I–II.

⁴ Конгрегации «Братья христианских школ» были основаны священником Жаном-Батистом де ла Саллем (Jean-Baptiste de la Salle, 1651–1719). В 1679 г. он открыл первые бесплатные школы в г. Реймсе и 24 июня 1682 г. основал конгрегацию верующих, не являвшихся священниками, одобренную Папой Бене-

здана с целью обеспечения начальных школ руко водством и персоналом. Она получила необычайное развитие и распространение, которое не ограничивалось только городскими поселениями.

В правление Карла X имели место законодательные инициативы, направленные на ограничение религиозного присутствия в обществе. Речь идет о мерах, по большей части, ограничительного характера, направленных против так называемых «свободных» школ, то есть таких школ, которые не контролировались государством и такими связанными с ним органами, как муниципалитеты. Например, в 1828 г. был издан указ, согласно которому ученики третьего класса средней школы в епископском колледже должны одеваться как священники. Это делало не слишком привлекательной учебу в свободных школах, которые предполагалось свести до уровня «маленьких семинарий» (*«petit seminaire»*)⁵.

Но амплитуда колебания маятника оказалась короткой. Очень скоро во французском обществе настроения поменялись благодаря таким сильным личностям, как аббаты Ламеннэ, Лакордер, Монталамбер, а также периодическому изданию *«L'Avenir»*.⁶ Таким образом были заложены основы для воссоздания воспитательной роли церкви через общественное движение, которое донесло голос католиков из ризниц храмов, через пропаганду на страницах газет, через работу культурных центров, посредством дебатов в Парламенте. Католики требовали свободу преподавания.

Закон Гизо⁷ от 1833 г. восстановил для начальной школы, особенно в сельской местности, такие характерные для *ancien régime* формы, как нравственное и религиозное воспитание, которое было включено в школьные программы и за которым традиционно присматривал кюре. Детские сады по большей части возникали благодаря благочестивым пожертвованиям, которыми распоряжались приходские священники или епископы в зависимости от конкретного места. Детскими садами почти

диктом XIII 26 января 1725 г. *Hermans M.A. Fratelli delle Scuole Cristiane // Dizionario degli Istituti di perfezione cristiana. Roma, 1977. Vol. IV. Coll. 728–746.*

⁵ *Launay M. L'Eglise et l'école en France, XIX–XX siècle. P., 1988.*

⁶ Группа влиятельных представителей французской культуры основала ежедневную газету *«L'Avenir»* (выходила с 1830 по 1831 г.), которая распространяла идеи либерального католицизма, при этом подвергалась критике католических консерваторов и была осуждена Григорием XVI (энциклика “*Mirari vos*” от 15 августа 1832 г.). Главным редактором был Фелисите де Ламеннэ (*Félicité de La Mennais, 1782–1854*).

⁷ Франсуа Гизо (*Francois Guizot, 1787–1874*), оппозиционный депутат, выступавший против антиклерикальной политики Карла X, поддержал Луи-Филиппа Орлеанского и стал министром образования (1832–1836).

всегда управляли монахини или прихожанки, которые в любом случае зависели от священника или монахини. Начальные школы, особенно в деревнях, работали под контролем церкви. Что же касается среднего образования, то работавшие под контролем церкви школы не могли похвастаться успехами, ибо не могли обеспечить надлежащую подготовку для учебы в университете. Они проигрывали конкуренцию в крупных населенных пунктах, где преимущественно были сосредоточены государственные муниципальные школы, находящиеся под контролем культурных элит, а эти элиты обычно враждебно относились к религии⁸.

С 1830 г. университеты стали зависеть от государства, которое намеревалось обеспечить светский характер образования и было преисполнено решимости помешать церкви требовать себе возврата привилегий. В 1836 г. Гизо представил либеральный по своей природе закон в духе того католицизма, который от новых государств (не только Франции, но и от Германии и Бельгии) требовал всего лишь признать основные свободы, начиная со свободы преподавания. К закону были предложены ограничительные поправки, которые провалили его принятие в парламенте и породили ожесточенную полемику в общественном мнении, в которой с одной стороны выступал епископат, а с другой - представители господствовавшей светской культуры.

В 1844 г. Монталамбер предпринял первую попытку реформировать в светском направлении преподавание в средней школе. Затем произошла революция 1848 г., Вторая республика и установление некоего пакта между Церковью и буржуазией. Следствием этого политического союза, вызванного опасениями буржуазии, что расширение всеобщего избирательного права подорвет ее социальные прерогативы, стал закон Фаллу⁹ от 1850 г. Этому закону противодействовала наиболее экстремистская католическая фронда. Он практически целиком передавал церкви начальное образование, предоставлял на законных основаниях возможность широкого присутствия в средней школе и допускал участие в управлении высшим образованием, но под контролем светского

⁸ *Ozouf M.* L'ècole, l'Eglise et la République: 1871–1914. P., 1914; *Launay M.* Op. cit.

⁹ Граф Фредерик Альфре Пьер ди Фаллу (Frédéric-Alfred-Pierre di Falloux, 1811–1876) был депутатом-католиком, юристом, занимавшимся написанием законов, а затем министром образования. Его знаменитый закон (многократно изменявшийся, но так и не отмененный) устанавливал для школ первой и второй ступени свободу преподавания, фактически допустив преподавание религии в школе. *Gobbi G.* Le Comte de Falloux, 1811-1886 entre Eglise et monarchie. Rennes, 2010.

государства. В Высшем совете по народному образованию было санкционировано право католического епископата назначать представителей церкви в качестве действительных членов. Этот закон оставался в силе до 1876 г. и способствовал расцвету «свободных» школ всех ступеней как в городах, так и в самых далеких деревнях. В этих школах работали преимущественно монахи и монахини. В 1873 г. всего насчитывалось около 10 тыс. Братьев христианских школ, а самих школ было больше тысячи. Монахинь в том году было около 125 тыс.; из них более 80 тыс. учительствовали. Они работали в самых разных учреждениях – от детских садов (более 10 тыс. по всей стране) до самых элитных женских колледжей¹⁰.

Добавим для сравнения, что в стране было 55 тыс. приходских священников. Из статистических данных за 1876 г. мы узнаем, что 20% мальчиков и 55% девочек посещали религиозные школы.

Маятник снова качнулся в конце Империи в 1870 г., когда к власти пришли партии светского, республиканского толка. Эти партии начали работу по свертыванию организованной церковью образовательной системы. Но еще до этого министр Дюрюи уже с 1863 г. начал ограничивать открытие школ неавторизованными конгрегациями и способствовать увеличению школ государственных¹¹. Во всех школах стали насаждаться программы и тексты светского характера. Парижская коммуна расстреляла в 1871 г. парижского архиепископа. Родилась Третья республика, в которой республиканская партия с ее антиклерикальной политикой занимала все более прочные позиции. Принимаемые меры привели в 1905 г. к закону об отделении государства от церкви¹².

Воспользовавшись новым законом, гарантировавшим свободу высшего образования, в 1875 г. были открыты свободные университеты в Париже, Лионе, Анжере, Лилле, Тулузе. В знаменитом *Institut Catholique* в Париже в 1880–1887 гг. преподавал Пьетро Гаспарри, будущий государственный секретарь при папе Пии XI.

¹⁰ *Durand J.* La liberté des congrégations religieuses en France. P., 1999.

¹¹ Под «неавторизованными конгрегациями» понимаются те религиозные конгрегации, которые не получили юридического признания со стороны государства в период, последующий за Конкордатом 1801 г. Юридическое признание получили очень немногие конгрегации, однако, вплоть до 1899 г. государство терпело существование конгрегаций, им не признанных (*Прим. ред.*).

¹² *Lecanuet D.* Histoire de l'Eglise sous la III République. P., 1931; *A. Dansette*, Histoire religieuse de la France contemporaine, Paris, 1965; *J.P. Azema, M. Vinock*, La Troisième République, 1870–1940, P., 1976; *Broche F.* La III République, 1870–1895. P., 2001.

Программа первых республиканских правительств заключалась в реформе преподавания в государственном и светском ключе, а также в разгоне религиозных конгрегаций. Разве сам Леон Гамбетта, который неоднократно был министром, а затем и премьер-министром не воскликнул уже в 1869 г.: «Клерикализм: вот враг» («*Le cléricalisme: voilà l'ennemi*»)?¹³

Изживание концепции свободы образования, которое было основой закона Фаллу, происходило постепенно, в обстановке сильного возбуждения и полемики, при этом схлестнулись самые экстремально настроенные представители общественного мнения, как это всегда происходит во Франции¹⁴. Республиканцы считали своим долгом «защитить республику» в борьбе с клерикализмом, иными словами, со свободными школами и религиозными конгрегациями. Они считались попутчиками легитимистов и бонапартистов и заклятыми врагами существующей формы власти¹⁵.

Эти социально-политические мотивировки несомненно скрывали идейные антикатолические позиции, но находили основу в идейной близости враждебных республиканскому строю политических партий: достаточно взглянуть на газетные заголовки католических изданий, посвященных делу Дрейфуса¹⁶. Тональность полемики доходила даже до пароксизма. В первых рядах были иезуиты и асунсьонисты, в руках которых находилась ежедневная газета *La Croix*. Эта газета распространялась по всей Франции и организовывала местные выпуски¹⁷. Завершение дела Дрейфуса было разгромом для армии и для католиков, которые дорого заплатили за то, что «сели не в ту телегу».

Чтобы исправить эту ситуацию, Лев XIII, ставший папой в 1878 г., стал склонять французских монархистов к примирению с республиканским строем (т.н. *Ralliement*)¹⁸, иными словами, призвал к кампании, в которой участвовали епископат, священнослужители и такие видные

¹³ Remond R. *L'anticléricalisme en France de 1815 à nos jours* (1976). P., 1991.

¹⁴ Chevallier P. *La séparation de l'Église et de l'école*. Jules Ferry et Léon XIII. P., 1981.

¹⁵ Sale G. *La scuola cattolica nella Francia della III Repubblica // La Civiltà Cattolica*. 2007. Vol. IV. P. 220–233.

¹⁶ Журналистское и политическое дело, приведшее к неблагоприятному исходу для тех, кто его затеял, т.е. для большей части католиков, и в особенности для газеты «La Croix». *La France de l'affaire Dreyfus* / Ed. P. Birbaum. P., 1994.

¹⁷ *Cent ans d'histoire de La Croix (1883 – 1983)* / Ed. R. Remond, E. Poulat. P., 1988.

¹⁸ *Hilaire Y.M. Ralliement // Catholicisme*. P., 1990. Vol. XII. P. 458–463.

¹⁸ *Sevillia J. Quand les catholiques étaient hors la loi*. P., 2005.

представители светской культуры, как Альбер де Мен и Жак Пиу. Они основали движение и политическую партию Либерального народного действия (*l'Action Libérale Populaire*)¹⁹. Таким образом решалась задача добиться от католиков поддержки существующей формы правления – республики, заставить их отказаться от ностальгирования и несбыточных мечтаний о возврате к прошлому, и вместо ведения кампаний в печати в мелодраматических тонах, сосредоточиться на парламентских баталиях по конкретным вопросам. Папская инициатива встретила огромное сопротивление особенно в среде конгрегаций и аристократии. Она, впрочем, не принесла результата, ради которого затевалась, но, по крайней мере, помогла сформировать католическое сознание, отвечающее запросам времени и конкретным обстоятельствам.

Едва ли стоит перечислять здесь все законодательные акты, нацеленные на придание обществу светского характера, которые были предприняты в период Третьей республики. Были демонтированы большие кресты, установленные согласно церковным законам в центре кладбищ. Для изъятия распятий и святых изображений в школы направлялись военные, не стали исключением и детские сады, которыми заведовали монахини.

Так на практике началась череда эксцессов, порожденных раскаленным характером дискуссий, сопровождавших религиозный вопрос во Франции. Сотни военных осаждали и брали штурмом монастыри, солдаты охраняли чиновников, которым приходилось преодолевать импровизированные баррикады, а также толпы старушек, с тем, чтобы войти в церковь и пересчитать подсвечники²⁰.

Закон от 15 мая 1879 г. коснулся монахов, принадлежащих к неавторизованным конгрегациям. В 1880 г. был распущен орден иезуитов и другие религиозные неавторизованные конгрегации. Был закрыт 261 монастырь, выгнаны 6589 монахов и монахинь. Школы остались без персонала, но сумели продолжить работу за счет привлечения светских преподавателей. Потом, как это случалось неоднократно, маятник встал в точке равновесия, после небольшой бури все вернулось на свои места.

¹⁹ Политическая партия, действовавшая с 1901 по 1919 г. и выступавшая за единство всех католиков Франции, но результатов эта деятельность не принесла, в том числе по причине стойкой оппозиции группировок, оказывавших упорное сопротивление политике *Ralliement* Леона XIII. Основателем и главным вдохновителем партии был депутат-католик монархических взглядов Жак Пиу (1838–1932). См.: *Action Libérale populaire // Catholicisme*. P., 1948. Vol. I. Coll. 114–115; Denas P. *Un apotrope de la liberté*: J. Piou. P., 1959.

²⁰ *Sevillia J.* Op. cit.

Но через несколько лет ситуация радикально изменилась. В период правительства П.М. Вальдека-Руссо были предложены законы, серьезно ограничивавшие свободу преподавания и ассоциаций. Религиозные конгрегации должны были испрашивать у государства разрешение на преподавание, а члены неавторизованных конгрегаций отстранялись от преподавания даже в собственных школах. Сам Папа направил 25 марта 1900 г. президенту Французской республики Э. Лубэ письмо, в котором ратовал за свободу преподавания и говорил, что церковные школы работают на общее благо в том числе и на колониальных территориях, где распространение и укоренение французского языка и культуры происходили фактически благодаря деятелям церкви, которые руководили сотнями школ и иных социальных учреждений. Следует, кстати, добавить, что Франция до сих пор осуществляет протекторат над католическими миссиями, что было подтверждено еще Львом XIII в 1888 г.

Хватало и инициатив, имеющих культурную направленность, таких как созданный юристами и деятелями культуры «Комитет за свободу преподавания» под председательством Альбера де Мюна²¹. Несмотря на парламентскую оппозицию закон был принят 1 июля 1901 г. Состоявшиеся затем выборы привели к образованию еще более радикальной оппозиции, возглавленной Эмилем Комбом, который был назначен премьер-министром. Закон об ассоциациях вынуждал религиозные конгрегации испрашивать правительственное разрешение под страхом роспуска и препятствовал членам неавторизованных корпораций преподавать в какой-либо школе под страхом закрытия самой школы. Речь шла о 150 мужских конгрегациях (на 5 авторизованных) и 600 женских конгрегациях (на 905 авторизованных), из которых 276 должны были уладить вопрос со зданиями. Кое-кто выбрал путь добровольного изгнания: так появились новые конгрегации в Англии, Италии, Испании²².

Правительственным указом от 27 июня 1902 г. (и это по окончании учебного года!) закрывались школы, которые начали свою работу без соответствующих разрешений после 1 июля предыдущего года. Было сразу закрыто 125 школ. 7 июля префектам был разослан циркуляр, которым предписывалось закрыть в течение восьми дней еще 2500 школ. Циркуляр нарушал закон, но был тщательно исполнен. Деятели церкви

²¹ Депутат и юрист-католик (1841–1914) работал с Пиу над реализацией проекта католической партии и созданием юридических консультаций для противостояния подрывным законам, принятым в 1901–1905 гг. *Levillain P. Albert de Mun. Catholicisme francais et catholicisme romain du Syllabus au Ralliement. Rome, 1983.*

²² *Sorrel C. La République contre les Congrégations. Histoire d'une passion française. 1899 – 1904. P., 1914.*

проявили обычную пассивность, рекомендованную комитетами юристов-католиков. Никто не хотел распалить страсти в надежде (оказавшейся тщетной), что все станет как прежде, и достаточно быстро, как уже неоднократно случалось. Множились протесты и люди задавались вопросом, где найти ресурсы и помещения для 150 000 учеников, которые осенью окажутся без места в школе (8 000 только в столице). *La Civiltà Cattolica* в номере от 16 августа писала о «стране в состоянии революции», но на самом деле умеренное большинство страны пребывало как всегда в равнодушии... 22 августа 50 000 человек вышло в Париже на демонстрацию, а полицейские сопровождали монахинь Божественного провидения (*Divina Provvidenza*²³), изгнанных из народных школ при церкви Сан Рокко.

Из 6 тыс. «свободных» школ, управляемых представителями церкви, на сентябрь 1902 г. оставались открытыми около 2500, потому что они принадлежали к авторизованным конгрегациям или находились в той или иной форме при законно признанных учреждениях.

Правительство провело опрос в 1600 муниципалитетах, где были руководимые монахами школы: 100 муниципалитетов не ответило ничего, 450 муниципалитетов высказались за их упразднение, 1075 высказались за то, чтобы их оставить. Местные органы власти были очень озабочены: ведь необходимо было изыскать государственные средства на новых преподавателей и новые подходящие помещения для тысяч учеников. 18 марта 1903 г. Палата, которая теперь была заложницей крайних экстремистов и радикального правительства, провалила запрос на выдачу разрешения 25 «преподающим» конгрегациям. Всего речь шла о 12 000 монахов и о 1600 школах. Закрытие школ (в середине учебного года) и изгнание монахов происходило с привлечением сил общественного порядка и сопровождалось протестами и насилием, что вызывало осуждение умеренных республиканцев.

7 июля 1904 г. был принят новый закон, которым объявлялись вне закона 8200 школ, руководимых религиозными конгрегациями, получившими соответствующее разрешение от предыдущих правительств. Тем временем около 6 тыс. школ (из 10 тыс. бывших до 1901 г.), которые ранее принадлежали конгрегациям, не имевшим официального разрешения, сумели открыться благодаря привлечению светского персонала. Но продолжали закрываться оказавшиеся вне закона религиозные школы: до 1911 г. были закрыты еще 1843 такие школы.

Закон не только объявлял нелегитимной религиозную жизнь, но и препятствовал представителям церкви, даже секуляризированным, пре-

²³ Конгрегация основана в Эльзасе в 1783 г.

подавать в какой бы то ни было школе, что открыто нарушало личные права гражданина²⁴.

Маятник достиг крайней точки своей амплитуды с принятием закона от 9 декабря 1905 г. об отделении Государства от Церкви. Папа Пий X неоднократно заявлял, что отказывается подчиняться такому закону, несмотря на оппозицию некоторых групп во французских католических кругах, причем не маргинальных. Все это привело к тому, что католический культ оказался в некотором роде нелегальным. Здесь и описи церковной утвари, и изгнание епископов из их резиденций, а клириков – из семинарий.

Как это случалось уже неоднократно, ситуация обрела новую равновесную точку, достичь которую было не так легко. С переменным успехом после первой мировой войны начался процесс строительства *modus vivendi* католической церкви внутри Французской республики²⁵. Религиозные конгрегации, которые больше такими законодательно не признавались, хотя их членам гарантировались индивидуальные права свободных граждан, смогли возобновить преподавательскую деятельность в частных школах, которые за прошедшие десятилетия добились равенства в правах и даже государственного финансирования в той или иной форме. Государственная школа прочно закрепила свой светский статус и остается такой и на сегодня, о чем свидетельствует, в частности, неоднократный запрет мусульманкам носить хиджабы²⁶.

Что касается преподавания религии в школах, мы рассмотрели католические учебные заведения. Другие школы, где исповедовались признанные законом культы (еврейские и протестантские), не претерпели значительных притеснений и к моменту, когда было ликвидировано бюджетное финансирование культов, они сумели найти способ выжить и приспособиться к новому статусу и структуре этих институтов²⁷.

Пер. с итал. Н.Г. Тереховой

²⁴ *Machelon J.P.* La République contre les libertes? Les restrictions aux libertes publiques de 1879 à 1914, Paris, 1976.

²⁵ *Cosentino F.* Francia e Vaticano. Storia di una conciliazione. Roma, 1946.

²⁶ *Poulat E.* Notre laïcité publique. “La France est une République laïque”. P., 2003.

²⁷ См. например: *Bauberot J.* Problèmes du protestantisme francais face à la séparation des l’Eglises et de l’Etat // Etudes théologique et religieuses. 1972. Vol. LXVII. P. 271–312.

0. Более чем метод: «мюнхенский метод»

Кто впервые слышит о мюнхенском методе в контексте религиозно-католической науки, может подумать, что речь идет о частном вопросе из сферы катехизиса, затрагивающем столицу Баварии, не имеющем общенационального значения. Это совсем не так!

История преподавания и обучения основам католической религии в немецкоязычных странах в XX в. пережила три смены парадигм: мюнхенский метод на рубеже XIX–XX вв., изучение керигматики в 1930-е годы и понятие корреляции, зародившееся в 1970-е годы. Мюнхенский метод означает важное изменение. Он охватывает в пространственно-временном измерении «историю следствий» (*Wirkungsgeschichte*), которую нельзя недооценивать: *временное* измерение, так как мюнхенский метод использовался до начала 60-х годов прошлого века, *пространственное*, - поскольку он распространился не только в Германии и Австрии. После конгресса, состоявшегося в 1960 г. в Айхштете и посвященного миссионерскому катехизису, этот метод взяли на вооружение во всем мире в преподавании основ религии, и в этом смысле «мюнхенский» означает место появления на свет этого метода, но не сферу его влияния. В чем же тогда парадигма мюнхенского метода?

1. Катехизиз как «экзегеза» катехизиса: неосхоластическое преподавание катехизиса

Чтобы понять инновационный потенциал мюнхенского метода, необходимо предпринять экскурс в прошлое, во вторую половину XIX в.² Стержнем религиозного образования в школах являлось преподавание катехизиса. Центральное место в образовательном процессе занимал катехизис с учетом большого значения, придаваемого ему неосхоластической теологией. Понятие катехизиса включает в себя два аспекта религиозного образования.

¹ Перевод с нем.яз. на итал. яз.: Katharina A. Fuchs, Alessandro Falciani.

² Вторым направлением преподавания религии была «Библейская история» («*Biblische Geschichte*»).

1.1. Катехизис как содержательная норма

Преподаватели катехизиса той эпохи считали, что в процессе преподавания катехизиса дети получают в полной мере богатство божественного откровения из рук Церкви. В процессе обучения дети познают, что Церковь является «единственным и непогрешимым авторитетом» и «только она может раскрыть детям полное и чистое содержание божественного откровения»³. Следовательно, преподавание катехизиса имеет дело с предметом несравнимого ни с чем качества.

Цитирую из учебника Иоханнеса Байера 1897 г.:

«Предмет катехизиса с точки зрения *содержания* весьма различается и *отличается* от всех других научно-образовательных дисциплин. Этот предмет дан людям самим Богом через откровение [...] Соответственно, религиозное воспитание с точки зрения содержания – это *слово Божие, вечная и неизменная истина*» (перевод свободный)⁴.

1.2. Катехизис как методологическая норма

Помимо своей функции содержательной основы для уроков Закона Божия на катехизис возлагалась нормативная роль в преподавании. Это вытекало из формы катехизиса. В этой связи известный автор работ по катехизису Франц Ксавер Шоберль (1826–1899) заявляет следующее: «Катехизис должен быть *католическим* не только по своему содержанию, но и по *форме*. Он должен, иными словами, учить всему тому, чему учит католическая церковь. Свидетельство Бога это формальное начало католической веры» (перевод свободный)⁵.

Если божественное откровение определяет форму катехизиса, то катехизис, в свою очередь, определяет методику преподавания Закона Божия. Шоберль вкратце так формулирует это положение: «Авторитетному характеру этой "священной книги" соответствует [...] автори-

³ Benger M. Pastoraltheologie. Regensburg, 1861. Bd. 1. S. 597.

⁴ «Der catechetische Lehrstoff ist *inhaltlich* wesentlich unterschieden und *verschieden* von allen anderen Wissens- und Lerngegenständen. Dieser Gegenstand ist den Menschen von Gott selbst gegeben durch die Offenbarung. [...] Die Religionslehre ist also inhaltlich *Wort Gottes, unwandelbare, ewige Wahrheit*. Das gilt von keinem andern Lehrgegenstand» (Baier J. Methodik der religiösen Unterweisung in der katholischen Volksschule. Zum Gebrauche in Schullehrer-Seminarien und Priester-Alumnaten. Würzburg, 1897. 2. Aufl. S. 58.)

⁵ «Nicht bloß nach seinem Inhalte, sondern auch nach seiner *Form* muß der Katechismus *katholisch* sein, das heißt, er muß alles *so* lehren, *wie* die katholische Kirche lehrt. Das Zeugnis Gottes ist das Formalprinzip des katholischen Glaubens» (Schöberl F.X. Lehrbuch der katholischen Katechetik. Kempten, 1890. S. 260–261.)

тет методики, при помощи которой следует преподавать катехизис»⁶ (перевод свободный).

Так формулировался метод *анализа текста и объяснения текста*. Он исходит из подлежащего усвоению текста катехизиса, в котором объяснено «предложение за предложением, слово за словом»⁷. Такое обучение катехизису являлось главным образом «толкованием текста Катехизиса»⁸.

2. Пробуждение в области преподавания катехизиса: мюнхенский метод

2.1. Признаки кризиса в неосхоластическом преподавании катехизиса

Авторитетные слова Франца Ксавера Шоберля о катехизисе и о преподавании катехизиса противоречили гораздо менее блестящей школьной реальности. Тому были разные причины. Вот две из них:

Изменения в общественных условиях

К концу XIX в. схоластический катехизис начинает все чаще сталкиваться с такими явлениями, связанными с индустриализацией, как социальная дезинтеграция и ослабление связей между христианами⁹. В таких крупных городах, как Мюнхен или Вена, эти изменения проявились нагляднее всего.

Педагогическая отсталость в преподавании Закона Божия

В XIX в. Иоганн Фридрих Гербарт (1776–1841) и его ученик Туискон Циллер (1817–1882) разработали новую научную теорию обучения. Речь шла о теории обучения и о катехизисе, где главным было формирование личности студента. Этот аспект светской педагогики никак не использовался в преподавании Закона Божия, которое опиралось на метод анализа текста, что студентами воспринималось как умышленная пытка и часто отбивало желание заниматься. Но и преподаватели катехизиса тоже страдали от непродуктивной методики, которая

⁶ «Dem autoritativen Charakter dieses ‚heiligen Buches‘ entspricht [...] die *autoritative Methode*, nach welcher der Katechismus behandelt werden muß». *Schöberl F.X.* Eine neue Katechisierungsmethode // *Katechetische Blätter* (далее: *KatBl*). 1888. Jg. 14. S. 106.

⁷ *Meunier W.H.* Die Lehrmethode im Katechismus-Unterricht. Ein Beitrag zur heutigen Bewegung auf dem Gebiete der Katechetik. Köln, 1905. S. 50.

⁸ *Weber A.* Synthetische oder analytische Methode im Religionsunterricht? // *KatBl*. 1901. Jg. 27. S. 70.

⁹ См.: *Gleißner A.* Die Münchener Methode im Spiegel zeitgenössischer Auseinandersetzungen // *KatBl*. 1987. Jg. 112. S. 429.

неизбежно обрекала преподавание на неудачу. Они видели, что преподавание Закона Божия не имело адекватного методического обеспечения и что необходимо было срочно исправлять ситуацию. Мюнхенский кружок преподавателей катехизиса стал движущей силой таких реформ. В рамках этой рабочей группы преподаватели катехизиса попытались найти выход из ущербного положения, в котором оказалось преподавание Закона Божия.

2.2. Структурированный катехизис: пять уровней мюнхенского метода

Целью членов Мюнхенского катехетического общества (*Münchener Katechetten-Verein*), которых часто называли для краткости *die Münchener*, было приведение преподавания Закона Божия к такому дидактическому состоянию, в котором находились другие школьные дисциплины. Поскольку в рамках неосcholастического мышления любое изменение учебного материала было абсолютно немислимо, единственным выходом из создавшегося положения было реформирование методики. К этому подводила педагогическая схема Гербарта и Циллера, которую все разделяли.

Если упростить проблему, то мюнхенский метод состоит из пяти-уровневой схемы, включающей три первичных уровня (LP) и два вторичных (LS):

1. Подготовка с указанием конечной цели (LS): Повторение предмета, краткое объяснение важных вопросов для последующей презентации.

2. Презентация и ознакомление (LP): например, повествование, опыт, образ, текст и т.д.

3. Объяснение или формирования понятия (LP); увязывание презентации с вопросами Катехизиса.

4. Изложение (LS): прочитать вопросы по катехизису в учебнике по катехизису.

5. Практическое применение (LP): увязывание вопросов катехизиса с религиозной жизнью детей.

Даже если эта схема представляется сегодня абсолютно нейтральной, возникли споры, затрагивавшие саму ортодоксию нового метода.

3. Подозрение в ереси: ожесточенная дискуссия по поводу мюнхенского метода

3.1. Церковный климат: «Вагенбургская ментальность»

Во второй половине XIX века католическая церковь начала систематически отгораживаться от всего того, чем современная эпоха могла

на нее повлиять. Религиозное чувство того времени лучше всего представить как «Вагенбургскую ментальность»: все мыслимые враги, как-то: «прогресс», «либерализм», «субъективизм», «современная наука», «рационализм» и так далее осаждают Церковь как крепость, оказывающую святое сопротивление. Для замыкания круга римские папы, начиная с Пия IX (1846–1878), стремились добиться полного единообразия католической мысли в неосхоластическом смысле слова.

При папе Пии X (1903–1914) противоречия между обращенной в прошлое церковью и современной культурой достигли кульминации. Публикация в 1902 г. книги Альфреда Луази «Евангелие и Церковь» положила, можно сказать, начало модернизму. Текст, написанный Луази, ознаменовал собой начало огромного потока книг, попадавших в Индекс запрещенных книг или подвергавшихся осуждению. Понтификат Пия X почти полностью прошел под знаменем осуждения книг и помещения их в Индекс запрещенных изданий¹⁰.

3.2. Ортодоксия мюнхенского метода?

В рамках этой церковной ситуации, где в инновациях изначально усматривалась ересь, педагогические инновации в области преподавания католического Закона Божия имели шансы на успех лишь ограниченно. Перед Мюнхенской методикой вставали огромные трудности. Альтернатива заключалась в следующем: использовать в преподавании Закона Божьего *дедуктивный* метод – как это предусматривает неосхоластическая методика анализа текста, т.е. отталкиваться от текста катехизиса, а затем толковать или анализировать его, или использовать *индуктивный* метод – что соответствует мюнхенскому методу, – т.е. представить ясный пример, чтобы объяснить с его помощью текст катехизиса.

Для противников мюнхенского метода речь шла о вопросе, касающемся ортодоксии. Они рассуждали следующим образом. С помощью мюнхенского метода истины Веры возводятся к рационально устроенному миру. Но это влечет за собой вопиющее противоречие со сверхъестественным благом веры, властью Бога, который проявил себя сам и с помощью Церкви, которой доверено управление *Depositum fidei*.

Эти упреки поставили *Münchener* в очень сложное положение. В конце концов им пришлось обратиться к эксперту, уважаемому профессору церковной догматики, чтобы защититься от упреков в ереси.

¹⁰ См.: *Neuner P.* Ein mißlungener Versuch der Begegnung mit der Neuzeit. Die Modernismus-Kontroverse und ihre Folgen // Kirche im 19. Jahrhundert / Hg. von M. Weitlauff. Regensburg, 1998. S. 191.

3.3. Оценка спора

Не вызывает сомнений, что *Münchener* не хотели радикально реформировать систему преподавания в Католической церкви. Наоборот, они считали, что их реформированный метод может внести решающий вклад в продвижение знания догматов веры в соответствии с традиционными предписаниями.

Но критики все поняли правильно. Когда интуиция и индукция в передаче знаний веры играют столь важную роль, когда – в целом – в центр внимания ставится условие понимания предмета студентами и их субъективность, эти инновации выталкивают наружу – пусть и скрытно – теологический разрез неосхоластики. Это почувствовали критики мюнхенского метода и именно это было глубинной мотивацией их ожесточенного сопротивления.

4. Катехизис в процессе перемен: преподавание Закона Божия по мюнхенской методике

Даже если мюнхенский метод подвергся нападкам и дискредитации, этот процесс нельзя было остановить. Он отвечал потребностям в реформировании преподавания Закона Божия. Мюнхенская методика диктовала порядок организации преподавания катехизиса и привела к изменениям трех определяющих факторов: роли учащегося, катехизиса и преподавателя.

4.1. Смещение взгляда на ученика: опосредованная передача веры адресату.

Для мюнхенского метода важно то, что в процессе опосредования религиозных истин основное внимание уделяется потребностям и динамике понимания со стороны ребенка. Базовая схема, характерная для неосхоластического преподавания катехизиса, предполагала идти от текста к учащемуся, а *Münchener* шли в обратном направлении: от учащегося к тексту. Это изменение вектора предполагало большее внимание к субъекту.

В преподавании они отдавали предпочтение моменту активного усвоения, а не моменту рецептивного усвоения, и холистическому обучению учащегося, а не чистой передаче знаний.

4.2. Иная роль катехизиса: функциональный характер

Спор, касающийся правильного метода изучения катехизиса, поднимает вопросы о роли и значении катехизиса для преподавателей и учащихся. Представители метода текстуального анализа упорно настаивают на том, что катехизис – это «авторитетное руководство» для

преподавателя и «авторитетная книга для заучивания» для учеников¹¹. *Münchener* думали по-другому: для них катехизис был «помощью в преподавании», они отводили катехизису роль «учебника и помощника», в то время как студенту они отводили роль «свободно изучающего и запоминающего»¹². Привязанные к традиции преподаватели видели в катехизисе главную роль в процессе преподавания, а для *Münchener* это было скорее средство. Таким образом в катехизисе опровергалась постулируемая преподавателями катехизиса неосхоластами зависимость метода от содержания.

4.3. Новое самопонимание преподавателей катехизиса, преподающих закон Божий для детей

Благодаря реформаторской деятельности группы *Münchener* была усилена позиция преподавателей катехизиса в религиозном образовании. Они должны были получить большую степень независимости относительно той, что теологи – сторонники системы традиционного теологического образования – были склонны им предоставить. На основе интуитивного представления о том, что «простая катехизисная экзегеза [...] учит только катехизису, но не религии»¹³, в религиозном образовании центр тяжести переместился от катехизиса к преподавателю, в котором теперь усматривали не только «толкователя» катехизиса, но и *преподавателя Закона Божьего* для детей.

Этот момент очень важен и в теологическом плане тоже. Теперь в процессе преподавании закона Божьего учащийся получает «сокровище веры» прежде всего не через наставничество в виде катехизиса, но, можно сказать, через Христа в лице преподавателя. Этот метод придает большую наглядность моменту *личной* передачи блага Откровения, чем при информативной передаче, что свойственно учениям об Откровении, опирающимся на тексты и на систему.

5. Эпистемологическое репозиционирование: от катехизиса к преподаванию католической религии

Для представителей Мюнхенского катехетического общества очень важной была научность их метода. Они усматривали эту научность в психологической основе своего метода, ибо он следует законам усвое-

¹¹ *Schraml, J.* Das Prinzip der modernen Anschauung und die Anschauung im Religionsunterricht. Eine apologetisch-methodische Studie, Regensburg, 1899. S. 95.

¹² *Blickle W.* Zur Methodenfrage im Katechismusunterricht. Kempten, 1909. S. 42.

¹³ *Eggersdorfer F.X.* Der Sinn der Methodenbewegung in der Katechese // *KatBl.* 1921. Jg. 47 (1921). S. 65.

ния материала. Вместе с требованием *научно* обоснованной системы преподавания происходит эпистемологический поворот. Неосхоластический катехизис XIX в. утверждал, что в состоянии вывести педагогические постулаты из постулатов теологических. В начале XX в. изучение катехизиса, опирающееся на мюнхенский метод, заявило о своей научности. Это делало его открытым для новаций светской педагогики, а с другой стороны – связывало его с университетским миром¹⁴.

Эта перемена влечет за собой последствия и в концептуальном плане тоже: стал распространяться термин «педагогика религии»¹⁵ и здесь важную роль сыграло лингвистическое понятие о двух источниках катехизиса: религия или теология и педагогика.

6. Заключение и перспективы

Движение по реформированию преподавания катехизиса, зачинателями которого были *Münchener*, в некоторых важных аспектах вышло за рамки неосхоластического катехизиса, суть которого заключалась в толковании текстов катехизиса. Содержание остается еще во многом связанным с неосхоластическим догматизмом, но мюнхенский метод попытался в значительной степени изменить действия преподавателей катехизиса. Это повлекло за собой новый подход к роли студента, катехизиса и преподавателя. С эпистемологической точки зрения движение научных методик привело в конечном итоге к «смене парадигмы в теории религиозно-католической науки»¹⁶.

Несмотря на всю свою инновационную силу мюнхенский метод не сумел преодолеть некоторые дидактические препоны. В заключении рассмотрим две из них:

1. Мюнхенский метод создал дидактический запрос прежде всего как запрос на методику и не рассматривал вопросы, связанные с *содержанием*.

2. Несмотря на все усилия учитывать особенности детского восприятия, это произошло только в плане обучения догматики. Ребенок в конечном итоге оставался лишь исходной точкой процесса передачи

¹⁴ См.: *Englert R. Wissenschaftstheorie der Religionspädagogik // Bilanz der Religionspädagogik / Hg. von H.-G. Ziebertz, W. Simon. Düsseldorf, 1995. S. 148.*

¹⁵ На итальянский язык обычно переводится как «преподавание религии». *Прим. пер.*

¹⁶ *Hemel U. Religionspädagogisch-katechetische Entwicklungen, 1875 bis 1900 // KatBl. 1987.Jg. 112. S. 428.*

теологического знания, и нельзя было и помыслить, что он станет субъектом формирования религиозной личности.

Именно эти две проблемные области – так называемая керигматика и понятие корреляции – должны были стать следующим скачком парадигмы в области религиозно-католической науки XX в. и привести к решающим изменениям. Но это выходит за рамки данной работы.

Пер. с итал. Н.Г. Тереховой

В 1861 г. начал работу парламент первого созыва Королевства Италии (для Сардинского королевства это был парламент восьмого созыва). Тогда же на всю территорию государства была распространена (хотя и с учетом конкретной специфики¹) система образования, введенная законом Казати*. Но стартовые условия прежних итальянских государств весьма отличались друг от друга. Эти отличия крылись как в культурных традициях, так и в социально-экономических условиях. Закон Казати, пусть с некоторыми оговорками, предусматривал, что *свободное* образование, к которому не причастно Государство, должно

¹ Законы об образовании, принятые в разных провинциях Королевства рассмотрены в работах: *Saredo G. Vicende legislative della pubblica istruzione in Italia dall'anno 1859 al 1899. Introduzione al codice della pubblica istruzione.* Torino, 1901; *Sagliocco C. L'Italia in seminario (1861-1907).* Roma 2008. P. 30–33.

* Закон Габрио Казати был издан правительством Сардинского королевства в 1859 г., во время войны Франции и Пьемонта против Австрии. Таким образом, закон Казати стал первым итальянским законом в области школьного образования и оставался в силе до 1922-23 гг., когда итальянская система образования была реорганизована в соответствии с реформой философа-неоидеалиста Джованни Джентиле. Закон Казати имеет две характерные черты: с одной стороны – элитарный характер, с другой – гибридность между моделями французской либеральной и прусской бюрократической пирамидальной. Элитарный характер закона Казати проявился в том предпочтении, которое отдавалось обучению элит (в гимназиях и лицеях, а также в университетах – единственных, получавших финансирование государства). Бремя начального и профессионального образования ложилось на местные власти; из-за такого решения увеличивался разрыв между прогрессивным развитием и отсталостью остальной части страны. Сочетание образовательных французской и прусской моделей осуществлялось путем формирования ригидного административного аппарата, зависящего от Министерства народного образования, которое, несмотря на ригидность своих постановлений, гарантировало полную свободу частных инициатив в области образования. Благодаря этой свободе, предоставляемой законом Казати, Церковь в Италии имела возможность открывать многочисленные частные школы, часто функционирующие в рамках семинарий (*Прим. ред.*).

стать преобладающим, особенно в сфере высшего образования². Это означало, что местные органы власти, частные лица, религиозные объединения могли открывать высшие учебные заведения, что представлялось гарантией либерализма, пусть умеренного, но который на самом деле имел место. Для того, чтобы воспользоваться этим правом, необходимы были помещения, отвечающие санитарно-гигиеническим нормам, уважение к государственным институтам, дипломированные преподаватели. Далее мы увидим, что последнее условие, на самом деле, не распространялось на частные школы, открываемые в южных областях Итальянского королевства, в которых указ от 10 февраля 1861 г. требовал вместо дипломов всего лишь подробный учебный план³. Чтобы гарантировать однородный характер получаемого образования предусматривались выпускные экзамены в гимназиях и лицеях, которые должны были носить публичный характер, а также периодические инспекции.

Что же касается епископских семинарий, в законе Казати не было четких формулировок. Это вызывало большие споры как в Министерстве, так и в Высшем совете по делам образования, которым часто приходилось распутывать весьма серьезные казусы⁴. Семинарии непосредственно подчинялись епископу и изначально должны были готовить священников, но на самом деле уже более ста лет принимали за плату также и светскую молодежь. В 1889 г. Аристиде Габелли писал на страницах *Nuova Antologia*:

«С объединением Италии положение стало более ясным и устойчивым. Церковь не пожалела сил, чтобы захватить сферу народного просвещения и покрыла территорию страны сетью из 400 семинарий, к которым следует добавить еще около 200 других образовательных институтов, созданных по их облику и подобию усилиями частных благотворителей, пожелавших увековечить свое имя в памяти потомков тем, что создали у себя на родине гимназии. Со своей стороны, до объединения Италии правительства некоторых итальянских государств

² По этой теме см. *Sagliocco C.* Scuola governativa e scuola libera. Reclutamento e libri di testo nei ginnasi licei postunitari // Il ginnasio-liceo nelle memorie di un professore (1859-1888). Pisa, 2012. P. 11–39.

³ Подробнее об указе от 10 февраля 1861 г. см.: Collezione delle leggi de' decreti e di altri atti riguardanti la pubblica istruzione promulgati nel già reame di Napoli dall'anno 1806 in poi. Napoli, Stamperia e cartiere del Fibreno, 1863. Vol. III: Dall'anno 1849 al 1861. P. 625.

⁴ О дискуссиях, происходивших в Высшем Совете относительно применения норм закона Казати, а также предыдущих законодательных актов, касавшихся семинарий, см.: *Sagliocco C.* L'Italia in seminario... P. 71–83.

попытались освободиться от засилья церкви и частных лиц и с этой целью открывали собственные образовательные институты. Итальянское королевство получило таким образом в процессе своего становления такое количество классических институтов, которое в три-четыре раза превышало более развитые страны и могло соперничать с доброй половиной европейских государств»⁵.

Семинарии были учреждены в 1563 г. документом, принятым Тридентским собором, и должны были обеспечить подготовку кадров священников. В Новое время они появились в различных приходах Апеннинского полуострова⁶. Как известно, подготовленный Собором документ отличался очень большой гибкостью, необходимой для достижения компромисса между участниками Собора. Но она же имела следствием неоднородность документа, которая отразилась на содержании образовательных программ и в подходах к организации семинарий⁷. В принятом Собором документе не сказано, что подготовка священников должна непременно осуществляться в семинариях. Разрешалось функционирование тех структур, которые до этого обеспечивали подготовку кадров для Церкви (кафедральные школы, восходящие к Средним векам; обучение у священника-наставника; школы иезуитов). Следует также сказать, что при учреждении семинарий не рассматривался вопрос, на какие средства они будут существовать, что приводило их на грань выживания и вынуждало многие структуры принимать светскую молодежь на платной основе, а также детей из менее зажиточных семей, которые могли воспользоваться пожертвованиями какой-либо знатной семьи, решившей поддержать престиж своего рода путем предоставления средств на обучение в семинарии для выходцев из неимущих слоев.

На протяжении XVIII в. этот институт, представлявший смешение церковных и светских начал, еще более окреп, в частности, благодаря

⁵ *Gabelli A.* L'istruzione classica in Italia: dalla "Nuova Antologia" del 1° febbraio 1889 con correzioni ed aggiunte // *Gabelli A., Villari P.* L'istruzione classica in Italia. Roma, 1889. P. 7–35 (в особенности P. 16).

⁶ Семинарии были учреждены 15 июля 1563 г. в соответствии с документом, принятым XXVIII сессией Собора. См.: *Guasco M.* La formazione del clero: i seminari // *Storia d'Italia. Annali.* Torino, 1986. Vol. IX: La Chiesa e il potere politico dal Medioevo all'età contemporanea / A cura di G.Chittolini, G. Miccoli. P. 629–715.

⁷ *Negruzzo S.* Collegij a forma di seminario. Il sistema di formazione teologica nello Stato di Milano in età spagnola. Brescia, 2001. Cp.: *Jedin H.* Il Concilio di Trento ha creato l'immagine-modello del prete? // *Sacerdozio e celibato. Studi storici e teologici* / A cura di J. Coppens. Milano, 1975. P. 147–175.

суверенам государств периода, предшествовавшего объединению Италии, которые экономически обеспечили его выживание. Подумать только, прежде чем стать привилегированным местом подготовки кадров священнослужителей – в качестве которого мы сегодня его и знаем – должно было пройти почти 400 лет. В 1905 г. папа Пий X приступил к реорганизации этого института. Так, для получения сана священника посещение занятий приобрело обязательный характер⁸. Кроме того, было принято решение окончательно закрыть для светской молодежи возможность получения образования в подобных учреждениях.

Исследование, проведенное по распоряжению министра Натолли⁹, выявило, что в течение 1863/64 уч. г. проходившая в семинарии обучение светская молодежь составляла 36% от общего числа учащихся. Это весьма высокая цифра во многом настораживала, ибо отношения с Ватиканом носили совсем не безоблачный характер. Королевство Италии в своей новой конфигурации лишило Папское государство его провинций, а через несколько лет вообще перенесло столицу в Рим со всеми вытекающими из этого последствиями, при этом оно оказалось виноватым как перед церковью (осудившей такой поступок), так и перед всей Европой, перед католиками Франции, Германии, Австрии и так далее. В этой ситуации соображения международной политики не могли не влиять на внутреннюю политику.

Семинарии Северной и Центральной Италии с самых первых лет после объединения страны не стали возражать против инспекционных проверок и, пусть минимально, учли требования закона (притом, что даже государственные школы в те годы часто не соответствовали требуемым стандартам). В частности, они не закрывали дверей для людей со стороны. Что же касается семинарий на Юге Италии, то они оказались менее сговорчивыми и отказывались пускать к себе инспекторов с проверками. Они также продолжали вести образовательную деятельность без учета требований закона.

Реформаторский подъем, вызванный объединением Италии, привел к тому, что многие представители интеллигенции и политические деятели того времени вообразили, что можно постараться как-нибудь «национализировать» семинарии, которые таким образом смогли бы продолжать обучать в том числе и светскую молодежь, но с учетом образовательных стандартов, предусмотренных как для государствен-

⁸ О реформах Пия X подробнее: *Guasco M. La formazione del clero. Milano, 2001. P. 59–66.*

⁹ Ministero della Pubblica Istruzione, *Statistica del Regno d'Italia. Istruzione primaria e secondaria classica data nei seminari. Firenze, 1865.*

ных, так и для частных учебных заведений. Таким образом удалось бы не только сохранить на плаву уже опробованные и укоренившиеся в культурном плане в местной почве структуры. Можно было бы влиять на подготовку молодых священников и постараться прийти, таким образом, к достижению согласия между Церковью и Государством. На самом деле, однако, этому плану сильно противилась сама епископы, которые, особенно на Юге Италии, как мы уже говорили, часто отказывались пускать инспекторов с проверкой, а также вносить изменения, которые тогда действовали для государственных учебных заведений. Епископы утверждали, что семинарии обладают самостоятельностью в силу своей принадлежности церкви, но не сумели избежать того, что многие из них оказались закрытыми по воле правительства, и это вызвало немало возмущения и большую полемику на местном уровне: с 1860 по 1865 г. были закрыты 82 семинарии¹⁰.

В 1865 г. был издан специальный указ по поводу семинарий, но он не принес заметных результатов. Раз не удалось их «национализировать», решили пойти по пути их секуляризации. Указом от 1 сентября 1865 г. (Королевский указ от 1 сентября 1865 г. № 2506 «О возобновлении занятий в средней школе в закрытых семинариях») предписывалось открыть ранее закрытые семинарии и превратить их внутренние школы в государственные, подчиненные провинциальным, а впоследствии – муниципальным органам власти. Было конфисковано имущество в размере 2/3 их доходов, включая помещения¹¹. Этот указ был исполнен лишь в некоторых районах, но его последствия не заставили себя долго ждать. С одной стороны, местное население выражало свое несогласие тем, что бойкотировало занятия. С другой стороны, весьма скоро многие из доходов, которые были конфискованы и переданы местной администрации, достаточно быстро были возвращены епископам благодаря вмешательству Государственного совета, признавшего незаконным их отчуждение¹². В результате семинарии продолжали на протяжении многих лет школьные курсы (зачастую) без официального разрешения. Им с трудом удавалось выживать, ибо, с одной стороны, им постоянно угрожали закрытием, с другой стороны, им

¹⁰ По этой теме см.: *Sagliocco C. L'Italia in seminari...* P. 111.

¹¹ *Ibid.* P. 111–130

¹² См. Постановление Ревизионной комиссии Министерства образования от 29 сентября 1865 г.: *Archivio Centrale dello Stato. Ministero della Pubblica Istruzione* (далее: MPI). *Divisione scuole medie, 1860–1896.* В. 139. Мнение, выраженное по данному вопросу 24 ноября 1865 г. членами Государственного совета (*Consiglio di Stato. Sezione di Grazia e Giustizia e dei Culti*) доступно в форме выписки из протокола: *Ibid.* В. 137.

реально (пусть даже частично) приходилось приспосабливаться к программам и правительственным требованиям.

Преподавательский состав семинарий часто не имел соответствующих дипломов (это условие не носило обязательного характера в южных провинциях при открытии частных школ). Сама организация учебного процесса не соответствовала тому, что предусматривали действующие нормативные документы. Семинария в г. Потенца, например, получила в 1869 г. от Школьного совета своей провинции разрешение открыть среднюю школу, но Высший совет ей в этом отказал. Предложенное епископом штатное расписание включало лишь четырех преподавателей. В течение десяти лет они должны были вести занятия как в начальных классах, так и в лицее. Что же касается предложенных кандидатур:

«Двое из них, господин Раффаеле Гума и господин Микеле де Толла, первый из которых должен преподавать в начальных классах, другой – гуманитарные науки и латынь, имели на руках только аттестат, выданный ректором семинарии. Этот аттестат не является юридическим доказательством компетентности в области преподавания. Третий господин, синьор Раффаеле Гриппо должен преподавать рациональную философию, физику и математику, но у него из всех документов только талоны филологического факультета и физико-математического факультетов, подтверждающие, что он зачислен на соответствующие университетские курсы, но этого недостаточно даже для преподавания в начальных классах и тем более для получения трех дипломов, позволяющих преподавать в лицее эти три основные дисциплины. Последний из них, господин Джузеппе Спера является автором некоторых работ, которые можно считать сносными. Но их явно недостаточно, чтобы сделать вывод, насколько хорошо он знает итальянскую литературу, которую должен преподавать»¹³.

Несмотря на указ о закрытии семинарии год спустя преподаватель из приведенного выше списка, Джузеппе Спера, вновь обращается в Высший совет за получением разрешения на преподавание: из приложенной к прошению документации явствует, что семинария в г. Потенца так и не была по-настоящему закрыта, несмотря на полученные из Флоренции предписания.

Такое несоответствие между выдаваемыми предписаниями и их реализацией породило, в свою очередь, политику противоречивых шагов

¹³ См. протокол заседания Высшего совета от 20 апреля 1869 г., а также приложение к нему под литерой G: Archivio Centrale dello Stato. MPI, Verbalì del Consiglio superiore (далее: VCS). Anno 1869. Vol. 1. C. 955–965, 987–989.

на уровне управления государством. Высший совет по народному образованию и Министерство народного просвещения заняли в отношении семинарий показательную различную позицию. Первый был решительно настроен на закрытие семинарий, как только они начинали чинить препятствия реальному сотрудничеству. Другой орган был готов менять свою позицию с учетом складывавшейся в Парламенте ситуации и не только. Столь же сложными и противоречивыми были отношения между Министерством юстиции, имевшим касательство к семинариям, и Министерством народного просвещения: они так и не сумели договориться между собой о придании светского характера этим школам. Периферийные органы власти (провинциальные школьные советы и районные управления образования) по вопросам семинарий занимали нередко иные позиции, чем центральная администрация и часто ей противоречили. Так, если, с одной стороны, Высший совет выносил решение о закрытии той или иной семинарии, с другой стороны, Государственный совет, возможно, на основании статьи 1 Альбертинского статута¹⁴ оказывался более снисходительным и разрешал открытие школы. «Несовершенный централизм» нового Королевства потворствовал, таким образом, выживанию традиций и привычек, нередко с многовековой историей, которые за несколько лет нельзя было искоренить. В г. Чефалу, например, муниципалитет и епископ пришли к соглашению, по которому часть здания семинарии переходило местным органам власти для нужд начальной школы и гимназии. С другой стороны, муниципалитет разрешил епископу открыть в семинарии частный пансион для учащихся средней школы. При этом сами семинаристы должны были посещать государственную школу. Доход от пансиона оставался в распоряжении епископа. Что же касается помещений, то они, по мнению муниципалитета, были достаточны для организации в них школы. В этом случае Высшему совету оставалось только ратифицировать соглашение¹⁵.

Не следует в любом случае забывать, что отношения между епископами и провинциальными школьными советами могли отличаться друг от друга в зависимости от территории. Это подтверждает случай с семинарией в г. Аквила, где Провинциальный школьный совет исключительно по причине «политической аморальности» выразил от-

¹⁴ «Ст. 1. Католическая, Апостольская, Римская религия – единственная религия государства. Отправление остальных существующих культов допускается в соответствии с действующим законодательством».

¹⁵ См. протокол заседания Высшего совета от 20 января 1869 г.: Archivio Centrale dello Stato. MPI. VCS. Anno 1869. Vol.1. С. 169–177, в особенности С. 170–171.

рицательное отношение к открытию в семинарии средней школы. В этом случае Высший совет по народному образованию не согласился с таким решением и вернул бумаги для повторной оценки законности акта¹⁶.

В 1992 г. вышел в свет сборник статей под редакцией Марио Роза. Один из авторов сборника Джузеппе Баттелли подверг критике то, как на определенную часть религиозной историографии влияет безусловное принятие ведущей роли движения за объединение Италии и вытекающего из него *римского вопроса* в рамках итальянской истории XIX в.¹⁷ Мы не хотим умалять то значение, которое занимает, например, объединение Италии или занятие Рима, но нам столь же очевидно, что епископские семинарии жили по своему особому календарю, в котором общий вопрос отношений между Церковью и Государством присутствовал как некая преобразовательная сила, а не повод для нагнетания отношений и политических споров. Из множества изученных мною документов в ходе подготовки публикации моей книги о епископских семинариях недвусмысленно следует вывод о том, что несмотря на меры, предпринимаемые правительством и префектами,

¹⁶ Протокол заседания Высшего совета от 5 марта 1868 г.: Ibid. Anno 1867–1868. Vol. 1. С. 537–549. В данном случае речь идет о семинарии в г. Аквила. Епископ просил о возобновлении работы средней школы, закрытой 16 июня 1865 г., об этом сообщил советник Бертольди (с. 538): «епископ однозначно заявил о намерении уклониться от выполнения норм существующего законодательства по данному вопросу. В связи с этим было доложено, что Областной совет по делам школы, прежде чем приступить к исполнению того, что предписано законом, принял решение уточнить позицию епископа по отношению к исполнению тех норм, относительно которых он сам высказал отрицательное мнение, якобы в связи с недостаточностью данных, необходимых для принятия окончательного решения. В связи с вышеизложенным следует перенаправить запрос в Областной совет с тем, чтобы он вновь изучил обращение епископа г. Аквила в соответствии со статьями 57, 58, 59 и 60 указа от 10 февраля 1861 г., согласно которому осуществляется регулирование среднего образования в неаполитанских провинциях». Областной совет по делам школы вынес отрицательное решение, основываясь исключительно на «политической нецелесообразности». Формулировка, предложенная Бертольди, была принята единогласно. См.: Ibid. С. 538-539, а также документы под литерами В и С в приложении.

¹⁷ *Battelli G.* Clero secolare e società italiana tra decennio napoleonico e primo Novecento. Alcune ipotesi di rilettura, in *Clero e società nell'Italia contemporanea* / A cura di M. Rosa. Bari, 1992. P. 43–123 (процитированный отрывок на с. 45). Сам Баттелли в связи с изучением Розмини упомянул Франческо Траинелло, подчеркивавшего данный аспект: *Traniello F.* Società religiosa e società civile in Rosmini. Bologna, 1966. P. 9.

возглавлявшими провинциальные школьные советы, семинарии продолжали образовательную деятельность в рамках программы средней школы даже на Юге Италии благодаря отношениям, которые у них складывались с местными органами власти, а также благодаря поддержке населения.

Пер. с итал. Н.Г. Тереховой

Исторический контекст: прощание со Старым порядком

Апостольская, педагогическая и воспитательная деятельность св. Иоанна Боско (1815–1888), осуществлявшаяся им в среде молодежи и для молодежи, началась в период эпохальных изменений в области культуры и идеологии. Достаточно вспомнить имена двух современников Дона Боско, самых знаменитых мыслителей XIX в. – Карла Маркса (1818–1883) и Чарльза Дарвина (1809–1883). Первый из них, опубликовав в 1848 г. «Манифест коммунистической партии», внес решающий вклад в рождение атеистического социализма. Эволюционная теория второго, изложенная в работе «О происхождении видов» и увидевшая свет в 1859 году, отрицала божественное происхождение жизни. В политической области будет достаточно упомянуть Венский Конгресс (1815) и его попытку восстановить Старый порядок, впоследствии нарушенный Весной народов (1848), а также тревожный период Рисорджименто, приведший в 1870 г. к политическому объединению Италии и к закату светской власти Пап, исчезновению Папского государства (752–1870) и прекращению работы Первого Ватиканского собора.

Церковь «должна была противостоять значительным трудностям, вызванным секуляризацией государств. Доминирующая культура распространялась при помощи школьных и академических учреждений, а также средствами массовой информации. От имени науки и с позиций историко-критического метода были атакованы основные понятия догматического и теологического аппарата католицизма, открыв при этом новые возможности для столкновений и неприятия. Влияние Церкви на коллективную жизнь уменьшилось, а порой – в открытую оспаривалось. Системы ценностей, превалировавшие в экономической, социальной и политической жизни, больше не соответствовали моральным и доктринальным канонам, предписываемым ею»¹.

¹ *Traniello F.* L'epoca di don Rua: lineamenti di uno scenario storico // Don Michele Rua nella storia (1837-1910) / A cura di F. Motto. Atti del Congresso Internazionale di Studi su don Rua, Roma, Salesianum, 29 – 31 ottobre 2010. [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 27]. Roma, 2011. P. 39.

Индустриализация создала драматическую ситуацию для народного класса. Он требовал другого отношения со стороны католического мира, но первый ясный сигнал об открытости социальным вопросам он получил лишь в 1891 г., когда была опубликована энциклика *Rerum novarum* Папы Римского Льва XIII. На самом деле было заметно, что «социальный вопрос требовал по сути своей и по остроте ответов, которые не могли более быть доверены практикам, связанным с милосердием и служением, движимым христианским духом по отношению к нуждающимся и беднякам. Множились симптомы отчуждения целых социальных слоев, а также географических областей от религиозных практик, возник отказ от христианской веры ради других вероучений и убеждений (социализм, масонский культ, религии прогресса и человечества). Некоторые особенно проникательные христиане в разных уголках планеты пришли к осознанию того, что Церковь более не могла ограничиться защитой традиционных сфер своего присутствия [...]. Социальные вопросы, требования демократии, условия существования колонизированных народов, крупные миграционные потоки были восприняты, пусть с колебаниями и противоречиями, в качестве вызовов, возникших перед христианским сознанием, которое стремилось преодолеть привычный и одномерный каркас»².

Среди этих чутких деятелей католической церкви важное место занимает священник епархии г. Турина Джованни Боско. Очевидно, что в рамках небольшой статьи невозможно исчерпывающе изложить его вклад в создание нового лица церкви XIX в., продолженный его последователями в следующем веке и отмеченный впечатляющей динамикой, которую трудно объяснить при помощи одних лишь социальных категорий. После весьма краткого изложения данных, касающихся фигуры Дона Боско, а также его последователя и ученика Дона Микеле Руа, автор изложит в общих чертах лишь некоторые из его предложений, направленных на решение проблем, возникших на рубеже XIX–XX вв. области воспитания и обучения масс молодежи, прежде всего из народных слоев.

Джованни Боско и Микеле Руа: главные создатели воспитательного христианского подхода в период свобод

Джованни Мелькиорре Боско родился 16 августа 1815 г. в местечке Бекки ди Мориано, входившем в Кастельнуово д'Асти (сейчас Кастельнуово Дон Боско), в провинции Асти, епархии Асти. Его родители Франческо и Маргерита Оккьена (мать вышла замуж во второй раз

² Ibid. P. 40.

в 1812 г.) были крестьянами и вели весьма скромную жизнь усердных прихожан католического прихода. 5 июня 1841 г. Джованни Боско был рукоположен в священники в Турине, умер он в том же городе в 1883 г.³ В 1844 г. он самостоятельно учредил «ораторий» – на современном языке эту структуру можно было бы назвать «центр воспитания и профессиональной подготовки молодежи». Целью этого центра было распространение добра, морали, а также понятий о гражданском долге среди «беспризорной и педагогически запущенной» молодежи. Он был учрежден на постоянной основе в апреле 1846 г. в районе Вальдокко, бывшем в то время заброшенной периферией города⁴, с тем, чтобы максимально организованно, конструктивно, на долговременной, прочной основе дать ответы на серьезные вызовы в апостольском и образовательном плане в интересах молодежи. В 1859 г. Дон Боско учреждает Общество св. Франциска Сальского, которое спустя десятилетие было поддержано Папой Пием IX. Эта новая религиозная конгрегация получила в 1874 г. папское одобрение своего Устава, а двумя годами ранее, в 1872 г., Дон Боско основал совместно с Марией Доменикой Маццарелло Институт дочерей св. Девы Марии Помощницы Христиан с тем, чтобы подобную воспитательную и образовательную практику распространить и на девушек. К реализации своего апостольского проекта Дон Боско считал необходимым привлечь представителей светского мира. С точки зрения стратегии это было очень важным шагом. Инициатива была поддержана в 1876 г. Папой Пием IX и получила название Благочестивый Союз салезианцев-сотрудников (*Pia Unione dei Cooperatori Salesiani*).

³ Отсылаем лишь к некоторым исследованиям: *Stella P.* Don Bosco nella storia della religiosità cattolica. 2^a ed. Roma, 1979. Vol. I: Vita e opere; Roma, 1981; Vol. II: Mentalità religiosa e spiritualità. Roma, 1988. Vol. III: La canonizzazione (1888-1934); *Idem.* Don Bosco nella storia economica e sociale (1815-1870). Roma, 1980; Don Bosco nella Chiesa a servizio dell'umanità. Studi e testimonianze / A cura di P. Braido. Roma, 1987; Don Bosco nella storia / A cura di M. Midali. Atti del 1° Congresso Internazionale di Studi su Don Bosco (Università Pontificia Salesiana, Roma, 16–20 gennaio 1989). Roma, 1990; *Desramaut F.* Don Bosco en son temps (1815-1888). Torino, 1996; *Braido P.* Don Bosco prete dei giovani nel secolo delle libertà. [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 20-21]. Roma, 2009³.

⁴ *Braido P.* Don Bosco prete dei giovani... I. P. 177. См. недавние критические работы по истории вопроса, которые рассматривают возникновение и развития движения, созданного самим главным действующим лицом: *Bosco G.* Memorie dell'Oratorio di S. Francesco di Sales dal 1815 al 1855 / Saggio introduttivo e note storiche a cura di A. Giraud, Roma, 2011.

Дон Микеле Руа, ревностный, настойчивый, дальновидный и смелый продолжатель апостольской и воспитательной деятельности своего Учителя, родился в Турине 9 июня 1837 года⁵. Ему было 8 лет, когда он познакомился с Доном Боско, 24 сентября 1852 г. он вошел в Ораторий Вальдокко и оставался там вплоть до своей смерти за исключением перерыва на два года 1863-1865 гг. Он был одним из самых первых членов-основателей Общества св. Франциска Сальского (*Società di San Francesco di Sales*)⁶. Был рукоположен 29 июля 1860 г. в Казелле Торинезе. В 1885 г. Папа назначил его викарием, а с 1888 г. – первым заместителем Дона Боско. В течение 22 лет вплоть до своей смерти 6 апреля 1910 г. в Турине он осуществлял руководство, был вдохновителем Общества салезианцев (*Società salesiana*). Недавние исследования подтверждают его ведущую роль, конструктивный вклад, а также индивидуальный подход в деле развития и распространения центров Дона Боско по всему миру⁷.

Центры Дона Боско в Европе эпохальных перемен

На этих страницах будет представлено конкретное воплощение идей, на которых основывается деятельность Общества салезианцев, в сжатой форме будет изложена история зарождения центров на Старом континенте, не затрагивая ситуацию в Италии, хотя она стала страной с их самым большим количеством⁸. Мы не станем приводить полную историографию возникновения и динамики развития системы. Чтобы составить представление об этом достаточно ознакомиться со специа-

⁵ См. последнюю биографию: *Desramaut F. Vie de don Michel Rua premier successeur de don Bosco / Trad. ital. Vita di don Michele Rua primo successore di don Bosco (1837-1910) / A cura di A. Giraud.* Roma, 2009.

⁶ *González G.-J. Acta de fundación de la sociedad de S. Francisco de Sales, 18 diciembre de 1859 // Ricerche Storiche Salesiane.* 2008. N. 52. P. 309–346.

⁷ Ниже приведены лишь самые последние публикации, они представляют собой материалы международных конференций: *Don Michele Rua primo successore di don Bosco. Trattati di personalità, governo e opere (1888-1910) / A cura di G. Loparco, S. Zimniak. Atti del 5° Convegno Internazionale di Storia dell'Opera Salesiana, Torino, 28 ottobre – 1° novembre 2009.* [= Associazione Cultori Storia Salesiana – Studi, 4]. Roma, 2010; *Don Michele Rua nella storia (1837-1910) / A cura di F. Motto. Atti del Congresso Internazionale di Studi su don Rua – Roma, Salesianum, 29–31 ottobre 2010.* [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 27]. Roma, 2011.

⁸ Отсылаем к двум крупным работам: *Salesiani di Don Bosco in Italia: 150 anni di educazione / A cura di F. Motto.* Roma, 2011; *Le Figlie di Maria Ausiliatrice in Italia (1872-2010). Donne nell'educazione: documentazione e saggi / A cura di G. Loparco, M.T. Spiga.* Roma, 2011.

лизированной библиографией, приведенной в примечаниях на этой странице.

Первый центр был учрежден салезианцами за пределами Италии в 1875 г. в Ницце (Франция) по воле Дона Боско⁹. На начальном этапе учреждение имело ораторий и школу-интернат для ремесленников (Patronage Saint-Pierre). Затем, в 1876–1879 гг. были открыты первые мастерские для обувщиков, портных, кузнецов и, кроме того, техникумы для молодежи¹⁰. В 1878 г. салезианцы впервые появились в Марселе, там возник небольшой приходской кружок с начальной школой и интернатом для юных ремесленников. Важным фактом стало то, что произошло затем во Франции: дон Боско решил принять руководство «сельскохозяйственным поселением» в Ля Наварр в 1878 г. Это стало новшеством в типологии воспитательных программ салезианцев. В эту общину принимали в основном подростков-сирот, которые обучались работе в полях¹¹. Позднее возникли другие центры во Франции, среди них два очень важных: молодежный центр (ораторий) в Париже и приют св. Гавриила (San Gabriele) в Лилле, оба были учреждены в 1884 г.¹² Постоянный и обнадеживающий прогресс побудил руководство Конгрегации учредить вторую французскую *Ispettorìa* (Окружное управление), т.к. от первой, носившей имя св. Лазаря (San Lazzaro), расположенной в Ницце с 1881 г., пять лет спустя отделились центры Севера Франции и Бельгии. Целью данной реорганизации стало создание нового округа, т.е. *Ispettorìa di San Dionigi*, расположенной в Лилле¹³. Таким образом, в 1901 г. в первую *Ispettorìa* входило 10 домов, а

⁹ С панорамой, отражающей возникновение новых салезианских центров в Европе можно познакомиться в статье: *Wirth M. I salesiani in Europa (1875-1962). Sviluppo, condizionamenti e strategie // L'educazione salesiana in Europa negli anni difficili del XX secolo / A cura di G. Loparco, S. Zimniak. Atti del Seminario Europeo di Storia dell'Opera Salesiana, Cracovia, 31 ottobre – 4 novembre 2007 [= Associazione Cultori Storia Salesiana – Studi, 3]. Roma, 2008. P. 49–77.*

¹⁰ *Wirth M. Da Don Bosco ai nostri giorni. Tra storia e nuove sfide (1815-2000). Roma, 2000. P. 175.*

¹¹ *Le Carrères Y. Les colonies ou orphelinats agricoles tenus par les Salésiens de Don Bosco de France de 1878 à 1914 // Insediamenti e iniziative salesiane... P. 137–174.*

¹² Подробнее о деятельности в Париже см.: *Le Carrères Y. Don Bosco et les salésiens a Paris: de l'Oratoire Saint Pierre-Saint Paul au Patronage Saint Pierre (1884-1945) // L'Opera Salesiana dal 1880 al 1922. Significatività e portata sociale / A cura di F. Motto. Vol. II: Esperienze particolari in Europa, Africa, Asia. Atti del 3° Convegno Internazionale Storia dell'Opera Salesiana, Roma, 31 ottobre – 5 novembre 2000 [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 17]. Roma, 2001. P. 239–256.*

¹³ *Elenco Generale della Società di S. Francesco di Sales. 1901. P. 67, 74.*

во вторую – девять во Франции и четыре в Бельгии. Этот расцвет был прерван по политическим и идеологическим причинам вследствие принятия государственного закона об ассоциациях. С 1901 по 1925 гг. салезианцы во Франции переживали период «затишья»¹⁴.

В 1881 г. салезианцы появились в Испании, в андалузском городе Утрера. Там была открыта школа для бедных ребят и, кроме того, им передали приход Кармело¹⁵. Затем в 1884 г. последовало учреждение центра в Сарриа (в то время это был пригород Барселоны). Салезианцы сразу организовали там первые мастерские, которые назывались Колледжи Искусства и Ремесел, в них принимали подростков из небогатых семей, которые без этой программы не смогли бы получить профессиональную подготовку и надлежащее воспитание¹⁶. Вслед за этими первыми учреждениями по всей Испании возникли им подобные. Здесь мы рассказываем лишь о некоторых, а именно о тех, что находились в каталонской столице, в Барселоне (1890 г.), а также в Севилье (1892 г.). Салезианская миссия в Испании за короткое время достигла такого успеха, что главный ректор Дон Руа решил в 1892 г. учредить автономный округ (*l'Ispezzoria di San Giacomo Maggiore*), в который в 1900 г. входило девятнадцать домов¹⁷. После Италии Испания стала второй страной по количеству центров Дона Боско в Европе.

Перед смертью основатель салезианцев смог реализовать свою мечту об основании центра в Англии. Осенью 1887 г. туда приехали три его ученика и начали работу в приходе Баттерси (недалеко от Лондона), затем были организованы оратории воскресного дня, профессиональные школы, проводилась другая воспитательная деятельность¹⁸.

В 1891 г. был основан первый салезианский дом в Бельгии, в Льеже. Это был приют, к которому впоследствии присоединились другие

¹⁴ Desramaut F. I Salesiani francesi al tempo del silenzio (1901-1925) // L'educazione salesiana in Europa... P. 115–128.

¹⁵ Martín González A. Los salesianos de Utrera en España Una institución al servicio del pueblo. Aproximación a su historia secular (1881 – de 16 de febrero 1981). Inspectoría Salesiana de Sevilla, 1981.

¹⁶ Alberdi R. La obra salesiana in Cataluña (España) // Insiadamenti e iniziative salesiane... P. 421–443.

¹⁷ Elenco Generale della Società di S. Francesco di Sales. 1901. P. X.

¹⁸ См. подробнее: Dickson W.J. The dynamics of growth. The foundation and development of the Salesians in England [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 8]. Roma, 1991; Ruá M. Letters to the confreres of the English province (1887-1909) / Introduction, critical text and notes by M. McPake, W.J. Dickson [= Istituto Storico Salesiano – Fonti – Serie seconda, 11]. Roma, 2009.

учреждения. Спустя четыре года, в 1895 г., ораторий и профессиональные школы были организованы в Турнэ¹⁹. Поначалу весьма скромным было присутствие в Польше, в области Галиция, которая в то время входила в Австро-Венгерскую империю. В глухом местечке Миейсэ в 1892 г. нужно было устраивать приход и во вторую очередь оказывать помощь большому количеству бедных подростков, не имевших доступа к школьному образованию. Затем дон Бронислав Маркевич, присланный Обществом салезианцев в 1897 г., оставил эту деятельность с тем, чтобы учредить свою новую религиозную школу²⁰. Поэтому главный ректор Дон Руа решил на следующий год открыть другое заведение в городе Освенцим (находящимся примерно в 60 километрах от Кракова). Там одна за другой были открыты так называемые школы «Искусства и Ремесла» (*Arti e Mestieri*), преобразованные затем в профессиональные школы²¹. В Португалии первый салезианский центр был учрежден в 1894 г.²² в городе Брага, столице провинции Миньо (на северо-западе страны). Салезианцам было доверено заниматься Колледжем сирот св. Гаetano (*Il Collegio degli Orfani di S. Gaetano*). Первая структура на немецкоязычных территориях возникла в 1897 г. В Швейцарии в маленьком городке Мури начали работу школы «Искусства и Ремесла»²³. В Словении Общество салезианцев появилось в 1901 г. В Раковнике, пригороде Любляны, возникла весьма скромная школа «Искусства и Ремесла»²⁴. К 1903 г. относится первая

¹⁹ *Staelens F.* I salesiani di don Bosco e le lotte sociopolitiche in un'epoca di transizione (1891-1918) // *Ricerche Storiche Salesiane*. 1996. N. 15. P. 217–271; *Idem.* Fondazione e contesto socio-ecclesiale della casa salesiana di Tournai (Belgio). Dieci anni di corrispondenza (1886-1895) // *L'Opera Salesiana dal 1880 al 1922...* Vol. II. P. 215–238.

²⁰ *Zimniak S.* Salesiani nella Mitteleuropa. Preistoria e storia della provincia Austro-Ungarica della Società di S. Francesco di Sales (1868 ca. – 1919) [= *Istituto Storico Salesiano – Studi*, 10]. Roma, 1997. P. 107; *Wilk S.* La realizzazione dello spirito salesiano da parte del Beato Bronisław Markiewicz, Fondatore dei Micheliti // *Don Michele Rua primo successore...* P. 423–436.

²¹ *Żurek W.W.* Szkoły salezjańskie w Oświęcimiu na tle salezjańskiego szkolnictwa średniego ogólnokształcącego i zawodowego na ziemiach polskich 1900-1939 [Scuole salesiane di Oświęcim a confronto nell'istruzione media e professionale salesiana nei territori polacchi 1900-1939]. Lublin, 2010.

²² *Anjos A.* I salesiani a Braga. Il collegio di S. Gaetano (1894-1911) // *Insedimenti e iniziative salesiane...* P. 175–207.

²³ *Schmid F.* Die "Don Bosco-Anstalt zum hl. Joseph" in Muri (1897-1904) // *Ricerche Storiche Salesiane*. 1998. N. 33. P. 269–334.

²⁴ *Kolar B.* Il contributo di don Rua all'insediamento dell'opera salesiana tra gli Sloveni // *Don Michele Rua primo successore...* P. 779–803.

попытка обосноваться в Вене, там салезианцам было доверено заниматься воспитанием ребят из приюта, но спустя три года от этой деятельности они с сожалением отказались из-за недостаточной автономии, но вернулись туда в 1909 г.²⁵, став инициаторами создания центра молодежи в одном из неблагополучных районов Вены²⁶. В 1913 г. была учреждена структура в Венгрии. Прежде всего она должна была проводить религиозную работу среди так называемых «Детей Марии», т.е. поздно принявших сан католиков (*vocazioni tardive*)²⁷.

Можно сказать, что деятельность Дона Боско представляет собой особое явление в истории религиозной жизни хотя бы по одной простой причине, – ее необычайного распространения по всему миру, произошедшему в весьма сжатые сроки. Подтверждением этому служат некоторые статистические данные. После кончины в 1910 г. Дона Руа, первого последователя Дона Боско, в Европе было зарегистрировано 10 окружных управлений в Италии и еще 10 в остальной части Старого света²⁸. Количество учрежденных домов было весьма значительно: 110 в Италии²⁹ и 79 в других европейских странах³⁰. Прогресс, достигнутый на родине Основателя, поистине внушает восхищение. Следует обратить внимание на быстрое и массированное распространение Общества салезианцев, а также Института Дочерей св. Девы Марии Помощницы Христиан по миру, об этом свидетельствуют об-

²⁵ *Zimniak S.* Am Anfang steht Wien. Die erste Phase der Verbreitung der Salesianer Don Boscos in Österreich [= Don Bosco Reihe 12]. Wien, 2002. S. 10–12; *Idem.* Salesiani nella Mitteleuropa... P. 120–123; *Idem.* I Salesiani e il »Zurück zum praktischen Christentum« dei cristiani di Vienna (1903-1921) // *L'Opera Salesiana dal 1880 al 1922...* Vol. II. P. 262–267; *Maul M.* Provinzial P. Dr. Franz Xaver Niedermayer SDB (1882-1969) als «Baumeister» des Don-Bosco-Werkes in deutschen Sprachraum. Ein Beitrag zur salesianischen Ordensgeschichte. Linz, 2009. S. 71–74.

²⁶ См. в этой связи исследование: *Maul M.* Der Geist Don Boscos weht in dieser Anstalt. Salesianische Erziehung im Salesianum Wien III von 1909 bis 1922 [= *Piccola Biblioteca dell'Istituto Storico Salesiano*, 25]. Roma, 2013.

²⁷ Ср.: *Zimniak S.* Salesiani nella Mitteleuropa... P. 205–206.

²⁸ В это число входят две Ispettorie, расположенные во Франции, которые из соображений осторожности не могли фигурировать в списке Общества салезианцев. Серьезные события развивались в Португалии в 1910 г., когда в результате революции был свергнут монархический режим и новые республиканские власти установили запрет на деятельность всех религиозных институтов и на пребывание иностранцев в стране.

²⁹ *Malizia G., Motto F.* L'evoluzione dell'Opera Salesiana in Italia (1861-2010) // *Salesiani di Don Bosco in Italia...* P. 21–58.

³⁰ *Elenco Generale della Società di S. Francesco di Sales.* 1911. P. 5-8; речь идет о статусе Общества салезианцев по состоянию на 1 января 191 г.

шие статистические данные. В начале ректорства Дона Руа в 1888 г. салезианцев насчитывалось 773 человека (и 276 послушников), они действовали в 58 домах и 415 монахинь салезианок (и 164 послушниц), служивших в 54 домах. К моменту его смерти их было уже 4001 (371 послушников), работавших в 387 домах; а Дочерей Девы Марии (FMA) – 2716 (286 послушниц), работавших в 320 салезианских центрах на четырех континентах³¹.

Мотивы салезианской деятельности

В недавней биографии туринского святого, написанной Пьетро Брайдо, выявлены глубинные мотивы, подтолкнувшие его на осуществление своей деятельности: спасение душ, т.е. вечная жизнь, а также полная реализация предназначения индивидуума. Поэтому все шаги и этапы деятельности должны были иметь эту направленность при оказании помощи молодежи³². Подобного мнения придерживается и другой авторитетный ученый – Пьетро Стелла. Он утверждает, что Дон Боско «в качестве матрицы использует идею спасения в лоне католической церкви, являющейся единственным хранилищем необходимых для этого средств и инструментов. Она привлекает дезориентированную, бедную, оставшуюся без попечения молодежь, побуждает к осуществлению педагогически направленного воздействия, стараясь добиться отклика с тем, чтобы способствовать ее адаптации в мире и приближению к церкви при помощи методов мягкого воздействия и милосердия, но с применением настойчивости, обусловленной беспокойством о вечном спасении юношества»³³.

Необходимо пояснить, что для Дона Боско и его последователей воспитательные учреждения разного типа (начальные школы, гимназии, лицеи, а на начальном этапе в большинстве своем и училища типа «Искусства и ремесла», впоследствии преобразованные в профессиональные училища различной направленности)³⁴ и образовательные

³¹ Ср.: *Wirth M.* Da Don Bosco ai nostri giorni. Tra storia e nuove sfide (1815-2000). Roma, 2000. P. 530.

³² *Braido P.* Don Bosco prete dei giovani nel secolo delle libertà. [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 20-21]. Roma, LAS 2009³.

³³ *Stella P.* Don Bosco nella storia della religiosità cattolica. Vol. II. P. 13.

³⁴ О центральной роли и об эволюции данного типа школьных программ см.: *Prellezo J.M.* Scuole Professionali Salesiane. Momenti della loro storia (1853-1953). Roma, 2010. Подробнее см.: *Sarti S.* Evoluzione e tipologia delle opere salesiane (1880-1922) // L'Opera Salesiana dal 1880 al 1922. Significatività e portata sociale / A cura di F. Motto. Vol. I: Contesti, quadri generali, interpretazioni. Atti del 3°

центры, называвшиеся оратории, имели двойное назначение – религиозное и гражданское³⁵. Эти цели были сформулированы самим Доном Боско следующим образом: «добрые христиане и добропорядочные граждане». На самом деле вся его воспитательная работа была нацелена на то, чтобы сделать из каждого молодого человека главное действующее лицо новой цивилизации, гуманизирующей и евангелизирующей, переплавившей евангельские ценности с тем, чтобы юноша был достоин войти в полноту жизни, т.е. в Царство Божье³⁶. По мысли Основателя салезианцев таким образом все устроенные ими центры должны были стать местом, в котором каждое человеческое существо, а в данном конкретном случае подростки, молодежь – могли бы выявить красоту собственного человеческого достоинства перед лицом призвания к вечной жизни.

При изучении структур салезианцев с точки зрения социального, культурного происхождения содержащихся в них ребят обнаруживается безусловный народный характер, которым отличались все учреждения. Непреложным историческим подтверждением этому служат особенности месторасположения центров: почти всегда они находились в отсталых районах промышленных городов. Там молодежь проживала не только в бедности, но и подвергалась воздействию социалистических идей марксистского толка, а также секулярных идеологий, враждебных католической церкви. Во многих районах, где действовали салезианцы, не хватало элементарных образовательных институтов для молодежи, происходившей из низших слоев общества того времени. Не приходится упоминать о религиозной подготовке, которая была на удручающем уровне. Делая свой стратегический выбор, салезианцы следовали заветам Дона Боско, которые настаивал на том, что его деятельность возникла благодаря Провидению и нацелена она на то, что-

Convegno Internazionale Storia dell'Opera Salesiana, Roma, 31 ottobre – 5 novembre 2000 [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 16]. Roma, 2001. P. 107–118.

³⁵ О развитии различных типов салезианских школ и программ, составленных руководством Салезианского Общества см. недавние критические издания: *Cerruti F.* Lettere circolari e programmi di insegnamento (1885-1917) / Introduzione, testi critici e note a cura di J.M. Prelezzo [= Istituto Storico Salesiano – Fonti – Serie seconda, 10]. Roma, 2006; *Bertello G.* Scritti e documenti sull'educazione e sulle scuole professionali / Introduzione, premesse, testi critici e note a cura di J.M. Prelezzo [= Istituto Storico Salesiano – Fonti – Serie seconda, 13]. Roma, 2010.

³⁶ См. также: *Braido P.* Una formula dell'umanesimo educativo di don Bosco: «Buon cristiano e onesto cittadino» // *Ricerche Storiche Salesiane*. 1994. N. 24. P. 7–75.

бы в эти новые времена нести в массы молодежи из низов общества весть о спасении путем работы, направленной на повышение социального, культурного уровня для того, чтобы они нашли счастье в земной жизни, но никогда не теряли при этом из виду жизнь вечную³⁷.

Успех апостольской деятельности сализианцев объясняется прежде всего тем, что ими была применена превентивная система, разработанная Доном Боско и обогащенная им самим накопленными в течение долгих лет новыми элементами; эта воспитательная система входит в превентивные системы истории педагогики³⁸. Разум, религия и чуткость – эти термины, по мнению Дона Боско, являются несущими колоннами превентивной системы³⁹. Это концепции, которые являются базовыми для превентивного послания. «Будучи понятыми весьма широко, они указывают первоначальные размеры всеобъемлющей гуманности: земные ценности, религиозный смысл жизни, мир чувственной, духовной, сверхъестественной восприимчивости»⁴⁰, об этом пишет исследователь Байдо.

Одним из самых влиятельных приверженцев воспитательной системы Дона Боско был дон Франческо Черрути⁴¹. С 1885 г. до своей смерти в 1917 г. он был советником по общим школьным проблемам в Конгрегации сализианцев. В небольшой брошюре «Малая воспита-

³⁷ См. подробнее: *Wirth M.* Orientamenti e strategie di impegno sociale dei salesiani di don Bosco (1880-1922) // *L'Opera Salesiana dal 1880 al 1922...* Vol. I. P. 73–105; *Mattai G.* Don Bosco e la questione operaia // *Salesianum*. 1948. Vol. X. N. 3. P. 358–368.

³⁸ Исследование, объясняющее историческую эволюцию воспитательной системы Дона Боско и ее место в общей картине воспитательных систем: *Braido P.* Prevenire non reprimere. Il sistema educativo di don Bosco [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 11]. Roma, 1999. Самыми авторитетными, интерпретирующими ценность воспитательной системы Дона Боско Обществом сализианцев признаны следующие работы: *Cerruti F.* Le idee di don Bosco, sull'educazione e sull'insegnamento e la missione attuale della scuola. Lettere due. S. Benigno Canavese. Tipografia e Libreria Salesiana. S. Pier D'Arca-Roma ecc. 1886; *Idem.* Un ricordino educativo-didattico. Torino: Tipografia S.A.I.D. Buona Stampa, 1910 (особенно глава II «Sistema preventivo nell'educazione»); *Prellezo J.M.* Studio e riflessione pedagogica nella Congregazione salesiana 1874-1941. Note per la storia // *Ricerche Storiche Salesiane*. 1988. N. 7. P. 35–85.

³⁹ См. Главу «Il sistema preventivo fra tradizione e modernità» в изд.: *Casella F.* L'esperienza educativa preventiva di don Bosco. Studi sull'educazione salesiana tra tradizione e modernità. Roma, 2007. P. 80–89.

⁴⁰ *Braido P.* Prevenire non reprimere... P. 289.

⁴¹ *Prellezo J.M.* Francesco Cerruti direttore generale della scuola e della stampa salesiana (1885-1917) // *Ricerche Storiche Salesiane*. 1986. N. 5. P. 127-164.

тельно-дидактическая памятка», которая вышла в 1910 г., он напоминал членам Общества салезианцев о верности образовательной практике, разработанной Основателем. В данном тексте он подчеркивал, что успех превентивной системы неразрывно связан с абсолютным приматом религиозных ценностей, которые должны быть осознаваемы постоянно в ежедневной жизни при выполнении любой салезианской работы. Черрути писал: «Частые исповеди, частое причащение, ежедневное присутствие и участие в святой мессе, как об этом говорил нам Дон Боско, являются теми колоннами, на которых держится здание воспитания. В этом состоит суть воспитательной системы; в этом секрет настойчивости в приобщении к добру наших молодых людей внутри и вне наших учреждений. Нельзя было бы назвать детьми Дона Боско тех, кто в учебных заведениях и ораториях выходного дня отодвигают на второй план катехизис, вопрос о частоте исповеди и причащения, а также дела милосердия. Интеллектуальное и моральное воспитание молодежи, замечает наш собрат, является искусством из искусств. Оно позволяет наставнику держать в своих руках завтрашнее общество, будущее семьи, родины, религии. Справедливым является его уточнение о том, что для этого необходимо обращаться к сверхъестественной силе божественного источника откровения, а также исповедоваться и причащаться»⁴².

О значении поддержки лучших средств массовой информации, способствующих формированию здорового человека и христианина в среде подростков

Уже цитировавшийся выше Дон Черрути указывал, что «школа наравне с печатью была для Дона Боско миссией, высокой миссией, и он хотел, чтобы именно так она воспринималась»⁴³. Поэтому продвижение разных типов школьных учреждений и разнообразных воспитательных программ посредством надежных органов печати, по мнению Дона Черрути, было для Дона Боско «не просто делом, но миссией»⁴⁴. В подтверждение этих слов необходимо упомянуть, что Основатель Общества салезианцев с самого начала своего апостольства уделял достойное восхищения внимание поддержке лучших органов печати.

⁴² *Cerruti F.* Un ricordino educativo-didattico. Torino: Tipografia S.A.I.D. Buona Stampa, 1910 // *Cerruti F.* Scritti editi e inediti su don Bosco / Saggio introduttivo, testi critici e note a cura di J.M. Pallezo [= Istituto Storico Salesiano – Fonti – Serie seconda, 15]. Roma, 2014. P. 193.

⁴³ *Cerruti F.* Il problema morale nell'educazione. Torino: Tipografia S.A.I.D. Buona Stampa, 1916 // *Cerruti F.* Scritti editi e inediti su don Bosco... P. 209.

⁴⁴ *Ibid.* P. 208.

Он сам вступил в первые ряды пишущих, его перу принадлежит значительное количество статей, брошюр и т.п. Все тот же Черрути писал: «Дон Боско хотел оградить юношу, молодого человека от всего того, что могло причинить вред формированию его морали, он хотел, чтобы тот не подвергался воздействию рискованных, сомнительных сведений, почерпнутых при чтении, которые не соответствовали бы его силам и возрасту»⁴⁵.

Туринский наставник смог понять незаменимую роль, которую играет печать в современном мире в том, что касается формирования здоровой морали в массах молодежи в новом индустриальном, претерпевающем урбанизацию обществе, находящемся в процессе непрерывных трансформаций. Он считал печать отличным средством, при помощи которого должно было осуществляться религиозное образование, обращался он при этом к разным литературным жанрам. Для Дона Боско религиозное обучение должно было соответствовать доктрине католической церкви. Излишне говорить о том, что он был открыт всему тому прекрасному, доброму, благородному, что встречал у греческих, латинских авторов, а также у тех, кто был ему современником, но при условии, что все это помогало бы вырабатывать у подростков те добродетели, которые должны были способствовать их стойкости и независимости в собственной жизни.

Неустанно поддерживая достойные органы печати Дон Боско сам «был активным писателем, высокую оценку получали его работы в различных областях, касающихся разработки воспитательно-образовательных проблем его времени; ему удавалось прекрасно адаптировать различные тексты, передавая те мысли авторов, которые он считал применимыми в своей пастырско-воспитательной деятельности»⁴⁶. Историк Стелла в работе «Публикации текстов св. Иоанна Боско» перечислил 1174 названия произведений, созданных Доном Боско⁴⁷. Это кажется невозможным, неправдоподобным, но, однако, это так! Самым известным его начинанием в деле поддержки достойной печати, продолженном его последователями-сезианцами, было издание «Католическое чтение» (*Lecture Cattolice*), увидевшее свет в 1853 г.⁴⁸ *Lecture Cattolice*, выходявшее один раз в месяц, было сразу вос-

⁴⁵ Ibid. P. 211.

⁴⁶ Lewicki T. Don Bosco e la parola stampata, in Don Bosco, i Salesiani, l'Italia in 150 anni di storia / A cura del CNOS-FAP. Roma, 2010. P. 41.

⁴⁷ Stella P. Gli scritti a stampa di San Giovanni Bosco. Roma, 1977.

⁴⁸ Относительно оценки важности печати со стороны: Braido P. Don Bosco prete dei giovani... Cap. 9: Tra i giovani e il popolo con la parola e la stampa (1853-1859). P. 267–302; Stella P. Don Bosco nella storia della religiosità cattolica. Vol. I.

принято в качестве католического издания, обращенного к народным массам. Исследователь Луиджи Джованнини, проанализировавший содержание вышеуказанного издания, утверждает, что *Letture Cattoliche* представляли собой коллекцию текстов на самые разные темы. Однако они всегда были направлены на углубление того или иного аспекта христианского послания. Необходимо отметить, что подобная базовая задача стояла и перед сборниками рассказов и новелл, так называемым «занимательным чтением» (*lettura amena*)⁴⁹.

Существенным представляется отметить тот большой успех, который имели произведения Дона Боско, продолжавшийся и после его смерти. Некоторые из них многократно переиздавались. В ходе Конгресса салезианцев, проходившего в апреле 1895 г., Дон Черрути в своем докладе, посвященном школьной печати, привел следующие данные, касающиеся некоторых книг, автором которых был Дон Боско: «История Италии»⁵⁰ была переиздана 23 раза, «Священная история»⁵¹ – 30, «Христианская дочь»⁵² – 42, «Ключ к вратам Рая»⁵³ – 46, а «Предусмотрительный юноша»⁵⁴ – 165 раз⁵⁵. Эти данные производят сильное впечатление, они подтверждают интуицию Дона Боско в том,

Cap. X: Don Bosco scrittore ed editore. P. 229–248; *Idem*. Don Bosco nella storia economica e sociale (1815-1870). Roma, 1980. P. 351–368.

⁴⁹ *Giovannini L.* Le «Letture Cattoliche» di don Bosco esempio di «Stampa Cattolica» nel secolo XIX // *Cultura e Mass Media*. Napoli, 1984. N. 8. P. 13–14.

⁵⁰ *La storia d'Italia raccontata alla gioventù dai suoi primi abitatori ai nostri giorni* corredata di una carta geografica dal sac. Bosco Giovanni. Torino: Tipografia Paravia e Compagnia, 1855.

⁵¹ *Storia sacra per uso delle scuole utile ad ogni stato di persone arricchita di analoghe incisioni compilata dal sac. Giovanni Bosco*. Torino: dai tipografi-editori Speirani e Ferrero, 1847.

⁵² *La figlia cristiana provveduta per la pratica dei suoi doveri negli esercizi di cristiana pietà per la recita dell'ufficio della B. Vergine dei vesperi di tutto l'anno e dell'ufficio dei morti coll'aggiunta di una scelta dei laudi sacre per il sac. Giovanni Bosco*. Torino: Tipografia e libreria salesiana, 1878.

⁵³ *La chiave del paradiso in mano al cattolico che pratica i doveri di buon cristiano*. Torino: Tipografia Paravia e comp., 1856. См.: *Stella P.* Gli scritti a stampa di S. Giovanni Bosco. Roma, 1977. P. 32.

⁵⁴ *Il giovane provveduto per la pratica dei suoi doveri degli esercizi di cristiana pietà per la recita dell'ufficio della beata Vergine e dei principali vesperi dell'anno coll'aggiunta di una scelta di laudi sacre ecc.* Torino: Tipografia Paravia e comp., 1847. См.: *Stella P.* Gli scritti a stampa di S. Giovanni Bosco. P. 26.

⁵⁵ *Cerruti F.* *Stampa scolastica // Atti del Primo Congresso Internazionale dei Cooperatori salesiani, tenutosi in Bologna ai 23, 24 e 25 aprile 1895*. Torino: Tipografia Salesiana, 1895 (*Cerruti F.* *Scritti editi e inediti su don Bosco...* P. 244–245).

что касается неотложного развития хорошей печати, предназначенной прежде всего для повествования о религиозном учении католической Церкви.

Приближаясь к закату своей апостольской жизни, Дон Боско написал в 1885 г. письмо, обращенное ко всем членам Общества салезианцев. В нем он вновь напомнил и весьма настоятельно рекомендовал членам Общества салезианцев всемерно содействовать развитию хорошей печати. Он писал: «Среди тех средств, которые я настоятельно рекомендую во славу Божию и во имя здоровья душ, главным является распространение хороших книг. Без всякого сомнения могу назвать его божественным, потому что сам Господь извлек благо от улучшения природы человека. Именно вдохновленные им книги распространили по всему миру правильную доктрину [...] Именно в этом состояла одна из самых насущных задач, выполнение которой поручило мне Божественное провидение, и вы все хорошо знаете, что я неустанно и усердно занимался этим, несмотря на тысячу других забот. Злобная ненависть врагов добра, преследования, которым я подвергался, показали, что заблудшие отчетливо видели в этих книгах сильного противника и противостоящего им деятеля, благословенного Богом. На самом деле достойное удивления и восхищения распространение этих книг является доказательством особой помощи со стороны Господа. Менее чем за тридцать лет количество томов и брошюр достигло двадцати миллионов экземпляров, получивших отклик среди народа [...] Распространение хороших книг является одной из основных целей нашей Конгрегации»⁵⁶.

По сведениям, полученным из надежного источника, Дон Черрути сообщал в 1895 г.: «Католическое чтение» насчитывает в среднем до 20 000 подписчиков в год⁵⁷. Естественно, это распространение имело место прежде всего в Италии, но при помощи самих же салезианцев, действовавших в самых разных частях земного шара, чтение и продвижение этого ежемесячного издания происходило и за пределами Апеннинского полуострова⁵⁸.

Издание «Католическое чтение» с течением времени и в соответствии с новыми насущными вызовами сопровождалось и другими инициативами со стороны салезианцев, приобретших широкую популярность и значительное распространение⁵⁹. Таким образом были ос-

⁵⁶ Archivio Salesiano Centrale (далее: ASC). A1750411. Lettera circolare di sac. Giovanni BOSCO. Diffusione dei buoni libri. 19 marzo 1885.

⁵⁷ *Cerruti F.* Stampa scolastica. P. 246.

⁵⁸ *Targhetta F.* Serenant et illuminant. I cento anni della SEI. Torino, 2008. P. 4.

⁵⁹ *Cerruti F.* Stampa scolastica. P. 246.

нованы следующие серии: Занимательное чтение (*Lecture amene*), Поучительное чтение (*Lecture edificanti*), Драматическое чтение для воспитательных учреждений и для семей (*Lecture drammatiche per istituti di educazione e famiglie*), Поэтическая библиотека (*Biblioteca poetica*), Библиотечка рабочего (*Bibliotechina dell'operaio*) и Библиотека итальянской молодежи (*Biblioteca della gioventù italiana*). Особого внимания следует уделить Библиотеке Итальянской молодежи (*Biblioteca della Gioventù Italiana*), которая предназначалась для распространения отобранных согласно критериям воспитательной системе салезианцев произведений итальянской классики. В 1895 г. эта библиотека насчитывала 200 томов⁶⁰. По словам Дона Черрути речь шла о «чтении чистом и крепком в вере, народном и выверенном, овеванном мягкой спокойной приветливостью, тонкой деликатностью, всегда избегающем той чувствительности, которая делает столь опасными некоторые произведения, сами по себе неплохие»⁶¹. Следует упомянуть еще одну инициативу, задуманную первоначально для школ, – две серии, предназначенные для изучения в школах с целью ознакомления с произведениями греческих и латинских авторов: *Selecta greca* (1865 г.) и *Selecta ex latinis scriptoribus in usum scholarum* (1866 г.)⁶².

Столь значительные усилия салезианцев в деле продвижения достойной печати сопровождалась выпуском различных журналов. Но они издавались не центральными органами Конгрегации, а представляли собой инициативу на местном уровне. Перечислим здесь самые известные из них: *Don Bosco*, периодическое издание миланских салезианцев; *Il Sacro Cuore di Gesù al Valentino*, небольшая листовка, выпускавшаяся раз в три месяца при салезианском оратории в Казале Монферрато; *L'Amico della Gioventù*, издававшийся салезианцами Катании.

К комплексу проблем, связанных с созданием достойной печати, примыкали другие проекты салезианцев, которых мы на этих страницах лишь слегка касаемся. Речь идет не столько о появлении многочисленных салезианских типографий (первая из них была основана Доном Боско при оратории в Вальдокко в 1862 г.⁶³), которые возникли

⁶⁰ Ibid. P. 247.

⁶¹ Ibid. P. 246.

⁶² «Так поступал Дон Боско и до сих пор продолжает поступать его достойный преемник, опираясь на *Selecta ex latinis scriptoribus*, к которой затем добавилась *Selecta greca*, *Selecta*, начатая в 1865 г. и насчитывающая сегодня свыше 70 томов». См.: Cerruti F. *Stampa scolastica*. P. 247.

⁶³ *La storia della carta*. Discorso del sac. prof. Francesco Cerruti. Torino: Tipografia Salesiana, 1890.

повсюду в Европе, но и о запуске большой издательской программы, получившей особое развитие во время ректората Дона Микеле Руа. В результате 31 июля 1908 г. был основан фонд «Международное издательское общество» (*Società Editrice Internazionale*) под эгидой Анонимного международного общества по распространению достойной печати (*Società Anonima Internazionale per la Diffusione della Buona Stampa: SAID Buona Stampa*)⁶⁴.

Мирияне – канал влияния Дона Боско

Одной из важных причин, которые помогают понять столь стремительную экспансию салезианцев и их способность проникать в различные уголки Европы и других континентов, является их открытость к вовлечению мирян из разных культурных, политических и социальных слоев. Эта «стратегия» была выработана и применена Доном Боско с самых первых дней работы Общества салезианцев с тем, чтобы наиболее эффективно отвечать на вызовы современности. Но приходится признать, к сожалению, что до сих пор этой теме было уделено мало внимания со стороны исследователей. С возникновением Ассоциации салезианцев-сотрудников тесно связано основание периодического издания «Салезианский Бюллетень» (*Bollettino Salesiano*).

Что такое Ассоциация салезианцев-сотрудников, каковы цели, стоящие перед ней, – было недвусмысленно определено самим Доном Боско: «[...] Высочайший Понтифик признал эту Ассоциацию наравне с одним из старых Терцианских Орденов. Но в отличие от них, данная Ассоциация не посвящена достижению христианского совершенствования через милосердие, она сосредоточена на осуществлении активной деятельности по оказанию помощи и поддержки по отношению к ближним, в особенности к «трудным» подросткам и неблагополучным молодым людям»⁶⁵. Сотрудником-салезианцем мог стать любой человек, которому исполнилось 16 лет и который был готов следовать

⁶⁴ Targhetta F. Serenant et illuminant. I cento anni della SEI. Torino, 2008. P. 3.

⁶⁵ Cooperatori Salesiani ossia un modo pratico per giovare al buon costume ed alla civile società, Tipografia Salesiana: Torino 1876. Cap. III. P. 6. Сведения о развитии и становлении движения салезианцев-сотрудников можно найти в популярной книге: Ceria E. I cooperatori salesiani. Un po' di storia. Torino; Milano; Genova; Parma; Roma; Catania, 1952; представляют ценность также научные статьи: Desramaut F. Da Associati alla Congregazione salesiana del 1873 a Cooperatori Salesiani del 1876 // Il cooperatore nella società contemporanea. Leumann; Torino, 1975. P. 23–50; Stella P. Don Bosco nella storia della religiosità cattolica. Vol. I. P. 209–226. Cp.: Storia dei Cooperatori salesiani // Bibliofilo cattolico o Bollettino salesiano mensile. 1877. N. 3. P. 1.

определенным правилам⁶⁶. Тем, кто становился членом Ассоциации, выдавали диплом *Cooperatore Salesiano*, подписанный главным ректором салезианцев. Ассоциация сотрудников-салезианцев была тепло принята и признана папой Пием IX в его бреве от 9 мая 1876 г.⁶⁷ Средства и инструменты, использовавшиеся для достижения целей, стоявших перед организацией, были в некотором смысле схожими с теми, что использовались Обществом св. Франциска Сальского (*Società di San Francesco di Sales*)⁶⁸. Поэтому, помимо проведения различных практик милосердия и мер по противопоставлению хорошей печати антирелигиозным средствам массовой информации, большое внимание уделялось богоугодным делам в пользу неблагополучной молодежи, которую надлежало взрастить в вере и помочь справиться с трудностями. Однако, помимо духовного сотрудничества (милосердие, понимаемое как молитва или другие религиозные действия), сотрудники были призваны также к предоставлению помощи материальной⁶⁹.

Ассоциация получила впечатляющий отклик среди мирян, а также среди духовенства того времени. К ней поспешили примкнуть люди из разных социальных слоев, среди которых можно перечислить самих понтификов, епископов, крупных писателей и публицистов, например Чезаре Канту (1804-1895), Антонио Стоппани (1824-1891) и других⁷⁰. Факт распространения среди всех социальных категорий подтверждает внимательный анализ некрологов как сотрудников-салезианцев, так и благотворителей Общества салезианцев, размещенных на последних страницах периодического издания⁷¹. Совершенно очевидно, что первоначальная популярность ассоциации обуславливалась по большей части личными усилиями, которые были предприняты Доном Боско во

⁶⁶ *Cooperatori Salesiani ossia un modo pratico per giovare al buon costume ed alla civile società*. Torino: Tipografia Salesiana, 1876. Cap. V. § 1. P. 9.

⁶⁷ Публикацию бреве см.: *Cooperatori Salesiani ossia un modo pratico per giovare al buon costume ed alla civile società*. Sampierdarena; Torino; Nizza Marittima; Buenos Ayres: Tipografia Salesiana, 1876. P. 7–9.

⁶⁸ Об этом речь идет в четвертой главе их регламента, посвященного порядку сотрудничества: *Cooperatori Salesiani*...

⁶⁹ «Каждый член при помощи своих собственных материальных средств или пожертвований, собранных у добрых людей будет максимально способствовать и поддерживать деятельность Ассоциации»: *Ibid.* Cap. VI. § 2. P. 11).

⁷⁰ *Stella P.* Don Bosco nella storia della religiosità cattolica. Vol. I. P. 219.

⁷¹ Интерес представляет исследование, касающееся Германии, Австрии и Швейцарии: *Rubino B.* Der Einfluß von Giovanni Bosco im deutschen Sprachraum, laurea presentata all'Università Commerciale Luigi Bocconi di Milano 1973 P. 47 (рукопись). Речь идет о периоде с 1895 по 1899 г.

время его поездок по европейским столицам, а также по многочисленным городам Италии⁷².

Для продвижения, а со временем и с тем, чтобы создать некий мостик между Обществом салезианцев и Ассоциацией сотрудников салезианцев был учрежден Салезианский Бюллетень. Он увидел свет в августе 1877 года, и назывался тогда «Католический библиофил или салезианский ежемесячный бюллетень» (*Bibliofilo cattolico o Bollettino salesiano mensile*). Затем с января 1878 г. издание выходило уже под названием *Bollettino Salesiano*. Печатался он один раз в месяц и бесплатно распространялся среди членов Ассоциации, а также среди благодетелей и друзей, участвовавших в инициативах туринского Воспитателя.

Дон Боско задумал вывести Ассоциацию на мировой уровень. Для претворения этой идеи он искусно использовал вышеупомянутое периодическое издание, поощряя его перевод на другие языки. Для этого в 1879 г. был организован выпуск французской версии, в 1886 г. – испанской, в 1892 г. – английской. В 1895 г. руководство способствовало выходу в свет издания на немецком языке, получившего название *Salesianische Nachrichten*. Первый тираж насчитывал 20 тыс. экземпляров⁷³. Затем в январе 1897 г. появилась версия на польском языке – *Wiadomości Salezyańskie*. Этот журнал, издававшийся на разных языках, за весьма короткий отрезок времени получил невероятное распространение. Согласно данным, приведенным в польской версии *Wiadomości Salezyańskie* в 1899 г., его тираж возрос до 224 500 экземпляров⁷⁴. Подобный успех стал настолько вдохновляющим, что было принято решение добавить переводы на другие европейские языки. В 1903 г. начался выпуск на венгерском языке – *Szalézi értesítő*. С января 1907 г. печатается словенское издание. Всего в 1907 г. *Bollettino Salesiano* печатался на восьми языках тиражом 251 тыс. экземпляров⁷⁵.

Секрет подобного несомненного успеха кроется в том, что благодаря Дону Боско изданию был придан международный характер, таким образом удалось избежать региональной узости, ограниченности. По нашему мнению, именно это лежит в основе впечатляющего успеха, который ждал

⁷² «К Дону Боско пришел успех, и он без опасений пускался в утомительные путешествия навстречу всякого рода трудностям. [...] Он повсюду приглашал к сотрудничеству с салезианцами, и количество примкнувших увеличивалось десятками и тысячами»: *Stella P. Don Bosco nella storia della religiosità cattolica*. Vol. I. P. 220.

⁷³ *Rubino B. Der Einfluß von Giovanni Bosco im deutschen Sprachraum* 53.

⁷⁴ *Wiadomości Salezyańskie*. 1899. N. 2. P. 27.

⁷⁵ *Salezijanska Poročila*. 1907. N. 1–2. P. 1 (прим. 2).

издание в разных странах Европы, чрезвычайно истощенных непрерывными битвами националистического и идеологического характера. Журнал появился в качестве печатного органа, нацеленного прежде всего на то, чтобы нести добро юношеству, нуждавшемуся в воспитании и обучении, т.е. той социальной группе, которая являлась наиболее слабой и незащищенной в обществе, претерпевавшем стремительную индустриальную и урбанизационную трансформацию. Значительными усилиями отличалась деятельность, направленная на проведение миссий *ad gentes*, целью которых было представить салезианцев в качестве религиозного общества, несущего христианское послание тем, кто не имел о нем ни малейшего представления. Привлекал внимание тот факт, что молодая религиозная конгрегация отличалась динамичностью, прогрессирующим ростом количества новых салезианских домов и центров в Европе и за ее пределами, о чем неукоснительно и регулярно сообщалось. Особым обаянием и харизматичностью отличалось повествование о Доне Боско, появлявшееся из номера в номер целыми сериями, а также отдельными эпизодами, эффект этот значительно усилился после его смерти. Поистине его фигура стала центром многочисленных блестящих статей. Он был представлен как один из главных апостолов и воспитателей современности, посвятивший себя «трудной и бедствующей» молодежи и не ограничивший себя границами одной страны, но задумавший реализовать действенную программу по всей Европе и на других континентах. В целом Дон Боско предстал как фигура весьма впечатляющая и привлекательная. Несомненно, для католического мира особую значимость приобретало пылкое благоговение по отношению к Мадонне под именем св. Девы Марии Помощницы Христиан (*Maria Ausiliatrice dei cristiani*), она воспринималась в качестве надежной покровительницы в трудные времена, когда христианство должно было противостоять новым, чрезвычайно агрессивным идеологиям⁷⁶. Мы перечислили лишь некоторые из факторов, которые объясняют популярность этого ежемесячного изда-

⁷⁶ Об оценке *Bollettino Salesiano* см.: *Valentini E.* Don Bosco e l'apostolato della stampa // *Salesianum*. 1957. Vol. 19 P. 304–305. Историк Стелла утверждает помимо прочего, что *Bollettino* создавался с четкой целью, это был пропагандистский листок, в нем содержалась подобранная информация, отвечавшая определенным задачам, прежде всего вызвать симпатию и поддержку в среде салезианцев, сотрудничавших с ними и им сочувствовавших. В обстановке, когда происходил процесс консолидации буржуазии, сопровождавшийся подчинением низших социальных категорий, изданию удавалось последовательно создавать яркий и убедительный образ Дона Боско. *Stella P.* Don Bosco nella storia della religiosità cattolica. Vol. III. P. 20.

ния, призванного вызвать новый энтузиазм и причастность к делу христианства не только в европейском мире, но и по всей планете.

В период с 1888 по 1910 г., когда Ассоциация сотрудников-сезиан находилась под руководством Дона Микеле Руа, произошел значительный рост количества членов. Для того чтобы придать движению большую динамичность и массовость, он начал организовывать съезды. Первый международный конгресс сотрудников-сезиан прошел в Болонье в апреле 1895 г.⁷⁷ Он имел очень большой успех, и участники пришли к выводу о том, что подобные встречи весьма полезны. За первым последовали новые съезды национального, а также международного уровня в Европе и Латинской Америке⁷⁸.

В тексте циркулярного письма, разосланного главным ректором Доном Руа 19 февраля 1905 г. приведены сведения о том, что число сотрудников-сезианцев приближалось к 300 тыс. человек⁷⁹. Необходимо признать ту положительную оценку, которая была дана роли движения сотрудников-сезианцев, а также проведенной ими работе со стороны Общества сезианцев, особенно в том, что касалось попечения о неблагополучном юношестве. Вне всякого сомнения, изобретенная Доном Боско стратегия, продолженная Доном Руа, снискала впечатляющий успех благодаря конкретному вовлечению большого количества мирян христианского вероисповедания, без которых столь плодотворное влияние, целенаправленное внедрение и развитие деятельности Дона Боско в Европе не смогли бы состояться.

Заключение

Вопросы воспитания и обучения молодежи на рубеже XIX–XX вв. представляли собой поле для столкновения различных политических идеологий, которые стремились стать гегемонами для новых поколений, способствовали возникновению нового типа прогрессивного и освобожденного человека, преобразованного силой просвещения, образования, способного идти в ногу с успехами науки. История образования полна примерами ожесточенных битв. Различные политические

⁷⁷ *Atti del primo Congresso Internazionale dei Cooperatori Salesiani tenutosi in Bologna ai 23, 24 e 25 aprile 1895*, Torino: Tipografia Salesiana, 1895; сравни также: *Ceria E. I cooperatori salesiani...* P. 69–70.

⁷⁸ *Ibid.* P. 71–76.

⁷⁹ *Lettere circolari di don Michele Rua ai Salesiani*. Torino: Tipografia S.A.I.D. Buona stampa, 1910. P. 326. Дон М. Руа высказался на эту тему следующим образом: «[...] примерно триста тысяч человек узнают о том, чем занимаются сезианцы, как они сообразно своим моральным и материальным возможностям могут им помочь». *Ibid.*

силы, вдохновленные идеями консерватизма, либерализма, марксизма, социализма и других течений мысли, делали все возможное для того, чтобы завладеть системой воспитания, стать единственными властителями на этом поле, имевшем стратегическое значение. Овладение им было признано необходимым условием для достижения политического успеха и для становления нового общества⁸⁰. В целом католическая церковь среагировала вовремя, хотя иногда слишком заостряла внимание на критике новых потребностей образования, вместо того, чтобы заняться поиском положительных решений и конкретных предложений. Одним из таких решений стало продвижение и поддержка возникших современных мужских и женских религиозных конгрегаций, основной целью которых была миссия воспитания подростков. Общество салезианцев с первого дня своего основания встретило решительную поддержку в своем продвижении со стороны Папы Пия IX и его преемников – Льва XIII и Пия X.

Дон Боско признавал, что в воспитательном процессе, касающемся каждого человека, особое внимание необходимо уделять подростковому возрасту. Именно подростки наиболее часто становятся жертвами безответственных, порой движимых исключительно эгоистическими побуждениями взрослых. Поэтому Общество салезианцев сконцентрировало все свои усилия на продвижении воспитательных, школьных структур, уделив особое внимание народным слоям, так как они являются наиболее ущемленными в том, что касается личностного роста и возможности достижения успеха на жизненном поприще. Из Турина (Вальдокко), который стал центром управления, салезианцы начали впечатляющую экспансию посредством основания многочисленных профессиональных, гуманитарных, естественнонаучных школ, обучающих мастерских, называвшихся на языке салезианцев «ораториями». В этих учреждениях процесс воспитания и профессиональной подготовки в обязательном порядке дополнялся другими вспомогательными факторами с тем, чтобы сформировать из подростка «хорошего христианина и добропорядочного гражданина», т.е. человека наиболее цельного. В течение короткого периода времени были учреждены многочисленные школьные заведения, различные центры подготовки молодежи в следующих европейских странах: Франция, Испания, Англия, Бельгия, Португалия, Швейцария, Польша, Австрия,

⁸⁰ См.: *Piskurewicz J. Le ideologie, l'educazione e l'istruzione scolastica nell'Europa della prima metà del XX secolo // A cura die G. Loparco, S. Zimniak. L'educazione salesiana in Europa negli anni difficili del XX secolo. Atti del Seminario Europeo di Storia dell'Opera salesiana, Cracovia, 28 ottobre – 1° novembre 2007 [= ACSSA – Roma. Studi – 3]. Roma, 2008. P. 29–47.*

Словения, Венгрия, не считая большого количества центров, возникших в Италии.

Дон Боско, а вслед за ним его ученики и последователи придавали особое значение изданию «хороших книг». Для этого ими были основаны типографии, издательства, различные молодежные журналы. При помощи печати они старались максимально расширить распространение христианской концепции воспитания, охватить юношество тех слоев, которые оказались в наименее благоприятных условиях в капиталистическом, либеральном обществе. Важной задачей также было предотвратить вредное воздействие атеистической пропаганды самого разного происхождения.

Одним из наиболее успешных стратегических ходов, предпринятых салезианцами, стало следование твердому убеждению в абсолютной ценности привлечения мирян к апостольской и воспитательной миссиям с тем, чтобы охватить те сферы человеческого общества, в которых духовные лица не могли действовать в силу разных причин.

В заключение необходимо отметить, что для правильного понимания такого явления, как салезианство и его потрясающей способности давать ответы на вызовы современного общества в области воспитания, необходимо учесть различные факторы социального, идеологического, психологического и культурного характера. Нельзя забывать при этом об убеждении Основателя салезианства и его сотрудников, основанном на вере в то, что самым важным из всех является долг воспитания подростков, другими словами – выполнение поручения, данного самим Иисусом Христом сыном Божиим его Церквям: «Пустите детей приходить ко мне»⁸¹.

Пер. с итал. Н.Г. Тереховой

⁸¹ Лк. 18: 15–17. См. также: Лк. 9: 46–48; Мф. 19: 13–14; Мк. 10: 13–16.

Введение

Вопреки принятой в некоторых кругах точке зрения, согласно которой салезианское образование в основном сводится к игровому методу, целью его является подготовка учащегося к полноценной зрелости. Комплексная программа воспитания молодежи на христианских и общечеловеческих принципах была разработана Доном Боско и получила название превентивной¹. В свете этой системы формирование воспитанников рассматривается через призму Евангельского послания, и конечной целью такого подхода является помощь в обретении пути к спасению². От других педагогов XIX в. Дона Боско отличала приверженность методу, базировавшемуся на религии и на применении сугубо персонального подхода в работе с молодежью.

В данной статье рассматривается проблема религиозного воспитания в салезианских образовательных центрах в Галиции (т.е. под управлением австрийской администрации) на рубеже XIX–XX вв. С самого начала салезианское образование было насквозь пронизано религиозными факторами, но при этом понималось оно в более широком плане, т.к. превентивная система Дона Боско была основана на трех главных понятиях: разум, религия и благожелательность³. Таким образом, выделять и рассматривать религиозное воспитание отдельно от других составляющих метода было бы недопустимо. Учитывая цели данной работы, мы бы хотели разделить их, но сделать это лишь в теоретическом плане. В практике Дона Боско все вышеперечисленные аспекты образовывали единое целое, т.к. в воспитательном процессе салезианцы стремились сочетать будничность еже-

¹ См.: *Bosco G. Il sistema preventivo nell'educazione della gioventu // Don Bosco educatore / A cura di P. Braido. Roma, 1992. P. 258–266.*

² См.: *Niewęglowski J. Charakterystyczne cechy wychowawcy w stylu ks. Bosko // Ksiądz Bosko i jego system wychowawczy. Pokłosie konferencji zorganizowanej przez Salezjański Instytut Wychowania Chrześcijańskiego w Warszawie z okazji 100 lecia obecności i pracy Salezjanów w Polsce / Red. J. Niewęglowski. Warszawa, 2000. S. 184.*

³ См.: *Braido P. Il sistema preventivo di Don Bosco. Zürich, 1964. P. 156–174.*

дневной жизни, веру и связанные с религией ценности. В начале XX в. салезианские школы в Галиции придерживались определенной схемы, которая соответствовала харизматичному стилю салезианских конгрегаций и была привязана к потребностям, возникавшим в каждой конкретной локальной среде. Несмотря на это, автор ставит некоторые вопросы, требующие дальнейшего изучения, а также постановку новых проблем. Все, что касается зарождения салезианской деятельности в Галиции тесно связано и берет свое начало от возникшего в XIX в. в Турине движения под руководством Дона Боско. В связи с этим представляется уместным формулирование некоторых вопросов: в какой степени начавшие в Галиции свою деятельность салезианцы остались верны основателю в том, что касалось продвижения религиозного принципа в воспитании молодежи? Каковы цели, содержание и методы салезианского религиозного образования польской молодежи?

Главной задачей автора работы является описание принципов и стратегии религиозного образования молодежи в школах, возникших в Галиции в начале XX в. Цели исследования, сформулированные подобным образом, оказали влияние на общую структуру настоящей статьи. В ней рассмотрены четыре проблемы: 1) роль религии и религиозного воспитания в педагогической теории Дона Боско; 2) особенности образовательной деятельности, начатой в Галиции в указанный период; 3) работа салезианцев по религиозному воспитанию молодежи – анализ, основанный на документах, хранящихся в различных архивах, с учетом уже опубликованных работ; 4) выводы, сделанные на базе собранного материала.

Исследования проведены при помощи аналитико-синтетического метода и имеют качественный характер. Автор стремился также провести анализ источников, имеющихся в салезианских архивах. В статье рассматривается период с 1892 по 1918 г., который соответствует началу образовательной деятельности салезианцев в Галиции и окончанию Первой мировой войны.

1. Религия и религиозное воспитание в педагогической системе Дона Боско

Для туринского педагога Дона Боско соотношение с трансцендентностью являлось условием *sine qua non* при разработке темы образования, оно составляло часть воспитательной системы, созданной им начиная с 40-х годов XIX в. Главная цель религиозного воспитания состояла в том, чтобы привести юношу к святости и к спасению. Дон Боско помещал каждое человеческое существо в перспективу

Божественного спасения⁴. Он был уверен, что без этой направляющей, обуславливающей процесс воспитания, юноша в будущем может стать тяжелым бременем для общества⁵. Туринский воспитатель несмотря на то, что не смог использовать наработки современной педагогической мысли, придавал большое значение субъектности учащегося, понимаемой в личностном ключе. Его учение отличало четко выраженное представление о цельности воспитанника. В педагогической системе Дона Боско принимался во внимание физический, религиозный и интеллектуальный аспект. Его заботы о воспитании молодежи согласно заповедям христианства не ограничивались религиозным образованием (изучением катехизиса) или участием в литургии в храме, но заключались в том, чтобы привить юношам страх Божий⁶. Иоанн Боско считал, что без глубокого осознания Бога применение на практике превентивной системы было бы невозможным.

По мнению Дона Боско религиозное воспитание осуществляется в конкретном воспитательном контексте в кругу семьи и в оратории. «Дон Боско прожил свой типичный опыт пастыря в первом оратории, который стал для молодежи уютным домом, приходом, где рассказывали об Евангелии, школой, подготавливающей к жизни, и двором, в котором можно встретить друзей и весело провести время»⁷. Созданный им ораторий – это не только место, где должны соблюдаться определенные правила, или помещение, в котором проводятся определенные мероприятия. Ораторий представляет собой прежде всего место для воспитательной деятельности, состоящей из общности воспитателей и обучающихся ребят, которые вовлечены в салезианскую воспитательную систему⁸. Если приглядеться к функционированию оратория Дона Боско, то сразу становится заметным то значение, которое придавалось религиозному образованию юношей. Таким образом, ораторий был задуман как институт, воплощенный и реализованный во многих формах, но при этом с некоторыми существенными особенностями: а) гостеприимная, открытая для

⁴ Memorie biografiche di Don Giovanni Bosco / Raccolte da G.B. Lemoyne, A. Amadei, E. Ceria. Edizione extra-commerciale. Torino, 1898-1939. Vol. X. P. 1063.

⁵ См.: Circolare per la casa della Spezia // Epistolario di S. Giovanni Bosco. Torino, 1958. Vol. 3: Dal 1876 al 1880 / A cura di E. Ceria. Lettera 2098. P. 627–628.

⁶ Memorie biografiche di Don Giovanni Bosco. Vol. XVIII. P. 126.

⁷ Konstytucje Towarzystwa św. Franciszka Salezego: Tekst włosko-polski. Roma, 1986. S. 73. N. 40.

⁸ См.: *Marszałek J.* Impostazione dell'Oratorio nei Documenti Postconciliari della Congregazione Salesiana. Tesi di laurea (машинопись). Roma, 1988. P. 167–221.

молодежи, в особенности для бедняков, атмосфера; б) центр, способный предложить подлинное общечеловеческое воспитание, базирующееся на переработанных позитивных ценностях современного общества и той культурной среды, в которой живет молодежь; с) программа Евангелизации, направленная прежде всего на наиболее далеких от церкви и веры молодых людей, с тем, чтобы предложить им путь воспитания в вере⁹. Особая роль в работе оратория отводилась педагогике святых таинств, которая осуществлялась через Евхаристию, исповедь и причастие¹⁰. Посредством этих таинств воспитанник вовлекался в процесс правильного понимания роли истории спасения и той роли, которую сыграл именно Христос. Роль исповеди, к которому обращалась превентивная система, влияла на внутреннее преобразование молодого человека. Это таинство было неким ключом, открывавшим сердце юноши воспитательному воздействию¹¹. Ораторий считался также местом, где совершалось отправление религиозного культа, поэтому воспитатели старались найти способы для выполнения своих религиозных обязанностей: пение псалмов и гимнов, проведение обеден, вечерней службы, религиозное преподавание¹². Дон Боско настаивал на том, чтобы его подопечные были внимательны к культу Мадонны¹³. По мнению Пьетро Брайдо поклонение Марии в воспитательной практике Дона Боско играло роль стимула на психологическом уровне, мобилизуя таким образом юношу к свершению духовного усилия в деле самовоспитания¹⁴. Для усиления самовоспитания ребят, он предлагал им культ святых и систему аскетических упражнений, т.н. «упражнения в доброй смерти смерти», которая являлась одним из ключевых элементов в педагогической деятельности Дона Боско¹⁵. Дон Боско популяризировал посещение и хорошее поведение в ораториях, наста-

⁹ *Braido P.* Op. cit. P. 317–329.

¹⁰ *Stella P.* Don Bosco nella storia della religiosita' cattolica. Roma, 1979. Vol. II. P. 101.

¹¹ *Braido P.* Op. cit. P. 274–281.

¹² См.: *Memorie biografiche di Don Giovanni Bosco.* Vol. II. P. 254–256, 336–341.

¹³ *Ibid.* Vol. XII. P. 578.

¹⁴ *Braido P.* Op. cit. P. 272.

¹⁵ *Stella P.* Op. cit. Vol. II. P. 410. Упражнение в хорошей смерти первоначально было введено Доном Боско для юношей, а затем для всех салезианцев. По существу, речь шла о духовном уединении, проводившемся в конце каждого месяца с тем, чтобы подготовить молодежь к уходу из этого мира и к началу пути в вечность. См.: *Memorie biografiche di Don Giovanni Bosco.* Vol. IV. P. 117.

ивал на том, чтобы воспитанники проводили лотереи, совершали прогулки, занимались театром, музыкой, пением¹⁶.

2. Первые центры салезианского воспитания в Галиции

Деятельности салезианцев в Галиции предшествовали многочисленные встречи польских салезианцев с Доном Боско в Пьемонте¹⁷. Многократно они обращались к Основателю с просьбой послать салезианцев в польские земли. Но, к сожалению, сказывалась нехватка подготовленного персонала и поэтому подобные проекты не реализовывались. Мечта находившихся в Италии польских салезианцев осуществилась в 1889 г., когда Дон Руа решил начать подготовку для того, чтобы «высадиться» в Галиции¹⁸. Негативное отношение прусских и русских властей к католической церкви служило препятствием для осуществления салезианцами расширения их педагогического горизонта на остальную часть польской территории.

Начало воспитательной деятельности в Галиции связано с именем Бронислава Маркевича. Он приехал из Италии в марте 1892 г. и открыл первый дом в округе Кросно в местечке Мейсце-Пястове¹⁹, положив таким образом начало присутствию салезианцев в Галиции²⁰. Затем в 1898 г. была основана так называемая «материнская компания» польских салезианцев, а именно – Салезианский институт в

¹⁶ Ibid. Vol. XVIII. P. 703.

¹⁷ *Szczerba K.* Kontakty Polaków z księdzem Janem Bosko // *Seminare*. 1987–1988. T. 9. S. 114.

¹⁸ См.: *Krawiec J.* Powstanie Towarzystwa św. Franciszka Salezego oraz jego organizacja i działalność na ziemiach polskich. Kraków, 2004. S. 98–101. Подробнее о сложившейся в Польше социально-политической ситуации этого периода см.: *Wilk S.* Insediamento e prime fasi di sviluppo dell'opera salesiana in Polonia (1898-1922) // *Insediamenti e iniziative salesiane dopo don Bosco. Saggi di storiografia* / Ed. F. Motto. [= Istituto Storico Salesiano – Studi, 9]. Roma, 1996. P. 373–378.

¹⁹ Подробнее об особенностях этого фонда см.: *Zimniak S.* Salesiani di don Bosco nella Małopolska (1892-1919) // *Kościół na drogach historii. Księga jubileuszowa dedykowana Księdzu Profesorowi Doktorowi Tadeuszowi Śliwie* / Red. J. Wołczański. Lwów; Kraków, 1999. S. 133–137.

²⁰ Дон Б. Маркевич после выхода из Салезианской конгрегации (1898) продолжал проводить образовательную работу, следуя превентивной системе Дона Боско. В 1898 г. он основал Общество *Powściągliwość i Praca*, которое после его смерти было преобразовано в Конгрегацию св. Михаила Архангела (*Księża Michalici*). См.: *Moroz W.* Dzieło, myśl, duchowość ks. Bronisława Markiewicza (1842-1912). Marki; Struga, 1993.

Освенциме (епархия г. Кракова)²¹. Собственно образовательный процесс был начат в 1899 г. в стенах профессионального училища и гимназии. С самого начала XX в. салезианцы ощущали значительную поддержку со стороны местного общества. По примеру центров, основанных Доном Боско в Италии, в Галиции был внедрен метод воспитания молодежи, который полностью повторял превентивную систему, созданную Основателем. Особое внимание уделялось не только определенному объему знаний, который юноши должны были усвоить, но и тому, чтобы этот материал был подан в христианском ключе, с особым вниманием к религиозному аспекту образования. Руководители настаивали на том, чтобы в центрах создавалась и поддерживалась семейная атмосфера, царил дух приверженности религии и народной польской традиции.

В Дашаве²² (епархия г. Львова) центр был открыт в 1904 г. Первоначально предполагалось организовать там обучение молодежи, но с 1907 г. он был преобразован в центр подготовки салезианцев. Первый центр салезианцев в г. Пшемысль (1907 г.) был расположен в квартале Засанье²³. Первоначально в часовне проводилась пастырская деятельность, но после 1907 г. салезианцы решили расширить ее, дополнив ораторием, целью которого было увести ребят с улицы, дать им религиозное, гражданское воспитание, привить им чувство долга, понятие уважительного отношения к людям, к ближнему. С самого начала салезианский центр подготовил богатую гамму образовательных, религиозных, рекреативных программ²⁴. К непременно занятым религи-

²¹ *Ślósarczyk J.* Historia Prowincji świętego Jacka Towarzystwa Salezjańskiego w Polsce. Pogrzebień, 1960 (dattiloscritto). Vol. I. P. 121. Большой вклад в дело распространения идей салезианцев в Польше внес священник приходской церкви г. Освенцима Дон Анджей Кныш, который предложил епископу Кракова, князю Яну Пузина передать салезианцам историческую часовню св. Гиацинта (Giacinto) в Освенциме. Дон Микеле Руа, руководитель Салезианской конгрегации, принял это предложение и в августе 1898 г. послал первого салезианца, поручив ему поведать местным польским жителям об особенностях пасторской работы салезианцев с молодежью, а затем открыть религиозный центр и воспитательное учреждение. Уже на следующий год во временной структуре были приняты первые воспитанники. Подробнее см.: *Żurek W.* Zakład im. Księdza Bosco w Oświęcimiu 1898-1907. Kronika. Lublin, 2013. T. I.

²² *Zimniak S.* Op. cit. S. 138–145 и далее.

²³ *Wilk S.* Rys biograficzny kardynała Augusta Hlonda // Prymas Polski. August Kardynał Hlond / Red. P. Wiczorek. Katowice, 1992. S. 14.

²⁴ *Żurek W.* I salesiani e le urgenze giovanili della città di Przemysł e delle diocesi della Galizia // L'Opera salesiana dal 1880 al 1922 / A cura di F. Motto. Roma, 2001. P. 304.

озного характера, разъяснениям торжественных, праздничных отпавлений культа добавлялись игры, уроки пения, репетиции театральных спектаклей, декламации поэзии по случаю религиозных и патриотических праздников и, наконец, следуя завету Дона Боско, частые поездки и мероприятия, организованные совместно с ассоциациями и кружками²⁵. Их задачей было разнообразить многочисленные праздники, торжественные религиозные и гражданские ритуалы. В 1913 г. был организован небольшой оркестр примерно из 30 человек²⁶. Другая группа воспитанников оратория входила в драматический кружок. Выбор репертуара спектаклей определялся образовательными и воспитательными целями, стоявшими перед ораторием, поэтому все они соответствовали высоким моральным и этическим нормам²⁷.

Наряду с работой оратория в Пшемьсле проводилась дидактическая работа с особым уклоном на профессиональную подготовку (1915 г.), велись занятия в школе органистов (1916 г.). В 1924 г. школа органного мастерства получила одобрение Министерства просвещения, ей было присвоено имя *Salezjańska Szkoła Organistowska*²⁸. В ней молодые люди проходили профессиональное и литургическое обучение с тем, чтобы затем служить органистами в приходских церквях по всей Галиции. Другим образовательным проектом салезианцев в Галиции начала XX в. стал центр в Кракове, основанный в 1911 г. (*Schronisko im. Księcia Aleksandra Lubomirskiego*)²⁹. Это был приют для наиболее социально неблагополучных сирот, оставшихся без призрения. Основатель этого центра А. Любомирский старался дать таким юношам религиозное воспитание и некие профессиональные навыки³⁰.

Необходимо отметить, что с самого начала XX в., несмотря на трудности, связанные с политическими, социальными проблемами, с событиями Первой мировой войны деятельность салезианцев в Гали-

²⁵ Archiwum Salezjańskie Inspektorii Krakowskiej (далее: ASIK). В 1535: Przemysł I. Kronika Domu Przemyskiego od 12 XI 1907 do 3 III 1908. Annotazione del luglio 1907.

²⁶ *Moldysz J.* Dzieje Salezjańskiej Szkoły Średniej dla Organistów w Przemysłu (машинопись). Wrocław, 1972 P. 23.

²⁷ *Wacholc M.* Ks. Antoni Hlond (Chlondowski). Warszawa, 1996. Vol. I: Życie, działalność, twórczość kompozytorska. S. 380.

²⁸ Организация была поручена Дону Антони Хлонду (1884–1963), выдающемуся композитору и пропагандисту церковной музыки. См. *Przybylski T.* Ks. Antoni Hlond (Chlondowski) – Salezjanin – kompozytor. Kraków, 1993. S. 45–68.

²⁹ См.: *Żurek W.* Dzieje fundacji Księcia Aleksandra Lubomirskiego w Krakowie 1893–1950. Tesi di laurea (машинопись). Lublin, 1981.

³⁰ AKSI. A 521: Schronisko im. Księcia Al. Lubomirskiego. Akt fundacji, art. 7.

ции пользовалась весьма значительной поддержкой гражданских властей и населения.

3. Религиозное воспитание молодежи – практический аспект

Цель этой части настоящей работы выявить практическое участие SALEZIANЦЕВ в религиозном воспитании молодежи в Галиции. При помощи достоверных источников представляется возможным определить постановку, цель, содержание, инструменты этого воспитания. Прежде всего следует выделить специфические черты в воспитании, сконцентрированном на духовных и религиозных ценностях. Для проведения анализа автор воспользовался первичными источниками, найденными в SALEZIANСКИХ архивах. Также были приняты во внимание многочисленные научные статьи на данную тему.

3.1. Ежедневная жизнь, подкрепленная литургией и таинствами

Заботы SALEZIANЦЕВ о взрослении юношества в религиозном русле ощущалась в каждом институте образовательного характера, в оратории, в школьных стенах. Ораторий первоначально был предназначен для того, чтобы собрать ребят, организовать их на отдых и на молитву. Т.е. это не было обычным образовательным учреждением *sensu stricto*³¹. Свои дни в оратории воспитанники посвящали репетициям различных театральных постановок, участию в занятиях по изучению катехизиса, подготовке к проведению таинств.

У юношей в SALEZIANСКИХ школах стиль литургической жизни был похож на тот, что ежедневно практиковали сами SALEZIANЦЫ. Руководители должны были осуществлять католическое воспитание укрепляя у воспитанников прежде всего религиозное благочестие³². Ежедневная служба, утренние молитвы, евхаристия, вечерние молитвы с так называемым наставлением на ночь (*słówko na dobranoc*) – все это наполняло дни молодежи, проведенные в стенах SALEZIANСКОГО дома. По воскресеньям и в праздничные дни воспитанники обычно участвовали в двух мессах, а во второй половине дня – в вечерней службе³³. Первые SALEZIANЦЫ в Галиции настаивали на грегорианском пении, но спустя

³¹ Ibid. Kronika Zakładu Salezjańskiego w Przemyślu 1907-1937. Annotazione del 15 novembre del 1911.

³² Книга, использовавшаяся для молитв, была написана Доном Боско: *Il giovane provveduto per la pratica dei suoi doveri e degli esercizi di cristiana pietà*. См.: *Żurek W.* Szkoły salezjańskie w Oświęcimiu na tle salezjańskiego szkolnictwa średniego ogólnokształcącego i zawodowego na ziemiach polskich (1900-1939). Lublin, 2010. S. 333.

³³ Ibid. S. 616.

несколько лет его сменило народное литургическое пение на польском языке. В период поста пели *Gorzkie Żale*³⁴. Во время воскресных встреч в церкви с ребятами занимались изучением катехизиса³⁵. Салезианские воспитатели настаивали на обязательном участии, т.к. не у всех такие уроки вызывали большой энтузиазм. Дети готовились к первому причащению, подростки постарше – к миропомазанию³⁶. В центре, находившемся в г. Освенциме, таинство миропомазания проводилось во время праздника Девы Марии Помощницы Христиан³⁷. Эти периодически повторявшиеся праздники и обряды приучали молодежь к религиозным ценностям, давая при этом значительный стимул в эмоциональном плане. Чтобы настроить ребят, им раздавали маленькие изображения святых по случаю исповеди первой пятницы месяца. Очень важная роль в религиозном воспитании отводилась таинству исповеди. Каждая месса предоставляла прекрасный повод для встречи с Христом во время таинства евхаристии³⁸.

3.2. Культ святых и организации в пользу юношества

Весьма значительной составляющей процесса религиозного воспитания был культ святых и службы, проводившиеся в церкви по различным религиозным поводам (розарий, литании Мадонне, литании святым). Основное внимание уделялось обучению ребят правильному отношению к Мадонне и к Иисусу Христу (культ Святейшего сердца Христа и Девы Марии Помощницы Христиан)³⁹. Вопрос о культе святых в течение многих веков был важным и глубоко укорененным в народной польской традиции. Салезианские воспитатели постарались продлить обычные временные рамки, несколько изменив ритмы религиозной жизни (пример: празднование культа св. Иосифа

³⁴ *Gorzkie Żale* – богослужение, польское паралитургическое песнопение, в котором верующий посредством медитации о Страстях Христовых духовно приближается к Христу Спасителю.

³⁵ Archiwum Zakładu Salezjańskiego w Oświęcimiu (далее: AZSO). Kronika zakładu 1914-1917. Annotazioni del 17 settembre e dell'8 ottobre del 1916.

³⁶ См.: Archivio Salesiano Centrale a Roma. F 654, 38: Case soppresse. KAF-LY, Statut Lubomirskich, Kraków. Fasc. 11.

³⁷ Директор Института должен был вести *Liber confirmatorum*, в нем регистрировались все конфирманты, приобщившиеся таинств в Доме в г. Освенциме. См. *Zurek W.* Szkoły salezjańskie w Oświęcimiu... S. 620.

³⁸ *Niewęglowski J.* Op. cit. S. 169.

³⁹ *Nabożeństwo do Wspomożycielki Wiernych // Wiadomości Salezjańskie.* 1911. N. 8. S. 225–226.

в марте)⁴⁰. Этот святой был покровителем воспитанников в г. Освенцим⁴¹. В этом центре особым почитанием пользовался св. Гиацинт (Giacinto). Местные верующие вместе с салезианской молодежью каждый год чествовали святого, молились, участвовали в свершении таинств и других мероприятий разного типа⁴².

Следуя примеру Дона Боско, салезианцы настаивали на членстве ребят в различных организациях, которые в своей деятельности руководствовались принципами, привнесенными религией (группы по интересам, общества и т.п.). Они значительно влияли на формирование чувства независимости, желания соревноваться с другими, зрелой набожности и положительного восприятия общества. Среди наиболее распространенных ассоциаций в области салезианского воспитания необходимо отметить Общества св. Иосифа, св. Станислава Костка, Непорочного зачатия, Ассоциацию миссионерской молодежи, Ассоциацию церковных служек, которая была призвана распространять культ среди молодежи и подготавливать наиболее успешных учащихся к священничеству, и, наконец, Марианское братство, представлявшее собой ассоциацию молодых мирян, их целью было совмещение христианской жизни с учебной⁴³. Вышеперечисленные ассоциации имели свои уставы. Их деятельность строилась вокруг организации театральных спектаклей, инициатив по проведению молитвенных встреч, концертов и литературных вечеров⁴⁴. Несмотря на то, что нет сведений, касающихся влияния ассоциаций на духовный облик ребят, в любом случае очевидно, что их деятельность, а также принадлежность к этим организациям могла ока-

⁴⁰ Ср: *Żurek W.* Szkoły salezjańskie w Oświęcimiu... S. 641.

⁴¹ Культ св. Иосифа был весьма распространен в г. Пшемысль. См.: *Świeży A.* Powstanie i rozwój Salezjańskiej Szkoły Organistowskiej w Przemysłu w latach 1916-1939 // *Salezjańska Szkoła Organistowska w Przemysłu i jej likwidacja w roku 1963 / Red. R. Witalec, I. Witowicz.* [=IPN Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu oddział w Rzeszowie]. Rzeszów; Przemysł, 2007. S. 33.

⁴² *Żurek W.* Szkoły salezjańskie w Oświęcimiu... S. 622. Историческая капелла св. Джачинто в Освенциме была куплена у евреев в 1894 г., которым тогда принадлежала, и вплоть до сегодняшнего дня она является частью Салезианского института в г. Освенцим

⁴³ *Coopagnie* – молодежные ассоциации, основанные или вдохновленные Доном Боско с образовательными и апостольскими целями. Дон Боско придавал им большое значение, называя их «ключом к милосердию, монастырской школой морали, опорой в церковном и религиозном призвании». См.: *Marzarotto A.* Dialogo coi Cooperatori: <http://biesseonline.sdb.org/1958/195805.htm> Дата обращения: 01.12.2015.

⁴⁴ *Żurek W.* Szkoły salezjańskie w Oświęcimiu... S. 654.

зять влияние не только на религиозность воспитанников, но и на их будущее⁴⁵.

3.3. Ежемесячные уединения и духовные упражнения

Следуя примеру Дона Боско первые салезианцы в Галиции смогли ввести в религиозное воспитание ребят черты, которые были характерны для жизни религиозного деятеля. Каждый месяц все участвовали в уединении (*gitiro*) и один раз в год занимались духовными упражнениями⁴⁶. Эти формы влияния на молодых в религиозном плане считались эффективными средствами для того, чтобы отрешиться от земных дел и заняться укреплением своих душевных качеств. Духовные уединения в доме в Освенциме начались в 1900 г. В 1909 г. эти формы набожности были связаны с практикой участия в первых пятницах месяца⁴⁷. Программа духовного роста, предусмотренная на тот момент, предполагала участие в медитациях во время литургий, а также возможность участвовать в исповеди, а затем в молитвах, предусмотренных для вышеозначенного случая. В период поста воспитанникам всех центров предоставлялась возможность принять участие в ежегодных духовных упражнениях, длительность которых составляла обычно три полных дня⁴⁸. Упражнения были обязательными для всех и давали возможность приобщиться к таинствам исповеди, причастия и к финальной беседе. Анализ содержания молитв, выбранных самим Доном Боско и предназначенных для духовных упражнений, показывает, что они имели некоторые признаки строгости⁴⁹.

3.4. Музыка и театр

Очень важным элементом салезианской превентивной системы, который значительным образом сказывался на религиозном воспитании юношей, была связь с музыкой, пением и театральной деятельностью

⁴⁵ В этой связи необходимо подчеркнуть тот факт, что многие члены ассоциаций становились кандидатами, а затем и послушниками внутри Салезианской конгрегации. См. ASIK. T. Oświęcim I. Kapituły 1911-1928. Lavori del capitolo del giorno 13 aprile 1913.

⁴⁶ См. Książd Bosko a wychowanie. Część druga: Wychowanie religijne i moralne // Wiadomości Salezyjańskie. 1903. N. 1. S. 8–11.

⁴⁷ Первые пятницы девяти месяцев являются религиозной практикой католической церкви для приверженцев Святого сердца Иисуса, возникшей после Откровения, явленного Иисусом св. Маргарите Марии Алакок.

⁴⁸ Książd Bosko a wychowanie. Część druga. S. 11.

⁴⁹ Ibid. S. 9.

стью⁵⁰. Театральные постановки и музыка в исполнении оркестра способствовали продвижению ценностей культуры, приучали ребят к проведению полноценного досуга. Таким образом были созданы ситуации, позволявшие заниматься благотворительностью. Эти мероприятия были организованы таким образом, чтобы настроить воспитанников на самосовершенствование. Религиозная, классическая музыка, различные спектакли (так называемые *Jaselka* – Рождественское таинство, *Męka Pańska* – представление Страстей Христовых во время Поста), все это служило для того, чтобы развить и укрепить юношеское благочестие, утвердить молодежь в приверженности христианским ценностям⁵¹. По примеру Дона Боско первые салезианцы, действовавшие на польской земле, стремились через искусство и музыку повлиять на характер человека, возвысить его дух, ввести в школьную жизнь радость и веселье. Несомненно, салезианцы в Галиции следовали за иезуитами, выступали в качестве первопроходцев, применяя музыку в своей воспитательной практике⁵². Начинали с простых декламаций и песнопений в рамках отдельных концертных выступлений⁵³, но со временем, в особенности в центре, расположенном в Освенциме, особенное распространение получило хоровое исполнение. По различным поводам в церкви звучали песнопения, грегорианский хорал, вечерние гимны на латинском языке⁵⁴.

В 1916 г. Дон Антони Хлонд предпринял усилия для организации органной школы в городе. Это учебное заведение должно было готовить молодежь к работе органистами в приходских церквях⁵⁵. Несмотря на то, что главной задачей этой школы была подготовка юношей к тому, чтобы научиться играть на органе в приходах, салезианцы никогда не забывали о принципах, завещанных Доном Боско, т.е. они стремились помочь им стать хорошими христианами и добропорядочными

⁵⁰ В особенности данный факт воздействия через музыку осознавался польским руководством, – многие салезианцы были посланы учиться в консерваторию. См. об этом подробнее: *Malinowski Z. Działalność muzyczna salezjanów polskich // 75 lat działalności salezjanów w Polsce. Księga pamiątkowa / Red. R. Popowski, S. Wilk, M. Lewko. Łódź; Kraków, 1974. P. 115-119.*

⁵¹ *Kronika Zakładów Salezyjańskich w Polsce // Północno-Salezyjańskie 1916. N. 1. S. 12-13.*

⁵² *Żurek W. Szkoły salezyjańskie w Oświęcimiu... S. 581.* Подробнее о деятельности иезуитов в области музыки в Польше см. *Kochanowicz J. Jezuickie bursy muzyczne w Polsce i na Litwie w XVII i XVIII w. Kraków, 2002.*

⁵³ См.: *Ślósarczyk J. Op. cit. S. 190.*

⁵⁴ *Żurek W. Szkoły salezyjańskie w Oświęcimiu... S. 40.*

⁵⁵ См.: *Wacholc M. Op. cit. S. 121-122.*

гражданами⁵⁶. В подтверждение этому достаточно взглянуть на то, как молодежь участвовала в разных мероприятиях в рамках церковной жизни, а также в празднованиях по случаю памятных событий на национальном уровне⁵⁷. Превентивная система, применявшаяся в школьной среде, а также в ораториях, напоминала ребятам, что в жизни важны не только образование и развитый интеллект, умение петь или играть на инструментах, но важно также быть людьми верующими, которые знают, что такое достоинство человека, честь, добродетель, жертва, принесенная на алтарь родины. Жизнь ребят в салезианских центрах помимо изучения школьных предметов была наполнена музыкальными вечерами, а также мероприятиями, посвященными патриотическим датам⁵⁸. Молодежь, которая занималась в различных художественных кружках, была заинтересована в том, чтобы придать большее значение салезианским праздникам религиозной и национальной направленности⁵⁹. В художественную программу, подготовленную юношами, включались обычно выступление хора, музыкального оркестра, декламация поэтических произведений. Выступления ребят на художественном уровне имели целью развить у воспитанников дух лидерства. Они также благотворно влияли на возникновение новых идей, хобби, выявление призваний и формирование личностных устремлений.

В религиозном и патриотическом плане важную воспитательную роль играла деятельность кружков, связанная со школьным театром⁶⁰. Еще в XIX в. Дон Боско в распоряжениях, касавшихся правил функционирования ораториев, подчеркивал немалую роль, которую играл театр в воспитании молодежи⁶¹. Более подробный анализ театрального

⁵⁶ Подробнее см.: Salezjańska Szkoła Organistowska w Przemyślu i jej likwidacja w roku 1963.

⁵⁷ См. Archiwum Zakładu Salezjańskiego w Przemyślu (Archivio dell'Istituto Salesiano di Przemyśl), Kronika zakładu salezjańskiego w Przemyślu 1918-1924, комментарии от 18 февраля и от 14 ноября 1918 г.

⁵⁸ См.: AZSO. Kronika zakładu 1914-1917. Annotazione del 3 maggio 1915.

⁵⁹ Среди религиозных праздников самыми известными были праздник Христа Царя, Непорочной Девы, св. Франциска Сальского, св. Станислава Костка, Блаженного Иоанна Боско, св. Иосифа Супруга Марии и праздник св. Девы Марии Помощницы Христиан.

⁶⁰ См.: *Ptaszkowski J. Rzecz o dobrej sławie Oświęcimia (Karty z przeszłości i terażniejszości Zakładu im. św. Jana Bosko w Oświęcimiu)*. Kraków, 1998. S. 107–108.

⁶¹ «Правила для маленького театра», написанные Доном Боско в 1871 г. и опубликованные салезианским издательством, преследовали тройную цель:

репертуара салезианцев до 1918 г. позволяет отметить предпочтения, которые отдавались спектаклям религиозной направленности (жизнь святых и т.п.)⁶², или же постановкам, посвященным различным национальным праздникам. Было много спектаклей, служивших для рекреативных целей и для развлечения⁶³.

Заключение

На основании проведенных исследований можно утверждать, что салезианцы, начавшие свою деятельность в Галиции на рубеже XIX–XX вв., тесно следовали за своим Основателем. Используя опыт школ, возникших в Италии до смерти Дона Боско, они стремились организовать воспитательную деятельность как в школьной среде, так и в оратории.

Более внимательный взгляд на источники и на работы исследователей позволил автору выявить некоторые характерные черты, которые имеют отношение к религиозному образованию в салезианских школах и ораториях в Галиции на рубеже XIX–XX вв. Удалось также обрисовать контуры, при помощи которых мы можем распознать методологию, возникшую из ежедневной практики воспитания и соотносящуюся с вышеупомянутой системой воспитания:

1. Очень важным фактором в постановке салезианцами религиозного воспитания было создание для учащихся благоприятной обстановки. Юные бедняки из неблагополучных семей, сироты, оставшиеся после войны без попечения взрослых, находили у салезианцев теплый прием, которого они были лишены в жизни, а также приход, с которым детям улицы не приходилось сталкиваться ранее.

2. Ежедневная жизнь согласно распорядку, составленному салезианцами, была пронизана желанием не только усвоить некие сведения религиозного характера, но прежде всего она давала направление, которого следовало придерживаться с тем, чтобы стать «хорошими христианами» и «добропорядочными гражданами».

3. Салезианцы старались достигаться до сердец воспитанников, раскрыть им важность литургии (встреча с Христом в церкви), молитвы (персональный контакт с Христом – объектом веры),

увеселять, воспитывать, обучать молодежь с точки зрения морали. См.: *Braido P.* Op. cit. P. 201–202.

⁶² См.: *Ślósarczyk J.* Op. cit. S. 545–546.

⁶³ См. *Lewko M.* Czemu służył teatr zakładowy // 75 lat działalności salezjanów w Polsce... S. 134.

основных этических понятий (умение применять на практике, ежедневно христианские ценности).

4. Содержание религиозного воспитания, проводимого в христианском ключе, зависело от литургического периода и от личного интереса каждого юноши (выбор членства в различных группах, ассоциациях).

5. Передача содержания, связанного с религиозным образованием, происходила посредством нескольких практик, которым придавалось особое значение: наставление на ночь, преподавание катехизиса, проповеди, ежемесячные и ежегодные уединения, девятидневные молитвенные обеты, службы вне мессы, культ святых, организация внеклассного досуга подростков.

6. Заметна некоторая корреляция между способностью салезианцев умело популяризировать Евангельскую весть и перцепцией религиозных ценностей со стороны самих ребят. Достичь сердца юноши на религиозном уровне означало способность салезианцев вписаться в польскую культуру, обычаи, традиции.

7. В религиозном воспитании молодых особую роль играли не только инициативы формального уровня, но и те, что не считались обязательными: участие в народных праздниках, совместные вылазки на природу (так называемые *majówka*). Все это служило для того, чтобы свидетельствовать о вере людям, которые жили вокруг, чтобы познакомить местное население с деятельностью салезианцев поближе.

Пер. с итал. Н.Г. Тереховой

В рамках нашего исследования мы хотим опровергнуть мнение о том, что Луис Амиго основал свою конгрегацию терциариев-капуцинов потому, что на него снизошло внезапное озарение или потому, что он ставил перед собой задачу создать нечто совершенно новое или неслыханное. Луис Амиго искал ответы на вызовы эпохи, выражавшиеся в социальном недовольстве, достигшем максимального накала, которые он сумел уловить, воспринять и соответствующим образом переработать, поняв и впитав в себя при этом некоторые достижения современного ему передового опыта. Далее мы постараемся выделить в воспитательной философии брата Луиса Амиго и в методах его ближайших соратников то, какое влияние оказали на них другие социальные институты.

1. Преподобный Луис Амиго¹

Хосе Мария Амиго и Феррер – именно так звали Луиса Амиго в миру – родился в Массамгреле (провинция Валенсия) 17 октября 1854 г. Его детство и юность прошли в городе Валенсия. Там он начал учиться на священника в местной семинарии, изучал гуманитарные науки и философию в качестве вольного слушателя.

В отрочестве и юности «он был членом различных католических ассоциаций, проповедовавших апостольское служение изгоям общества»². На этот путь он встал благодаря своему пламенному желанию «совершенной жизни»³, а не ради социальной деятельности как таковой. Это желание приняло в дальнейшем более совершенные формы, форму решения социальных проблем. За плечами у Луиса Амиго был багаж опыта, который он сам накопил, когда работал в католических

¹ Основным источником для изучения жизни и деятельности Луиса Амиго является его автобиография, опубликованная в 1929 г. в сб.: *González Alcalde A., Vives Aguilera J.A.* Monseñor Luis Amigó y Ferrer: Obras Completas. Madrid, 1986. Представляет интерес также биография: *González Alcalde A.* Luis Amigó, Religioso, Fundador y Obispo. TT.CC. Valencia, 2003.

² Материалы к биографии см. также: www.amigionianos.org. Дата обращения: 01.12.2015.

³ *González Alcalde A., Vives Aguilera J.A.* Op. cit. P. 9.

ассоциациях. Это был и тот вид деятельности, которую он поручил своим последователям⁴.

Первоначально Луис Амиго был членом Конгрегации св. Филиппа Нери⁵. Известно, в частности, что «в основе этой конгрегации лежит милосердие к наиболее нуждающимся близким, которых нужно посещать в больницах и у них на дому, когда они болеют, и которым нужно постоянно помогать в случае необходимости»⁶. Решающее значение для будущего Луиса Амиго имела и его принадлежность к Школе Христа⁷. Что же касается деятельности ее адептов, то они должны были помогать в больницах и посещать тюрьмы⁸.

Тема тюрьмы проходит красной нитью через всю биографию Луиса Амиго и формирует его начальную харизму. В дальнейшем он посвящает себя перевоспитанию несовершеннолетних преступников. Чтобы полностью отдаться этому делу молодой Амиго «выработал свой собственный подход с тем, чтобы постепенно завоевать доверие этих людей, и, в конце концов, достучаться до их сердец»⁹.

В 1874 г. Луис Амиго решил вступить в Орден капуцинов. Но так как все монахи были изгнаны из Испании, ему пришлось добираться до монастыря в Байоне, во Франции. В 1877 г. его религиозное образование было почти закончено, и он присоединился к экспедиции капуцинов, которая должна была основать монастырь в Антекере (Малага).

⁴ «Формирование Луиса Амиго и других первых “амигонянцев” происходило в ассоциациях религиозного характера, которые, однако, были активно вовлечены в многочисленные инициативы социальной направленности, осуществлявшие помощь маргинализированным слоям населения». См. выступление Х.А. Вивеса на Втором международном конгрессе амигонянской педагогики, состоявшемся в Валенсии с 15 по 17 ноября 2012 г. при поддержке Конгрегации капуцинов-терциариев: *Vives J.A. El carisma amigoniano frente a la exclusión*. P. 2 // <http://www.congresopedagogiaamigoniana.org>. Дата обращения: 01.12.2015.

⁵ Конгрегация, в которую входило белое духовенство и миряне, создана в 1575 г. св. Филиппо Нери при церкви Санта Мария ин Валличелла (Рим). Ее отличительной чертой является свобода: священники и миряне не связаны никакими обетами и обязанностями.

⁶ *González Alcalde A., Vives Aguilera J.A.* Op. cit. P. 8.

⁷ Религиозная организация, созданная для белого духовенства и мирян. Ее цель – духовная польза при «стремлении к совершенству» и обновление христианской жизни посредством совершения дел милосердия.

⁸ Правила школы цит. по: *Vives J.A. El carisma amigoniano*. P. 8.

⁹ Краткую биографию см.: www.amigonianos.org. Дата обращения: 01.12.2015. Источник не указан.

Это были первые вернувшиеся в Испанию после сорокалетнего изгнания монахи.

В дальнейшем брат Луис был переведен в монастырь Монтехано (Сантандер). Там он в 1879 г. был рукоположен в сан священника и «для того, чтобы активно способствовать комплексному воспитанию молодежи из расположенных недалеко от монастыря селений, организовал различные движения молодежного типа, в которых сосуществовали религия, культура и досуг»¹⁰. Теперь он не довольствуется членством в уже существующих ассоциациях – он сам создает те из них, которые, как он считает, могут соответствовать духу времени.

Луис Амиго принимает близко к сердцу судьбу заключенных и решает стать священником в расположенной поблизости тюрьме Эль Дуэзо (Сантонья). На него произвели тягостное впечатление находившиеся там молодые заключенные, пребывавшие в очень плохом состоянии¹¹. Это еще раз утвердило его решимость продолжать свое апостольское служение в отношении отбывающих наказание преступников и утратившей нравственные ориентиры молодежи, начавшееся в период, когда он был связан с Школой Христа.

В 1881 г. брат Луис Амиго возвращается в обитель св. Магдалины в свой родной город Масамагрель. Там он получает от руководства поручение, ставшее главным для его жизни и дальнейшего служения: реорганизовать и способствовать развитию в Валенсии Ордена францисканцев-терциариев. Эта миссия позволила Луису Амиго привлечь множество друзей и сторонников, из числа которых им будут созданы другие благотворительные фонды. Ему удалось привлечь в свои ряды за короткое время более пяти тысяч францисканцев-терциариев¹².

Своих соратников он призывал заниматься той общественной деятельностью, которой и сам занимался в молодости: женщины должны были ухаживать за больными, помогать беднякам и обучать грамотности детей из нуждающихся семей: мужчинам же поручалась добровольная работа с заключенными. Самые активные регулярно посещали вместе с отцом Луисом гарнизонную тюрьму Сант Агостино в Валенсии с тем, чтобы поддержать заключенных, помочь им и обратить на

¹⁰ Ibid. Следует отметить схожие черты в деятельности учреждений для молодежи, основанных Луисом Амиго, и Патроната рабочей молодежи Валенсии, который Григорио Геа организовал позже, в 1886 г.

¹¹ Цит. по: www.amigonianos.org

¹² Движение мирян-христиан, которые живут согласно францисканскому духу, но при этом не отказываются от социальных и семейных обязанностей и оказывают поддержку в деле культурного и социального попечительства в отношении наиболее нуждающихся слоев населения.

путь веры, помочь тем самым стать полноценными членами общества, когда они выйдут на свободу¹³. Луис Амиго бывал в гарнизонной тюрьме в Валенсии со времен Школы Христа, а это, несомненно, повлияло на его мировоззрение и деятельность. Он стал сторонником прогрессивной реформы тюремной системы, которую за несколько лет до этого предпринял полковник Монтесинос¹⁴. Эта система, как мы далее увидим, очень напоминала ту, что реализовали первые сторонники Амиго.

11 мая 1885 г. Луис Амиго основал конгрегацию терциариев-капуцинок для женщин, а 12 апреля 1889 г. – конгрегацию терциариев-капуцинов для мужчин. В то время отец Луис был настоятелем обители св. Магдалины в г. Масамагрель. В дальнейшем он стал управляющим провинцией ордена. В 1907 г. его назначили апостольским администратором в Сольсону (Лерида), а в 1913 г. – епископом в Сегорбе (Кастельон).

Завершил Луис Амиго свою жизнь 1 октября 1934 г., когда вверил душу Господу в Годелла (Валенсия) в резиденции терциариев-капуцинов. Он похоронен в Масамагрель в резиденции терциариев-капуцинок. В 1950 г. в Валенсии была начата процедура его беатификации.

2. Дар целесообразности брата Луиса Амиго и его фонд

Среди прочих достоинств в большей степени Луис Амиго обладал харизмой целесообразности, умел различать, наблюдать и слушать то,

¹³ Монастырь Сант'Агостино в Валенсии, был передан светским властям в результате конфискационных мероприятий 1836 г., затем был передан полковнику Мануэлю Монтесиносу и Молина для учреждения в нем реабилитационного пенитенциарного учреждения, которое функционировало вплоть до 1907 г.

¹⁴ Полковник Мануэль Монтесинос и Молина, род. в Сан Роке (Кадис) в 1796 г., умер в Валенсии в 1862 г., был влиятельным испанским военным, а также реформатором тюремной системы. Руководил охраной Сант'Агостино в Валенсии с 1836 по 1850 г. с таким успехом, что ему поручили организовать новые тюрьмы по всей Испании, а также провести реформу пенитенциарных заведений. Во время Первого международного пенитенциарного конгресса (Лондон, 1872 г.) он был назван создателем «прогрессивной системы», которая впервые учитывала такие понятия, как различная степень вины, полицейский надзор, подписку о невыезде и т.п. С помощью валенсийского журналиста Винсента Буа он учредил Ассоциацию «Братья Тюрем», которая занималась улучшением нравов среди заключенных. Этой ассоциации не удалось развить свою деятельность, но она повлияла на тех, кто следовал по тому же пути, учреждая новые фонды помощи, в частности, на Луиса Амиго.

что происходило вокруг него, то есть обладал даром видеть знаки времен, качество, которое Иисус Христос требовал от своих учеников и которое так ценит Церковь¹⁵. Эта харизма ему позволила основать конгрегацию, соответствующую данному моменту и месту: он создал конгрегацию капуцинов-терциариев, откликаясь на то социальное беспокойство, которое охватывало все слои общества города Валенсии в конце XIX в.

Среди друзей Луиса Амиго следует обратить внимание на Грегорио Геа Мигеля (1832–1886). Это был плотник из Мислаты (Валенсия), активно вовлеченный в социальную программу христианства и в воспитание детей рабочих. Он подружился с Луисом Амиго, когда тот был юношей, и помог будущему капуцину поступить в Школу Христа, хотя тот был моложе, чем это требовалось.

Грегорио Геа открыл у себя дома воскресную школу для ребят с улицы. Он учил их основам христианской религии и занимал их досуг спокойными, здоровыми развлечениями. Деятельность этой «маленькой школы» наталкивалась на многие проблемы, и в 1883 г. возник знаменитый Патронат рабочей молодежи Валенсии, который занимался помощью и обучением юношей из неимущих семей¹⁶, а когда там появились иезуиты, он стал самой важной воспитательной новацией рабочей валенсийской молодежи и, как далее мы увидим, оказал большое влияние на первых последователей Амиго.

Брата Луиса нельзя представить себе отдельно от других деятелей, например, Дона Луиса Бадал Тренко. Он был каноником собора, директором валенсийской семинарии на протяжении двадцати пяти лет и оказал непосредственное влияние на формирование личности вольного слушателя Луиса Амиго. Именно он утвердил своего молодого последователя в желании помогать заключенным. Их тесная связь подчеркивается тем обстоятельством, что именно Луис Бадал выступил с проповедью на церемонии первого облачения капуцинов-терциариев и

¹⁵ Лк. 12: 54–55; Мф. 16: 3. А также: «...непреложный долг Церкви – попытаться о знаках времени и интерпретировать их в свете Евангелия...». См.: Concilio Vaticano II. Costituzione Pastorale *Gaudium et spes* sulla chiesa nel mondo contemporaneo. № 4.

¹⁶ Одобрение епископом устава Патроната произошло 29 мая 1884 г. Летом 1906 г. в Валенсии были открыты первые летние обучающие лагеря, организованные Патронатом рабочей молодежи. Первоначально они находились на улице Ландерер в Валенсии. До 1977–1978 гг. они располагались возле старого канала реки Турия и на Авенида Пия XII. В настоящее время они находятся в районе Бенимаклет г. Валенсии, на улице Поэта Рикарда Санмарти, 3.

объявил тему проповеди следующего дня. Эти два великих события ознаменовали начало новой Конгрегации.

Не меньшего внимания заслуживает и Педро Фустер Галбис, преподаватель теории сельского хозяйства и влиятельный политический деятель. В течение восьми лет он был депутатом в Валенсии. Известно, что в ноябре 1888 г. он отвечал за состояние тюрем в провинции Валенсия¹⁷.

Он обнаружил, и был этим очень обеспокоен, что в тюрьмах «господствует безнравственность, что начальники и надзиратели в исправительных учреждениях являются в большей степени преступниками, чем бедные заключенные»¹⁸, и попытался что-то исправить. Не дождавшись помощи от иезуитов, он обратился к новой конгрегации Луиса Амиго. Он стал великим союзником основателя конгрегации и принимал участие, как и каноник Дон Луис Бадал, во вручении облачения первым членам конгрегации.

Создание конгрегации, которая занялась заключенными, было неизбежным: этого во весь голос требовали представители всех сил: католики, социалисты, политики. Харизма целесообразности помогла отцу Луису уловить эти запросы и создать конгрегацию в поддержку этого требования.

3. Педагогика Луиса Амиго: деятельная любовь

Нынешний генеральный настоятель терциариев-капуцинов заявляет: «Пожалуй, брат Луис Амиго никогда не задавался целью быть педагогом. Да он им на самом и не был»¹⁹. Строго говоря (*strictu sensu*) нельзя говорить и о «педагогике», которую можно было бы приписать самому основателю. Действительно, не существует свода работ или трактата о воспитании, которые систематически и исчерпывающе давали бы представление о его педагогической модели. Но это совсем не означает, что Луис Амиго не был во всех остальных жизненных обсто-

¹⁷ Beristain A. Jesuitas al servicio de los condenados por la justicia (1540-1990) // Eguzkilore. Numero straordinario, 6. San Sebastián, 1993. P. 192.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Martínez Pérez M. Fray Luis Amigó y Ferrer: profeta de una pedagogía humanista cristiana. P. 1. Выступление автора на XIV Национальной встрече воспитателей-амигонианцев, состоявшейся 10 и 11 ноября 2007 г. в Семинарии Сан Джузеппе в Годелла (Seminario di San Giuseppe a Godella, Валенсия) при поддержке Конгрегации капуцинов-терциариев (Congregazione dei Religiosi Terziari Cappuccini), материалы опубликованы: <http://goo.gl/eSEDyn> Дата обращения: 01.12. 2015.

ятельствах превосходным и харизматичным христианским педагогом, оставившим свой след в истории воспитания:

Его мысль, даже если она не обращена непосредственно к педагогической тематике, привела к созданию некоего пути, маршрута, позволившего соответствующим образом направить различные процессы образования и воспитания, в которые вовлечены капучины-терциарии²⁰.

В своих речах, письмах, распоряжениях и статутах Луис Амиго оставил своим последователям основы блестящей «философии воспитания», а также немалое число распоряжений и советов высочайшей педагогической ценности наряду с примером собственной образцовой жизни, полной смирения и стремления служить самым бедным и несчастным.

Вот некоторые основные положения философской педагогики Луиса Амиго²¹:

- Он сам называл это «наукой или педагогией сердца». Воспитание должно затрагивать самые потаенные струны человеческой личности, самое чувствительное начало, только тогда оно будет эффективным и иметь длительный результат.
- Человек важнее совершенного им преступления; нужно верить в человека, который как личность заслуживает максимального уважения. Человека следует принимать таким, какой он есть. Нельзя оправдывать вину, но следует любить виновного.
- «Профилактика» – это метод, чуждый любому насилию, свободный от чрезмерного наказания и репрессивных порядков. Она задумывалась как средство, при помощи которого можно сделать человека более свободным, счастливым, а также можно помочь ему избежать плохого поведения.
- Воздействие на нравственность как основа перевоспитания. Для Луиса Амиго любое настоящее и устойчивое изменение в поведении было достижимо через изменение нравственности религиозного толка.
- Соревновательность следует предпочесть всему остальному: наблюдать, как хорошо живут люди, которые

²⁰ Ibid. P. 1.

²¹ Краткая версия, основанная на автобиографических записках, заметках, текстах уставов и правил, составленных Луисом Амиго, а также на комментариях других авторов к его педагогическим размышлениям и советам.

правильно себя ведут, и всячески стремиться походить на них, это самый большой стимул к переменам.

- Необходимо применять такой воспитательный подход, который бы носил постепенный, дозированный и взвешенный характер. Не следует торопиться, необходимо соизмерять темп, потребности, цели и средства с учетом особенности личности воспитуемого.

- Необходимо быть рядом с воспитуемым, нужно быть близким к нему, понимать его, в общем, то, что мы сегодня называли бы «эмпатией», личным уважительным началом, при помощи которого на практике реализуется «наука сердца».

Эти и другие начальные постулаты помогли последователям Луиса Амиго создать свой собственный метод. Пусть он не кажется чем-то однородным, пусть не все авторы строго его придерживаются, несомненно, что в любом случае мы имеем дело с моделью или воспитательной системой, отождествляемой с именем Луиса Амиго. Она возникла благодаря накопленному опыту, научным исследованиям, образовательным поездкам.

4. Система Луиса Амиго и влияние других современных систем

4.1 Тюремная реформа полковника Монтесинос в Валенсии.

Полковник Монтесинос в гарнизонной тюрьме Сант Агостино в Валенсии проявил не только большой интерес к социальной реинтеграции заключенных. Особое внимание он уделил самому молодому контингенту. Внутри тюрьмы был создан отдельный участок для молодежи, который существовал отдельно от остальных заключенных. Там был еще один участок, находившийся под еще более пристальным его вниманием, предназначенный для «подлежащей исправлению молодежи»²².

На этом специальном участке полковник размещал молодежь, которую ему на исправление приводили родители²³, оплачивавшие пре-

²²«Этот участок функционировал как специальный сектор, рядом с «молодыми осужденными» находился другой сектор – «трудных подростков», которых родители приводили на коррекцию». См.: *Ortega J. Cárceles, presidios y casas de corrección en la Valencia del s. XIX. Apuntes históricos sobre la vida penitenciaria valenciana // Tirant lo Blanch. Valencia, 1992. P. 145.*

²³ «Отечская коррекция состояла в том, что родители или опекуны молодых людей, будучи социально ответственными за них, могли обратиться к государственным органам с просьбой о материальной поддержке в случае, если на их иждивении были другие несовершеннолетние [...] Эта практика, содержащаяся

бывание там детей и поручавшие ему воспитание наиболее трудных подростков. На этом участке трудились специально подобранные сотрудники, отличавшиеся образцовой нравственностью, примерным поведением и честными принципами. Старшим избирался лучший из них. Используемый метод был облегченным вариантом уже использовавшейся методики, при этом особое внимание уделялось религиозному воспитанию и школьному обучению.

Функция отеческого исправления в точности повторит систему, которую первые капуцины-терциарии будут использовать в исправительном заведении Санта Рита. Расположенное в мадридском квартале Карабанхел Бассо, это было первое заведение, управлять которым с 1890 г. стали последователи Амиго вскоре после того, как он основал конгрегацию. Там занимались отеческим перевоспитанием молодых людей, отличавшихся плохим поведением, обычно по просьбе родителей, а в других случаях – направляемых туда компетентными органами. Начало было положено заветами Луиса Амиго, затем был учтен опыт, приобретенный тем или иным религиозным деятелем. При этом участников проекта отличали чрезвычайная самоотверженность и здравый смысл. Позднее добавился опыт, вынесенный из путешествий, и учебные программы. Так постепенно начала складываться в этом Доме первая воспитательная система Луиса Амиго, оказавшая большое влияние на всю дальнейшую деятельность конгрегации. В регламенте исправительного учреждения записано:

Это учреждение предназначено для исправления нравов молодых людей, предпочтительным средством достижения стоящих перед ним задач является коррекция привычек поступивших несовершеннолетних детей мужского пола, которые в духе Гражданского кодекса подлежат исправлению по настоянию родителей или опекунов²⁴.

Этот опыт «отеческого исправления» был четко сформулирован и получил распространение в Валенсии того времени, с ним несомненно были знакомы и Луис Амиго, и его коллеги, неоднократно посещавшие тюрьму. Его влияние прослеживается очень четко, если рассматривать параллели между тюремной системой Монтесинос и педагоги-

в большинстве Гражданских Кодексов, была широко распространена в конце XIX – начале XX в.». См.: *Montero A.M. Escuelas de reforma en España y reeducación de menores: mirada retrospectiva en sus orígenes // XV Coloquio de H^a de la Educación, Pamplona-Iruña. Universidad Navarra, 2009. P. 249.*

²⁴ Цит. по: F. González (2008): *La ficha Psico-pedagógica de los RR. Terciarios Capuchinos // Surgam, Revista Digital de Orientación Psicopedagógica. № 500 (enero-abril). 2008. P. 3*

ческими методами, которые использовались в реализации первой «инициативы» Луиса Амиго – в Центре перевоспитания Санта Рита, действовавшем с теми же целями отеческого исправления.

Вот несколько примеров параллелизма двух систем:²⁵

- a) Работа в институтах является средством исправления заключенных с целью вернуть их в общество, а не искупительным страданием.
- b) Мастерские, главная цель которых не производительность и доходность, а приобретение профессиональных навыков для возвращения в общество.
- c) Система обращения с заключенными, при которой им постепенно предоставляется все большая и большая свобода.
- d) Важность изучения личности для выработки индивидуального подхода.
- e) Безусловное уважение человеческого достоинства заключенного без какой-либо формы насилия.

4.2 Патронат рабочей молодежи Валенсии.

Другим социальным институтом, оказавшим особое и значительное влияние на Луиса Амиго, был, как уже упоминалось, Патронат рабочей молодежи. Многие аспекты системы Амиго восходят к воспитательной методике Патроната. Эта процветающая ассоциация, основанная Грегорио Геа, достигла максимального расцвета с появлением в ней иезуитов, применивших социальную версию своих воспитательных методик, пригодных для молодежи из бедных семей из низов общества.

Важно, что контакт между первой общиной Луиса Амиго и иезуитами состоялся через первого генерального главу капуцинов-терциариев П. Хосе ди Седави²⁶ и его католический кружок в Торренте (Валенсия), а также через духовные и воспитательные инициативы, которые он организовывал для монахов вместе с выдающимся иезуитом, советником Патроната П. Антонио Висентом²⁷. Некоторые капу-

²⁵ Подробнее о системе Монтесиноса см.: *Ortega J.* Op. cit. P. 148–151.

²⁶ В миру Хосе Мендес Перпина (Jose Méndez Perpiñá). Занимался острыми социальными проблемами. Основал Католический рабочий кружок Св. Иосифа (Circolo Cattolico Operaio di San José) и другие Ассоциации при приходе в г. Торренте. Познакомился с Луисом Амиго и стал членом его Конгрегации в 1889 г.

²⁷ Род. в г. Кастельон в 1837 г., умер в г. Валенсия в 1912 г. Стал членом Общества Иисуса в 1861 г. Изучал юриспруденцию в Валенсии, филологию и философию в Мадриде, естественные науки и биологию в Севилье. Организо-

цины-терциарии сотрудничали с Патронатом, где занимались духовной деятельностью и знакомились с повседневной воспитательной деятельностью.

Известно также, что членом первого административного совета Патроната рабочей молодежи был консул Коста Рики. Он занимал, в частности, должность библиотекаря²⁸, был личным другом Луиса Амиго и собирался также вступить в первую общину Луиса Амиго. Эта выдающаяся личность призвала многих социально активных молодых людей сблизиться с конгрегацией Амиго, но самому ему так и не хватило мужества вступить в ее ряды и принять постриг²⁹.

Первая педагогическая корреляция между Патронатом и Конгрегацией заключается в целях, которые они перед собой ставят: нравственное воспитание молодежи. Все остальное – лишь средства для достижения этой цели. Пионеры конгрегации Амиго получают через своего основателя от иезуитов самый главный постулат: дух соревнования, основной педагогический принцип Ордена. Луис Амиго учит, что в этом заключается самый замечательный способ подвигнуть детей состязаться в добродетели, в учебе и в труде³⁰.

Другие сопутствующие факторы носят методологический характер и касаются тех видов деятельности, которым некоторые из членов научились, и которые опробовали вместе с иезуитами в Патронате. Используемая в Патронате методика может быть представлена четырьмя основными элементами³¹: интенсивное нравственное воспитание, школьное образование, здоровый досуг и обучение в ремесленной мастерской.

вал рабочие кружки в разных испанских городах (Манреса, Валенсия, Кастилья и на Балеарских островах). Был организатором и старейшиной Испанского Католического действия (*Azione Cattolica Spagnola*). Создал в г. Кастильон Сберегательные Ассоциации и Кассы. В 1898 г. разработал учреждение первой кафедры социологии, см. подробнее: *Diccionario histórico de la Compañía de Jesús. Biográfico-temático* / Ed. Ch. E. O'Neill e J. M.ª Domínguez. Roma; Madrid, 2001. Vol. IV. P 3937–3939.

²⁸ Речь идет о важной должности, так как согласно уставу Патроната, в его обязанности входило не только хранить и выдавать читателям книги, но и осуществлять подбор тех изданий, которые соответствовали формированию нравственных основ у воспитанников.

²⁹ *González A., Vives Aguilera J.A.* Op.cit. P. 56.

³⁰ *Ibid.* P. 49.

³¹ *Martínez Herrer C.* La pedagogía del padre Baste S.I. La congregación mariana del Patronato de la Juventud Obrera en el primer tercio del siglo XX. Tesis doctoral. Valencia, 2011. P. 510.

Чтобы претворить в жизнь эти четыре образовательных принципа, в Патронате проводились различные мероприятия и применялись определенные методики, многие из которых были перенесены первыми монахами в Санта Рита, но применялись особым образом. Среди них можно упомянуть: сократовский метод, учреждение академий, проведение литературных и музыкальных вечеров, конкурсов, фестивалей, симпозиумов, посвященных темам нравственности и морали, турниров и дебатов между отдельными группами, введение буквенной системы оценок, почетных списков, лауреатство (самая высокая награда), назначение на ответственные должности и/или посты, использование цветов, которыми отмечались те или иные успехи, школьные экскурсии, прогулки за городом, создание учебных огородов, устройство театра, занятия спортом, организация летних лагерей, оркестров и т.п.

Как это происходит в подобных случаях, капуцины-терциарии не ограничились воспроизведением собственных наработок. Основатель и первые его последователи смогли сделать нечто более важное: впитать в себя то, чему они научались, и придать этим навыкам тот особый отпечаток, который отличает собственная харизма.

Пер. с итал. Н.Г. Тереховой

В последние годы исследователи неоднократно обращались к истории высшей духовной школы начала XX в.¹ Однако внимание привлекали преимущественно общественно-политические и дисциплинарно-организационные проблемы – духовная школа начала XX в. ассоциируется, прежде всего, с нестроениями и беспорядками в студенческой среде, борьбой за автономию преподавательских корпораций². В свете этих тенденций рассматриваются и многочисленные обсуждения, дискуссии, соборы и комиссии этих лет. Действительно, эпоха была очень непростой для всей духовной школы и, в частности, для ее высшей ступени – академий. Однако, невзирая на все эти проблемы, даже стимулируемая ими, велась разработка новых моделей высшего богословского образования. Наиболее интересные из этих проектов представлены в данной статье, с выявлением их истоков и привязкой к реальным проблемам высшего духовного образования.

Источниками исследования служат проекты, составленные Советами духовных академий и конкретными профессорами, протоколы заседаний академических Советов, в которых составлялись эти проекты, отзывы епархиальных архиереев по проблемам высшей духовной школы, и материалы обще-академических форумов и комиссий, посвященных этим же проблемам.

К началу XX в. высшая духовная школа достигла состояния определенной зрелости, как в учебном, так и в научном отношении. Опыт, накопленный за столетие активной деятельности высшей духовной

¹ См.: *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа России в конце XIX — начале XX века. М., 2005; *Воробьев И.В.* Комиссия для выработки проекта нового устава духовных академий 1909 г. // Ярославский педагогический вестник. № 1/2 (38/39) и др.

² Под «автономией», за которую боролась часть преподавателей духовных академий в 1905 г., подразумевалась система положений: выборность ректоров и инспекторов; прямое подчинение академий Синоду, без посредства Учебного комитета; сведение власти епархиальных архиереев над академиями до уровня попечительного наблюдения; право академий не только на присуждение, но и на окончательное утверждение ученых степеней; расширение прав Советов академий и участие в них не только профессоров, а всех преподавателей. Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 796. Оп. 186 (отд. 1, ст. 2). Д. 486. Л. 1–1 об.

школы, положительный и отрицательный, требовал анализа и осмысления³. Что включал этот опыт?

Прежде всего, академии имели опыт деятельности при трех Уставах XIX в., каждый из которых, стремясь исправить недостатки, замеченные на предшествовавшем этапе, вводил какие-то новые идеи, составлявшие определенную модель высшей богословской школы.

Так, Устав, введенный в начале XIX в. (в 1808–1814 гг.)⁴, предложил модель богословско-гуманитарной высшей школы с приоритетом и смыслообразующим значением богословия; каждая гуманитарная наука, попадая в соприкосновение с богословием, должна была выявлять свою сакральную сущность. В этой модели сочетались четыре идеи, в совокупности толковавшие понятие «духовная академия»: академия наук духовных; университет, связанный с универсумом духовного знания; школа духовного воспитания юношества, «Церкви посвященного»; профессиональная подготовка к определенному – духовному – служению⁵.

В 1869 г. в результате новой реформы на российские духовные академии была перенесена модель европейского «университета исследования», хотя, конечно, и с некоторыми коррективами⁶. Ее характерными чертами была общая научная устремленность, неразрывная связь образования с исследованием, в которое должны были включаться учащие и учащиеся; определенные свободы в преподавании и обучении. На российских духовных академиях эти черты отразились введением многоуровневой специализации для студентов (на младших курсах – по отделениям, на выпускном – по еще более конкретным группам наук) и для преподавателей: каждый должен был стать специалистом в преподаваемой науке, с возложением соответствующих обязанностей (консультационных,

³ Высшая духовная школа была выделена в особую ступень, со своими специальными задачами, в результате реформы 1808–1814 гг.

⁴ См.: Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Первое собрание. СПб., 1830. Т. XXXII. № 25673. С. 910–954. Об этом более подробно см.: *Сухова Н.Ю.* Реформа духовной школы в России 1808–1814 гг. // *Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII — начале XIX в.* / Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2009. С. 210–226.

⁵ О реформе 1808–1814 г. и ее результатах более подробно см.: Там же. С. 210–226.

⁶ См.: Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗРИ. Второе собрание. СПб., 1873. Т. XLIV. Отд. 1. № 47154. С. 545–556.

экспертных, цензорских). Заметим, что и в основу специализации была положена идея, заимствованная у немецких университетов: экзегетическое богословие было оставлено общеобязательным, историческое, систематическое и практическое богословие определили соответствующие отделения. Вспомнив о четырех идеях «духовности», определявших модель академии первой половины XIX в., заметим, что первые две идеи – Академии наук духовных и университета – усилились, неразрывно соединившись; последние же две – духовного воспитания и профессиональной пастырской школы – ослабились⁷.

Последний Устав духовных академий XIX в., принятый в 1884 г. и действовавший еще в начале XX в.⁸, казалось бы, имел главной целью отказ от нововведений своего предшественника, отменив студенческую специализацию, настойчивое включение студентов в исследовательский процесс, ограничив и свободу преподавателей, подчинив их деятельность более строгому планированию и отчетности. Однако и в этой модели были самостоятельные идеи: акцент на церковном воспитании студентов, активное включение их в литургическую жизнь и подготовку к пастырскому служению, а также побуждение академических корпораций направить свои исследования на решение актуальных церковных проблем, реализуя тем самым свое главное предназначение – служение Церкви богословской наукой.

Кроме этих моделей, опробованных высшей духовной школой, следует иметь в виду еще один вариант высшего богословского образования, обсуждавшийся в России на протяжении XVIII и XIX в., но так и не реализованный: университетских богословских факультетов. Богословие всегда присутствовало в российских университетах в виде межфакультетской кафедры, обязательной для всех студентов православного исповедания⁹, с 1863 г. – еще и в виде специальных кафедр церковной истории и церковного права на историко-филологических и юридических факультетах соответ-

⁷ О реформе 1869 г. и ее результатах более подробно см.: *Сухова Н.Ю.* Духовная академия как «университет исследования» (реформа российских духовных академий 1869 г.: идеи и результаты) // *Религиозное образование в России и Европе в XIX веке* / Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2014. С. 46–63.

⁸ См.: Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты православных духовных академий // *ПСЗРИ. Третье собрание.* СПб., 1887. Т. IV. № 2160. С. 232–243.

⁹ См.: Высочайше утвержденный 26 июля 1835 г. Общий Устав Императорских российских университетов // Там же. Второе собрание. СПб., 1836. Т. X. Отд. I. № 8337. § 14. С. 843.

ственно¹⁰. Но, конечно, задачу полноценного развития научного богословия в университетских условиях эти три кафедры, рассеянные по разным факультетам, решать не могли.

Необходимо выделить основные проблемы высшего духовного образования, которые отмечались и осмыслялись к началу XX в. членами преподавательских корпораций. Именно на решение этих проблем были направлены предлагаемые модели высшего духовного образования.

Прежде всего, вставал вопрос о цели и задачах высшего духовного образования: к каким поприщам деятельности должны готовить академии своих выпускников, могут ли эти выпускники обеспечить все поприща, требующие высшего богословского знания, или нужны альтернативные богословские школы.

Не менее жестко стояли проблемы, связанные с *составом наук*, преподаваемых и научно разрабатываемых в духовных академиях: должны ли академии ограничиться своей приоритетной областью, уподобившись богословским факультетам, или разработка небогословских наук в богословском контексте также представляет их непосредственную задачу.

Проблемной была и структура самого *богословского образования*: состав базового образования, необходимого для *каждого* богослова, полезность *специализации*, принцип выделения ее направлений, соотношение лекционных, практических и самостоятельных занятий, научно-учебной и литургическо-духовной составляющих, подготовка студентов к решению реальных проблем церковной жизни.

Первым ключевым моментом для представления проектов стали 1905–1906 гг. Катализатором послужили экстремальная ситуация, сложившаяся к осени 1905 г. в академиях¹¹ и указание, данное Сино-

¹⁰ См.: Высочайше утвержденный 18 июня 1863 г. Общий Устав Императорских российских университетов // Там же. СПб., 1866. Т. XXXVIII. Отд. 1. № 39752. § 13, 15. С. 623; Высочайше утвержденный 23 августа 1884 г. Общий Устав Императорских российских университетов // Там же. Третье собрание. СПб., 1887. Т. IV. № 2404. § 55, 57. С. 464.

¹¹ Студенческие забастовки, не прекращавшиеся в российских духовных семинариях с начала 1905 г., осенью, после обнародования Высочайшего указа о даровании автономии университетам, охватили и академии. Студенты бойкотировали занятия, требуя автономии, участия в выработке нового академического Устава, отмены уплаты казенного содержания в академии выпускников, уходивших из духовного ведомства. Святейший Синод указом от 15 октября повелевал распустить студентов по домам и закрыть академии января будущего года, если занятия не начнутся к 1-му ноября. Указ не был приведен в ис-

дом академическим Советам: составить проекты нового устава¹². Главным пафосом всех представленных проектов было желание повысить статус научно-богословской задачи академий¹³. Поэтому большая часть из них брала за основу Устав 1869 г., то есть, концепцию «университета исследования» с ее богословской специализацией и ориентацией студентов – по крайней мере, старших курсов, – на научные занятия. Однако авторы старались не просто копировать, но творчески осмыслить ошибки этого Устава и его реализации, а также новые идеи последних десятилетий XIX в.

Научная задача для авторов всех проектов неразрывно связывалась с правильно построенной специализацией студентов, но с надежной общеобязательной базой, включающей все основные богословские науки. Но в развитии этой общей идеи было некоторое разнообразие. Так, например, Совет СПбДА предлагал богословско-философское, церковно-историческое и церковно-словесное отделения, связывая их с изучением христианства: 1) как идеи, логически развиваемой в систему; 2) как положительного факта, засвидетельствованного исторически; 3) как словесного творчества, зафиксированного в соответствующих памятниках¹⁴. Проект КазДА предлагал четыре направления специализации: церковно-историческую, церковно-практическую, философско-словесную и миссионерскую группы: первые две были унаследованы от Устава 1869 г. и имели традиционное обоснование (изучение Церкви как процесса проявления и развития и как жизни «здесь и сейчас»); в третью группу были собраны все небогословские

полнение, поскольку Высочайший манифест 17 октября изменил расстановку общественных сил. Параллельно студенческим волнениям развивалась борьба за автономию либеральной части духовно-академических профессоров. Несмотря на начальную жесткую позицию, ситуация вынудила Синод утвердить выдвинутые требования в виде Временных правил для духовных академий (РГИА. Ф. 802. Оп.10. 1905 г. Д. 84. О некоторых изменениях в действующем Уставе духовных академий).

¹² Указ Святейшего Синода от 30 ноября 1905 г. (см.: Труды Киевской духовной академии. 1906. № 7. С. 220–222).

¹³ См.: Свод проектов Устава Православной Духовной академии, составленный комиссиями профессоров Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской духовных академий. СПб., 1906 (далее: Свод проектов 1906 г.). § 166.

¹⁴ Это обоснование предлагалось в объяснительной записке к проекту Устава и было прокомментировано в заседаниях V отдела Предсоборного Присутствия одним из главных составителей проекта профессором И. Г. Троицким (см.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия: В 4 т. СПб., 1906–1907 (далее: Журналы Предсоборного Присутствия). Т. IV. С. 116.

предметы, составляющие философско-словесную опору богословия; четвертая отражала особое предназначение КазДА¹⁵.

Решающее значение для научной подготовки студентов, по мнению Советов академий, имела специализация на старших курсах. Наиболее разработан этот вопрос был в проекте СПбДА, в котором развивалась идея двухэтапной специализации: общеобязательные и отделенские науки, составляющие базу богословской специализации, должны быть пройдены на первых двух курсах, последние же два курса предлагалось посвятить изучению группы однородных наук, причем с принципиальным изменением формы занятий: спецкурсы, практические занятия, самостоятельная работа с источниками, составлением рефератов и докладов, проведение небольших самостоятельных исследований¹⁶.

Не менее интересен альтернативный проект, представленный также от СПбДА группой профессоров во главе с профессорами И.С. Пальмовым и Н.Н. Глубоковским. Авторы предлагали вовсе отказаться от понятия «специализация», неизбежно подразумевающей узость и оппозицию богословской полноте, а положить в основу проекта идею «сосредоточения» или «концентрации» ученого-богослова на конкретной научной теме:

1) богословское самоопределение путем избрания того или иного отделенского разряда на 1–2-м курсах;

2) «сосредоточение» на нескольких «сродных между собой» предметах с 3-го курса;

3) богословская специализация в кандидатской работе на 4-м курсе;

4) проверка научной готовности исследователя на магистерском экзамене;

¹⁵ См.: Свод проектов 1906 г. § 106.

¹⁶ Проект предлагал примерный состав групп специализации. Для богословско-философского отделения – четыре группы: экзегетического богословия, систематического богословия, практического богословия и философская группа. Для церковно-исторического отделения – две группы: история Вселенской Церкви (куда включены история Греко-Восточной Церкви по разделении и история Западных Церквей) и история Русской Церкви (с включением истории Славянских Церквей). Для словесного отделения – две группы: словесная и филологическая. Было продумано и то, что для проведения таких практических занятий потребуется большее число источников и исследований, – и при отделениях должны быть организованы специальные библиотеки, способные удовлетворить всех студентов (см.: Проект Устава православной духовной академии, составленный комиссией профессоров СПбДА, рассмотренный и измененный Советом академии и объяснительная записка к нему. СПб., 1907. Прил. С. 2–4).

- 5) ее реализация в магистерской диссертации;
- 6) свидетельство зрелости ученого в докторской¹⁷.

Значительно отличался от всех указанных проект МДА. Авторы – а в основу проекта были положены идеи профессора И.В. Попова – предлагали радикальное изменение системы высшего духовного образования. Главными принципами этого проекта были специализация, динамичность и гибкость образования, активное участие студента в собственной «образовательной траектории». Четкая структура из пяти главных наук в учебном плане 1-го курса (Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, догматическое богословие, древняя церковная история и история философии) давала студенту представление о научном богословии в целом, ориентировала в выборе специализации и не позволяла рассеяться. Еще три года должны быть посвящены специальному изучению одной из пяти групп предметов, четыре из которых определялись традиционно – Священное Писание, систематическое богословие, историческое богословие, практическое богословие, а пятая – философская – исходя из опыта российской духовной школы. Специализация подразумевала специальные курсы по главному – структурообразующему – групповому предмету с освоением специальных методов этой области богословия и примерами научных разработок конкретных вопросов. Остальную часть учебного плана студент мог формировать самостоятельно, выбрав еще пять предметов, вспомогательных к его научной работе или просто его интересующих. Акцент делался на практических занятиях под руководством профессора (причем в выборе семинара студенту предоставлялась свобода), проведении небольших исследований по выбранным вопросам, сдаче зачетов по специальным предметам, наконец, на написании итоговой научной работы. Авторы проекта предлагали, согласно западной системе, упразднение переводов с курса на курс (после обязательного 1-го курса). На студента возлагалась лишь обязанность пробыть в академии не менее четырех лет, сдавая ежегодно не менее четырех экзаменов и известное число письменных работ и зачетов. Таким образом, авторы этого проекта довели идеи Устава 1869 г. до радикального завершения, еще сильнее сузив специализацию и расширив свободу студентов в формировании своей образовательной траектории. По мнению Совета МДА эти идеи и были тем секретом германских теологических факультетов, которые позволяют им, несмотря на отсутствие широты в общеподготовительном образовании, готовить специалистов вы-

¹⁷ См.: Журналы Предсоборного Присутствия. Т. IV. С. 114, 147–148.

сокого уровня¹⁸. Но при обсуждении этого проекта на заседаниях Предсоборного Присутствия очень жестко было заявлено, что практическая задача – подготовка выпускника к деятельности в конкретной узкой области – не может быть положена в основу научного богословского образования, которое должна давать высшая духовная школа¹⁹.

В 1905–1906 гг. были высказаны и более радикальные предложения: вовсе отказаться от модели духовной академии как конфессиональной школы. Так, профессор богословия Киевского университета протоиерей Павел Светлов утверждал полную неспособность академий развивать богословскую науку и осуществлять полноценную подготовку научно-богословских кадров и настаивал на учреждении богословских факультетов при университетах²⁰. Идея богословских факультетов высказывалась и как альтернатива: профессор СПбДА Н.Н. Глубоковский предлагал развивать богословие в качестве полноценной университетской науки, на долю же духовных академий оставить апологетическую задачу²¹. Но, так как церковный Собор, в надежде на который составлялись и обсуждались проекты, не состоялся, эти проекты дополнили «банк идей» для будущего.

Еще более четко разнообразие мнений проявилось в 1909 г., при разработке нового Устава²²: друг другу были противопоставлены две

¹⁸ См.: Журналы Предсоборного Присутствия. Т. IV. С. 53–54. Главный идеолог проекта МДА профессор И.В. Попов незадолго до этого (в 1902/03 уч. г.) побывал на стажировке в Германии (РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 429. Л. 1–8). Обучение в Берлинском и Мюнхенском университетах произвело на него сильное впечатление, хотя он старался критически оценивать и российскую, и немецкую системы образования. См.: письмо И.В. Попова к епископу Арсению (Стадницкому): Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 400. Л. 3–14, а также письмо И.В. Попова С.И. Смирнову: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. 280. К. 18. Ед. хр. 23. Л. 11–16, 22–23 об.

¹⁹ См.: Журналы Предсоборного Присутствия. Т. IV. С. 53–54, 151–153 и др.

²⁰ См.: Там же. С. 53, 58–61.

²¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 2 ч. М., 2004. Ч. 2. С. 312–313.

²² В состав Комиссии входило пять архиереев: архиепископы Димитрий (Ковальницкий), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский) и Арсений (Стадницкий) и епископ Феофан (Быстров); протопресвитер Иоанн Янышев; профессора И.Г. Троицкий (СПбДА), А.И. Введенский (МДА), Д.И. Богдашевский (КДА; затем его заменил коллега по академии К.Д. Попов), И.С. Бердников (КазДА), М.А. Остроумов (Харьковский университет); член

концепции высшей духовной школы. Первая принадлежала архиепископам Антонию (Храповицкому) и Сергию (Страгородскому): они настаивали на приоритете пастырской задачи высшей духовной школы, неразрывно сопрягая ее с научно-богословской подготовкой и деятельностью. При этом они не соглашались ни с какими попытками построить научную специализацию: она в любом варианте искажает богословское видение, «возрождение богословских наук у нас возможно только на почве их соединения в едином цикле ...»²³. Все же небогословские науки авторы этого проекта предлагали вывести из состава высшей духовной школы, оставив лишь философию – для развития мышления, и русскую литературу – для изучения будущими пастырями своей паствы²⁴.

Оппоненты преосвященных Антония и Сергия противились такой однозначности: академии не должны превратиться в пастырские школы – для этого есть семинарии, а богословская наука вовсе не должна однозначно сопрягаться со священным служением²⁵. В качестве положительных моделей они предлагали слегка измененные проекты 1905 г.

Следует, однако, отметить два вопроса, по которым у всех участников дискуссий было единогласие: необходимость иерархии в изучаемых дисциплинах, причем с приоритетом дисциплин, изучающих основные источники богословия – Священное Писание и святоотеческие труды; и необходимость введения в академиях практических занятий с реальным изучением источников²⁶.

Синод, при окончательной редакции нового Устава²⁷, соединил оба варианта, пытаясь составить синтез, но получилась, скорее, эклектика: были потеряны идеи, определявшие специфику каждой концепции.

Государственного Совета В.К. Саблер и академик А.И. Соболевский. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 78. (отд. 1, ст. 2). Д. 49. Л. 40.

²³ См.: Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава духовных академий. СПб., 1909 (далее: Журналы Комиссии 1909 г.). С. 185.

²⁴ См.: Там же. С. 6–8.

²⁵ Мнения архиепископов Димитрия (Ковальницкого) и Арсения (Стадницкого): Там же. С. 8–9.

²⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 205. Л. 72 об.–76. См. также: Журналы Комиссии 1909 г. С. 129–137, 144–147; Объяснительная записка к проекту Устава православных духовных академий. СПб., 1909. С. 8–15.

²⁷ См.: Высочайше утвержденные 2 апреля 1910 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗРИ. Третье собрание. СПб., 1913. Т. XXX. Отд. 1. № 33274 (далее: Устав 1910 г.). С. 414–431.

Освобождения богословского образования от небогословских дисциплин, на котором настаивали авторы первого проекта, не произошло. Группы дисциплин, предлагавшиеся студентам для выбора, были незначительны – то есть, идея серьезной богословской специализации, принципиально важная для второго проекта, практически была сведена на нет²⁸. Поэтому этот Устав вызывал общее недовольство и критиковался с самого начала своего действия.

Третьим ключевым моментом начала XX в. стали 1917–1918 гг. Сразу же после февральской революции началась подготовка нового Устава духовных академий, проект которого обсуждался на Священном Соборе Русской Православной Церкви. Характерно название проектировавшегося Устава – «Нормальный», – то есть, синтез лучших идей, высказываемых ранее, с исправлением их искажений и всех накопившихся недостатков. Многозначительна была и фраза, задававшая камертон обсуждениям: академии должны служить Церкви, прежде всего, «разработкой и преподаванием богословской науки в связи с соприкосновенными отраслями знаний»²⁹.

Итоговый проект Нормального Устава предлагал устранить многопредметность традиционным уже способом – выделением наук общеобязательных, изучаемых всеми студентами, и формированием пяти специальных групп, с предоставлением выбора студенту (§ 120)³⁰. Общеобязательный (базовый) курс строился по определенным принципам, включая в качестве составляющих: 1) источники богословского ведения – Священное Писание Ветхого и Нового Завета и патрология; 2) богословское образование в тесном смысле слова – апологетика, догматическое, сравнительное, нравственное богословие, история Древней Церкви, история Русской Церкви, церковное право; 3) необходимые орудия богословских исследований – история философии, древние (еврейский, греческий и латинский) и новые языки; 4) педаго-

²⁸ Устав 1910 г. § 130, 131.

²⁹ Основные положения, выработанные Отделом о духовных академиях. П. 1: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 46. В Объяснительной записке к Нормальному Уставу указывалось, что именно выделением научной задачи академий, как основной, он должен оппонировать Уставу 1910 г., беда которого состояла в обострении «до крайности» «антагонизма научных и воспитательных задач академии» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 251–253). Ср.: «Устав, определяющий академию, как учено-учебное учреждение, решительно ставит на первое место *научные задачи* высшей богословской школы» (Там же. Д. 382. Л. 59–70).

³⁰ Там же. Л. 43 об.

гика, как наука, тесно связанная с психологией и необходимая для большинства студентов, которым предстоит педагогическая деятельность на учебном или пастырском поприще (§ 122)³¹. Обширность общеобязательного курса грозила прежней многопредметностью, но составители проекта планировали достигать облегчения согласованием самих курсов внутри и между собой.

Для специализации выделялось пять групп: 1) библейская; 2) богословско-философская; 3) церковно-историческая, с разделением на историю Древней Церкви и историю Русской Церкви; 4) церковно-словесная; 5) церковно-практическая (§ 123)³². Отличие от вариантов прежних лет состояло в том, что в группы включались и специальные курсы общеобязательных предметов, то есть, в виде общих курсов они изучались всеми студентами, а в виде специальных курсов с углубленным изложением конкретных разделов и вопросов – частью студентов. Это должно было дать возможность слушателям проследить научный метод работы профессора.

Таким образом, в проекте Нормального Устава впервые было проведено совмещение полноты фундаментального богословского образования и специального углубленного изучения основных богословских направлений, причем переход от первого ко второму должен был совершаться постепенно – идея «сосредоточения» не пропала. На младших курсах предполагалось формировать богословский кругозор и мышление, давать понятие о структуре научного богословия и достаточно широкие богословские знания, учить работать с основными источниками. Специальное, углубленное изучение основных и дополнительных предметов на старших курсах и самостоятельная работа под руководством преподавателя должны были готовить специалистов, владеющих методологией и орудиями богословского исследования, умеющих самостоятельно анализировать, обобщать и систематизировать результаты научно-богословского исследования, делать выводы, оценивать место и значение конкретного исследования в контексте современной богословской науки и вводить полученные результаты в этот контекст.

В объяснительной записке к проекту особо было отмечено то, что единство учебных планов сохранялось лишь в общих и существенных чертах, каждой же академии предоставлялось право его детальной до-

³¹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 282. Л. 75–77.

³² Там же. Д. 380. Л. 157–162.

работки, с приспособлением к местным условиям, с научной специализацией академий, с учетом их исторически сложившегося типа³³.

Следует отметить и то, что в процессе обсуждений 1917–1918 гг. трижды вставал вопрос об альтернативных типах высшей богословской школы. В заседаниях академической Комиссии 1917 г. вновь обсуждалась возможность учреждения богословских факультетов при российских университетах³⁴. Тем же летом в Комиссии по проблемам средней духовной школы был разработан проект богословских институтов – школ открытого типа, связанных с приходской жизнью³⁵. На третьей сессии Поместного Собора обсуждался проект Высшей церковно-богословской школы монашеского типа, с углубленным изучением святоотеческого наследия, особенно аскетики, агиографии и агиологии, а главное – с особой аскетической системой воспитания³⁶.

Наконец, нельзя не обратить внимания на несколько проектов, разработанных и отчасти осуществленных в экстремальные революционные годы после завершения Поместного Собора.

Прежде всего, было предпринято несколько попыток вновь обратиться к модели «университетского богословия». Осенью 1918 г., когда стало ясно, что духовные школы доживают свои последние дни, две из академий – Петроградская и Казанская – попробовали присоединиться в статусе богословских факультетов к местным университетам. Наиболее продуманным был петроградский вариант: в проекте, специально разработанном Н.Н. Глубоковским, предлагалось сохранить относительную самостоятельность этого факультета, совместную же жизнь, действия, взаимоотношения преподавательских и студенческих корпораций регулировать посредством специального органа – Сената, имеющего в составе представителей администрации университета и руководство богословского факультета. Относительная автономия позволила бы богословскому факультету, с одной стороны, использовать все плюсы научного универсума, с другой, – сохранять особенности богословского образования, подразумеваемые его спецификой, задачами, традицией, связью с церковной властью. Внутреннее

³³ Там же. Л. 163.

³⁴ Но летом 1917 г. уже не было уверенности в сохранении конфессиональной ориентации университетских богословских факультетов и их тесной связи с отечественной Церковью. Эту мысль подтвердили университетские профессора (мнение проф. И.М. Гревса). См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 91. Л. 78.

³⁵ О реформе духовно-учебных заведений. Пг., 1917. С. 29–47.

³⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 108–138. Проект был составлен епископом Феодором (Поздеевским) и архимандритом Гурием (Степановым) по поручению Всероссийского съезда ученого монашества (июль 1917 г.).

устройство факультета в проекте не было прописано, но можно понять, что академия пыталась сохранить, насколько это было возможным на тот момент, прежний порядок действий, но с некоторой «университетской» корректировкой системы научной аттестации, гибкостью учебных форм, желанными и ранее. Совет Петроградского университета дал согласие на осуществление этого проекта, но государственная власть не позволила этого сделать³⁷.

Другой вариант богословского факультета был разработан в том же 1918 г. Советом КДА, причем не для себя, а для вновь учреждаемых украинских университетов, по просьбе Министерства исповедания Украинской державы³⁸. Этот проект предполагал полноценное включение богословского – вернее, «теологического» – факультета в университетскую жизнь и подчинение единой администрации – другого не подразумевали сами новые университеты. Что же касается состава дисциплин, специализации и учебных форм, то проект богословского факультета был довольно близок к проекту Нормального Устава духовных академий, обсуждавшемуся на Поместном Соборе: структурированный и обоснованный общеобязательный курс, те же пять отделений специализации, спецкурсы, практические занятия³⁹. Но заметны и две особенности, обусловленные ситуацией: во-первых, введение «украинских» элементов (истории Украины, Украинской церкви, украинского языка и литературы, даже специальные славяно-украинские группы в церковно-историческом и богословско-словесном отделениях); во-вторых, включение «апологетики откровенной религии» в качестве особой дисциплины. Этот проект был реализован – правда, лишь в одном Каменец-Подольском университете, и богословский факультет действовал в течение трех лет (1918–1921).

В 1920-х годах в Петрограде были разработаны и реализованы проекты Богословского института (1920–1923), затем – Высших

³⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3906. Л. 131–139; Там же. Д. 3909. Л. 1–17. См. также: Сосуд избранный: История Российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства (1888–1932) / Сост. М. Склярова. СПб., 1994. С. 215–222; *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Н.Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 г. Петроградской духовной академии и Петроградского университета // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 7 (3663). С. 42–45.

³⁸ Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве. Ф. 711. Оп. 3. Д. 3998. Л. 4–6, 13.

³⁹ Там же. Л. 14–17 об.

богословских курсов (1925–1928)⁴⁰. Возглавлял оба учебных заведения протоиерей Николай Чуков – выпускник СПбДА (1895). Хотя оба учебных заведения имели в виду подготовку своих студентов к пастырскому служению, это не было единственной задачей – готовились кадры для просвещенного служения Церкви на всех поприщах, требующих богословских знаний в условиях гонений. Поэтому принимались лица с разным «стартовым» образовательным уровнем, способные слушать лекции по высшему богословию, в том числе, и женщины. Конечно, деятельность богословских школ при богоборческой власти не могла быть полноценной, тем не менее, они пытались заниматься и научными исследованиями. Так, Петроградский Богословский институт получил право присуждать кандидатские ученые степени и организовал при институте ученую богословскую коллегию, которая исполняла роль диссертационного совета⁴¹. Преемник Богословского института – петербургские Высшие богословские курсы – также получили право присуждать ученые степени, причем всех трех ступеней: кандидата, магистра и доктора богословия. Сохранились сведения о реальном присуждении за три года деятельности курсов четырех кандидатских и трех магистерских ученых степеней, а также рецензировании еще ряда диссертаций⁴². Решения Советов о присуждении ученых степеней представлялись на утверждение Святейшего Патриарха Тихона, потом его преемников⁴³. Хотя эти учебные заведения были открытыми, и все студенты либо служили в священном сане, либо как-то иначе участвовали в жизни своих приходов, литургическая жизнь самих богословских школ была очень активной. Отчасти эти учебные заведения реализовывали проект Богословского института 1917 г.

В 1926 г. преподаватель петербургских Высших богословских курсов – выпускник КазДА и бывший профессор КДА А.А. Дмит-

⁴⁰ См.: *Сорокин В., прот., Бовкало А.А., Галкин А.К.* Духовное образование в Русской Православной Церкви при Святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне (1917–1925) // *Вестник Ленинградской Духовной Академии.* 1990. № 2. С. 36–59; № 3. С. 41–63; *Христианское чтение.* 1992. № 7. С. 19–49; 1993. № 8. С. 7–27; *Шубина Е.И.* Петроградский Богословский институт // *Культурно-исторический альманах «Фонтанка».* СПб., 2007. № 1. С. 18–26; *Сорокин В., прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Изд-во Князь-Владимирского собора, 2005. С. 182–289, 345–381.

⁴¹ См.: *Сорокин В., прот.* Исповедник... С. 263, 281.

⁴² См.: Там же. С. 356, 501, 554, 624.

⁴³ См.: Там же. С. 356, 360, 362, 366.

риевский – посетил Киев, что привело к надежде членов бывшей корпорации КДА восстановить и в Киеве высшее богословское образование. Не рассчитывая на «такой яркий факел богословского просвещения», как в Петрограде, они были уверены, что и для Киева необходима «хоть копеечная свечечка богословской мысли»⁴⁴. И, хотя надежды на возобновление высшей богословской школы в Киеве в 1926 г. оказались тщетными, частная попытка Петрограда (Ленинграда) стала вполне определенной моделью, которая была готова к воспроизведению на базе остальных упраздненных духовных академий.

После 1928 г. никакое богословское образование в России не было возможным.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы.

1. В проектах начала XX в. выявляются три основных истока: 1) синтез опыта, накопленного высшей духовной школой за 110 лет, в частности, успехов и неудач предшествовавших реформ и Уставов; 2) обращение к нереализованным проектам и идеям, дополненным и скорректированным с учетом современных запросов и ситуации; 3) опыт европейских и российских университетов, не использованный или лишь отчасти использованный ранее, с которым к началу XX в. многие члены духовно-академических корпораций были знакомы на личном опыте.

2. Хотя в некоторых случаях синтез накопленного опыта подменялся механическим соединением высказанных ранее идей, без критической оценки, в большинстве случаев использование всех этих начал было критическим и творческим. Более того, в проектах присутствуют совершенно новые идеи, основанные на рефлексии личной студенческой и преподавательской практики представителей академических корпораций и направленные на уход от некоторых традиционных форм и подходов, не дававших удовлетворительных результатов.

3. Характерной чертой проектов начала XX в. является попытка решить актуальные проблемы, поставленные перед духовной школой определенной временной обстановкой (вопросы «настоящего дня»), исходя из многолетнего опыта духовной школы. При некоторой увлеченности настроениями времени, эти попытки все же свидетельствуют о жизнелюбии российской духовно-учебной традиции и представляют

⁴⁴ Письмо Алексея Глаголева к А.А. Дмитриевскому от 9/22 октября [1926 г.] // Мы знаем действительно знаменитого литургиста, нашего учителя А.А. Дмитриевского...» (Письма киевлян к А.А. Дмитриевскому) / Публ., вступ. ст. и примеч. Н.Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 1 (7). С. 266.

большой интерес как примеры приложения традиции к конкретным церковно-общественным условиям.

4. В дискуссиях по вопросам духовного образования были высказаны новые идеи, нацеленные на перспективу и требующие опытной проверки. Прежде всего, были спроектированы и отчасти реализованы высшие богословские школы четырех типов: 1) традиционные духовные (церковные) школы, но с большим разнообразием вариантов – как в смысле развиваемых специальных научных направлений, так и в смысле вариативности учебных планов; 2) богословские институты, характерными чертами которых являются открытость, подготовка кадров к разнообразным церковным служениям, требующим высших богословских знаний, непосредственная связь образования с реальной приходской жизнью и служением; 3) богословские факультеты при университетах – с разными вариантами подчинения общеуниверситетской и церковной власти; 4) богословско-гуманитарные учебные заведения, которые должны разрабатывать в научном и учебном отношении не только богословие, но и другие науки в связи с богословием (в перспективе этот вариант мог иметь логическое завершение в виде конфессионального университета со структурообразующей и определяющей ролью богословия).

В настоящее время все эти модели в той или иной степени реализуются, но с разной степенью продуманности и успешности, поэтому проекты и обсуждения начала XX в. вполне актуальны. Не менее актуальны учебно-методические идеи начала XX в.: от выделенных направлений специализации до конкретных учебных форм (спецкурсы, семинары, ориентированные на разные ступени образования, разнообразие письменных работ).

Таким образом, «банк идей», составленный в начале XX в., доселе не исчерпан, и так или иначе, непосредственно или конструктивно, может быть использован современной высшей богословской школой.

Одной из важных вех в развитии богословского образования в России во второй половине XIX в. стало преобразование духовных учебных заведений по новому уставу 1867 г. Данное событие имело большое значение в жизни российской семинарии того периода, в связи с чем хотелось бы рассмотреть реализацию этого проекта на примере Смоленской духовной семинарии, как типичного духовного учебного заведения тех лет.

Смоленской епархией в это время управлял епископ Иоанн (Соколов) (1866–1869) – известный богослов, исследователь канонического права, являвшийся ранее ректором Санкт-Петербургской духовной академии¹.

К учебному процессу в Смоленской духовной семинарии епископ Иоанн относился с большим вниманием. Это проявлялось во всех отношениях, в том числе и в контроле за успеваемостью учащихся, что видно из его распоряжений относительно составления разрядных списков семинаристов².

К началу 1867/1868 уч. г. Святейший Синод издал указ о новом уставе и штатах для духовных семинарий и училищ, утвержденных императором Александром II 14 мая 1867 г. При этом из государственного казначейства для духовных учебных заведений были выделены средства в размере 1,5 млн рублей. Епископ Иоанн сразу же постарался использовать новый устав применительно к текущим делам семинарии еще до его последующего полного введения³.

Так в августе 1867 г. епископу Иоанну были поданы на утверждение разрядные списки воспитанников среднего и низшего отделений

¹ *Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времени основания семинарии до ее преобразования по уставу 1867 года (1728-1868 г.). Смоленск, 1892. С. 430; Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского, сказанные смоленской пастве. Смоленск: типография губернского правления. 1871. С. I–V; *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. М., 2009. С. 566.

² *Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ ... С. 431; *Сперанский И.П.* Деятели Смоленского края на пользу Церкви, общественной благотворительности и народного образования // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1901. С. 501–509, 615–621.

³ Там же.

семинарии. Следуя вновь утвержденным штатам учащихся для Смоленской семинарии, владыка отнесся к этим спискам довольно строго. После их пересмотра с учетом указаний епископа Иоанна, правлению семинарии пришлось исключить 109 воспитанников низшего и среднего отделений⁴.

Вследствие строгого подхода число учащихся семинарии сократилось практически в два раза. Если ранее в Смоленской семинарии обучалось от 500 до 600 студентов, то с сентября 1867 г. в ней осталось только 260. При этом третье отделение словесности было закрыто как излишнее. В итоге количество учащихся семинарии оказалось меньшим положенного по штату⁵.

2 января 1868 г. был получен указ Святейшего Синода о полном преобразовании духовных учебных заведений Смоленской епархии с 1868/1869 уч. г. по новому уставу 1867 г.⁶ В рамках этого в феврале 1868 г. в Смоленской духовной семинарии состоялась проверка со стороны учебного комитета, в результате которой все было найдено в удовлетворительном состоянии⁷.

В соответствии с новым семинарским уставом, ликвидировались духовно-учебные округа, упразднялась административная власть академий по отношению к семинариям и семинарий по отношению к духовным училищам. Таким образом, отменялось подчинение Смоленской духовной семинарии и духовных училищ академическому управлению Санкт-Петербургского округа⁸. Теперь каждая епархия делилась на округа в соответствии с количеством училищ, действовавших на ее территории. Смоленская епархия была поделена на четыре училищных округа – Смоленский, Вяземский, Рославльский и Бельский⁹.

В мае 1867 г. император Александр II подписал «Положение об Учебном комитете при Святейшем Синоде», пришедшем на смену Ду-

⁴ *Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ ... С. 431–433; *Сперанский И.П.* Деятели Смоленского края ... С. 501–509, 615–621.

⁵ Материалы для истории духовно-учебных заведений Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. 1885. №1. С. 15–26.

⁶ *Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ ... С. 435.

⁷ *Шперк Ф.Ф.* Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии. Смоленск: Изд-во типографии П. Силина, 1899. С. 65.

⁸ Государственный архив Смоленской области (далее: ГАСО). Ф. 49. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

⁹ *Шперк Ф.Ф.* Указ. соч. С. 65.

ховно-учебному управлению. Данное нововведение значительно изменило структуру и спектр задач управления духовными школами. Учебный комитет при Святейшем Синоде учреждался для обсуждения вопросов, касающихся учебно-педагогической части, и наблюдения за состоянием духовных учебных заведений посредством ревизий. Деятельность Учебного комитета ограничивалась исключительно вопросами образования и воспитания – введением новых уставов, учебных программ, пособий, открытием школ для дочерей духовенства, созданием учебных библиотек, изданием учебной литературы. Инспекция, административная корреспонденция и финансирование переходили в ведение канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Наблюдение за деятельностью семинарии осуществлял епархиальный архиерей¹⁰.

Новый устав изменил и порядок назначения ректора семинарии. Теперь ректора назначал Синод из двух или трех кандидатов. Претендентов на эту должность выдвигало семинарское правление. В случае своего несогласия с правлением епархиальный архиерей выдвигал третью кандидатуру¹¹. «Ректор, – согласно новому уставу, – не должен занимать никакой другой должности, кроме ректорской, и отныне у него одна задача – следить за обучением и воспитанием... и ведением хозяйства»¹².

Инспектор семинарии, по новому уставу, являлся помощником ректора по воспитательной работе и должен был иметь степень доктора или магистра богословия.

Устав 1867 г. разделил собрания правления семинарии на педагогические и распорядительные. Педагогическое собрание, которым руководил ректор, созывалось для избрания кандидатов на должности ректора, инспектора, членов правления семинарии из числа преподавателей. В состав семинарского правления могли быть избраны только наставники, имевшие ученую степень духовных академий или окончившие курс высших светских учебных заведений. Педагогическое собрание также рассматривало: прием учащихся в семинарию, их перевод в следующий класс, оставление на второй год, ведомости об их

¹⁰ Смолч И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. В 2 ч. / Пер. с нем. М., 1996–1997. С. 455.

¹¹ Глубоковский Н.Н. По вопросам Духовной школы (средней и высшей) // Православный собеседник: издание Казанской духовной академии. 1907. № 10. С. 529.

¹² ГАСО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 13.

успеваемости и поведении, принятие учеников на казенное содержание, награждение лучших воспитанников, изменение программ и т.д.¹³

Распорядительное собрание созывалось для решения хозяйственных вопросов: заведование семинарским хозяйством и имуществом, наблюдение за своевременным поступлением и расходом сумм, хранение финансовых средств и отчетность по ним, выделение дополнительных вознаграждений преподавателям и т.д.¹⁴

Новым уставом отменялось прежнее деление семинарии на три двухгодичных класса, вместо чего было сформировано шесть классов с годичными курсами обучения. Учебные программы семинарского курса, ранее отличавшиеся многопредметностью, после принятия устава 1867 г. были значительно сокращены. Из учебных планов исключалось сельское хозяйство и медицина, но в то же время добавлялось преподавание педагогики, так как после окончания семинарии выпускники должны были два-три года работать учителями начальной школы. В целом за первые четыре года обучения семинаристы проходили гимназический курс с добавлением богословских дисциплин – догматического и нравственного богословий, Священного Писания, церковной истории и др. Последние два года посвящались изучению исключительно богословских наук. В основу общего образования было положено изучение классических языков и математики¹⁵.

В 1868 г. было введено избрание преподавателей общим собранием на основании трех пробных уроков, а с 1869 г. светские преподаватели семинарий стали считаться состоящими на гражданской службе¹⁶.

Как известно, в семинариях преимущественно обучались дети духовенства, но по уставу 1867 г. в семинарию принимались инословные, а также взрослые «*изрядно начитанные*» с опытом богослужебной практики и выпускники светских институтов. Разрешен был допуск в семинарию и тех, кто окончил духовное училище в воз-

¹³ ГАСО. Предисловие к описи фонда № 49; *Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ ... С. 436.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб. 1864. С. 74–75, 79–80.

¹⁶ *Леонтьева Т.М.* Развитие региональной системы образования Смоленской губернии XIX века: дисс... канд. пед. наук. Смоленск, 2002. С. 125.

расте не моложе 14 лет¹⁷. В этой связи следует отметить, что с 1868 г. последовала отмена сословной обособленности детей духовенства, их перевели в разряд потомственно-почетных и просто почетных граждан.

Говоря о преобразовании Смоленской духовной семинарии, нельзя сказать, что оно прошло вполне спокойно в среде профессорско-преподавательской корпорации. Немало несогласий и пререканий было вызвано между преподавателями при новом распределении учебных дисциплин, много неурядиц было при выборе членов в педагогическое собрание и при решении текущих дел. Наибольший раздор произошел по поводу избрания инспектора¹⁸.

Определенные затруднения встретило правление Смоленской семинарии в ходе открытия параллельных отделений, положенных по штату при первом и втором классах. Общее число учащихся семинарии, как уже отмечалось, на тот момент не соответствовало штатной норме. По штату в Смоленской семинарии должен был обучаться 281 воспитанник, однако в июне 1868 г. здесь было 238 учащихся. Ситуацию удалось изменить, когда с разрешения епископа Иоанна семинарскому правлению было дозволено допустить к приемному экзамену в семинарию воспитанников духовных училищ, не окончивших их полный курс, а также лиц с домашней подготовкой. Желающих поступить в семинарию набралось 26 человек, из них по результатам вступительного экзамена приняли 13¹⁹.

Таким образом, количество учащихся Смоленской духовной семинарии составило 251 человек, из них в I классе – в нормальном отделении 33, в параллельном отделении 33, во II классе – в нормальном отделении 27, в параллельном отделении 27, в III классе – 45, в IV классе – 32, в V классе – 30, в VI классе – 24²⁰.

После проведенных преобразований у выпускников Смоленской семинарии наметилось еще большее стремление продолжить свое образование в высших учебных заведениях. Часть из них шла в ду-

¹⁷ Собрание постановлений Святейшего Правительствующего Синода в разъяснение недоумений, возникавших в духовных семинариях и училищах, а равно и на съездах духовенства, при введении в действие новых духовно-училищных уставов // Смоленские епархиальные ведомости. 1871. № 17. С. 221.

¹⁸ *Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ ... С. 436–437; *Сперанский И.П.* Деятели Смоленского края ... С. 501–509, 615–621.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

ховные академии, поступить в которые теперь было легче, другие – в университеты и прочие высшие светские школы. Этот процесс стал общим для всех семинарий, однако, на Смоленскую епархию он повлиял весьма неблагоприятно. Дело в том, что ввиду проведенного в 1867 г. сокращения количества учеников семинарии и духовных училищ, первые пореформенные выпускные курсы Смоленской семинарии были довольно малочисленны – 20–25 человек. Поскольку из этого небольшого числа выпускников многие шли в высшие учебные заведения, а некоторые учащиеся покидали семинарию уже с IV курса, то на Смоленщине стал ощущаться сильный недостаток в достойных кандидатах на священство и преподавательские места в духовных училищах. Только с 1880-х годов, когда от воспитанников семинарий для поступления в высшие светские школы начали требовать аттестаты зрелости, а в духовных академиях (с 1884 г.) количество студентов было ограничено определенными штатами, численность как учащихся семинарии, так и оканчивающих ее полный курс увеличилась (35-40 человек)²¹.

Многие из выпускников Смоленской семинарии 1860-х годов продолжили свое дальнейшее обучение в Санкт-Петербургской, Киевской и Московской духовных академиях, Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургском строительном училище и Горыгорецком земледельческом институте²².

П.В. Цезаревский в своем труде «*Страничка из истории Смоленской духовной семинарии*» приводит список, состоящий из 311-ти выпускников Смоленской семинарии разных годов XIX века, которые пошли по инословной службе²³. Из них 74 человека стали чиновниками, причем в основном на территории Смоленской губернии, лишь около десяти из этого числа, вследствие служебного повышения, вышли за ее пределы. П. Цезаревский пишет о них так: «Это по преимуществу лица по разным причинам не окончившие полного семинарского курса, для которых жизненная карьера в низших церковных должностях представляла нечто значительно худшее, чем жизнь даже мелкого чиновника»²⁴. 65 человек выбрали медицинскую профессию – «эту традиционную дорогу для более беспокойного и в

²¹ Сперанский И. Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ ... С. 466–467.

²² Там же. С. 438–441.

²³ Цезаревский П.В. Страничка из истории Смоленской духовной семинарии. Смоленск: Изд. Смоленского губернского комитета, 1907. С. 14–44.

²⁴ Там же. С. 44–45.

общем отрицательного элемента к семинарской науке, выбиравшие однако именно медицинскую для себя дорогу, как бедняки, отчасти и по более скорому, а иногда и немедленному получению стипендий или казенного содержания на медицинских факультетах; дальнейший жизненный ход их в большинстве указывает, что семинария, несмотря на отрицательное отношение современников к ее прежним учебным программам, давала однако хорошую подготовку к изучению медицины и даже к профессуре в этой специальности»²⁵. 58 человек по окончании различных институтов, академий и университетов стали учителями средних учебных заведений. «Эта дорога, — отмечает П.В. Цезаревский, — так близка и так естественна для лиц и в средней школе подготовляемых к учительству, хотя бы и церковному, что нисколько не удивительно, если на ней большое число лиц выдвинулось в ранги руководителей средних учебных заведений иногда весьма заметных»²⁶. 56 человек — чиновники с высшим образованием и разного рода специалисты — лесничие, агрономы, технологи. П.В. Цезаревский замечает, что «именно из этой группы значительный процент вновь возвратился на церковную дорогу. Очевидно чиновничья служба не по сердцу пришлась многим, настроение которых, заложенное в духовной школе, не мирилось с чисто бюрократическим режимом чиновничества»²⁷. 20 человек стали учителями различных городских и сельских школ; 14 человек — профессорами высших светских учебных заведений; 11 человек избрали военную специальность; 9 человек занимались юриспруденцией (адвокаты, нотариусы и т. п.); 4 человека, имея определенные профессии, занимались параллельно изучением археологии и местной смоленской истории²⁸.

Среди наиболее известных выпускников Смоленской духовной семинарии второй половины XIX в. — выдающийся русский ученый-естествоиспытатель, основоположник российского почвоведения Василий Васильевич Докучаев²⁹; Петр Иванович Нечаев, член-ревизор Учебного комитета при Святейшем Синоде, автор знаменитого труда «Практическое руководство для воспитанников семинарии и для священнослужителей»³⁰; адмирал Зиновий Петрович Рождествен-

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 45–47.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ *Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подводных ей училищ ... С. 441–443.

ский, командовавший 2-й восточной эскадрой во время Русско-японской войны³¹ и многие другие.

Наряду с оптимизацией учебного процесса Смоленская духовная семинария совершенствовала также и свой быт, налаживая выгодные деловые контакты с горожанами. Среди архивных материалов имеется множество сведений о контактах с купцами и крестьянами относительно продовольственного и лечебного обеспечения³².

³¹ Цезаревский П.В. Указ. соч. С. 25, 33, 39, 40.

³² ГАСО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

Н.Г. Помяловский и его «Очерки бурсы»

В 1862–1863 гг. в двух известных петербургских журналах, правда принадлежавших к разным идейным направлениям¹, были последовательно опубликованы пять очерков Николая Герасимовича Помяловского (1835–1863), которые получили общее название «Очерки бурсы». Н.Г. Помяловский был сыном петербургского священника. Он учился в Петербургском Александро-Невском духовном училище в 1845–1851 гг. и в Петербургской духовной семинарии в 1851–1857/9 гг. Таким образом, его «Очерки» были написаны, что называется, по свежим следам. Это было, безусловно, его лучшее произведение. В нем он страстно и горячо критиковал, буквально обличал училищные порядки. Объектом обличения Н.Г. Помяловского, во-первых, был антисанитарный быт училищных общежитий, показывавший равнодушие начальства к детям-ученикам. В частности, он описывал отдельную спальню для страдающих анорексией, в которой матрасы не менялись, и в них заводились черви. Во-вторых, грубейшие нравы семинарской среды, с одной стороны насилие старших учеников над младшими, иногда довольно изощренное, с другой стороны – доноительство, поощряемое начальством. В-третьих, система преподавания, основанная на бессмысленной зубрежке – «долбне» и связанная с ней система наказаний, в том числе – «секуции», т.е. порка розгами². После «Очерков» Помяловского слово «бурса» среди образованного, демократически ориентированного общества стала именем нарицательным для обозначения устаревшей и жестокой системы духовного образования, особенно начального и среднего, семинарского уровня³.

¹ В журнале «Время», который издавался братьями Достоевскими в 1861–1863 гг. и принадлежал к «почвенному» направлению, и в журнале «Современник», издававшемся в это время Н.А. Некрасовым при участии М.Е. Салтыкова-Щедрина и принадлежавшем к «демократическому» направлению.

² Помяловский Н.Г. Очерки бурсы // Помяловский Н.Г. Избранное. М., 1980. С. 260–418.

³ В этом распространенном словоупотреблении была неточность. Изначально «бурса» – это общежитие училища и семинарии, но не само учебное заведение. Слово произошло от лат. *bursa* – ‘сумка’, которым в средневековой латыни называлась общая касса какого-либо общественного союза.

Правда, Помяловский был намерен продолжать свои очерки, причем – по собственному признанию – хотел показать изменения бурсацкой жизни, ее прогресс. Но ранняя смерть в 28 лет от алкоголизма не позволила ему это сделать. Поэтому «Очерки бурсы» так и остались обличением. Это было самое яркое и известное, хотя и не единственное, обличение семинарских порядков.

Источники и методы

Впрочем, помимо критических отзывов о духовной школе, принадлежавших как бывшим ее ученикам, так и сторонним наблюдателям, существует большой корпус воспоминаний о духовных училищах и семинариях⁴, которые ставят своей целью спокойно и более взвешенно осветить повседневную жизнь и систему преподавания в начальной и средней духовной школе. В настоящем нашем очерке мы будем опираться именно на *мемуары*; как мемуарное, личное свидетельство мы рассматриваем и произведение Н.Г. Помяловского. Одновременно мы будем обращаться и к официальным источникам, в частности, к отчетам ревизоров семинарий, которые в последние годы были опубликованы российскими учеными. Воспоминания о духовной школе с одной стороны отличаются личной интонацией, а с другой – дают обширные и неоценимые сведения о *повседневной жизни* семинарий и духовных училищ. А именно повседневная жизнь семинариста будет в фокусе нашего внимания. История повседневности позволяет взглянуть на исторические процессы, в том числе на историю образования, что называется, «снизу», глазами их рядового участника, в нашем случае – посмотреть на российскую духовную школу с точки зрения ученика и его родителей. Но одновременно история повседневности позволяет увидеть и ключевые проблемы всей системы духовного образования. Хронологические рамки нашего очерка охватывают период от эпохи великих реформ до революции 1917 г., с особым акцентом на последней четверти XIX и начале XX вв. При этом мы будем делать постоянные экскурсы и в 1840-е гг., чтобы проследить динамику развития семинарского быта.

День семинариста: Пробуждение и распорядок

Семинарские занятия во второй четверти XIX в. начинались в 8 часов утра, а в начале XX в. около 9 часов. В общежитии, т.е. соб-

⁴ Духовные училища – были начальной ступенью духовного образования, а семинарии – средней ступенью. Училища могли находиться в уездах, семинарии, как правило, – в губернских городах.

ственно в «бурсе», им предшествовали утренняя молитва и чай. Те же, кто жил на частных квартирах, должны были встать раньше и, как правило, пешком отправиться на занятия. В больших городах, например, в Москве зимой и в слякоть такая дорога занимала иногда около двух часов. Столько времени, например, уходило на дорогу в начале 1840-х гг. у семинариста Никиты Гилярова, который каждый день ходил от дома старшего брата у Новодевичьего монастыря в семинарию на Никольскую улицу. Соответственно, встать ему нужно было в 6-м часу утра. В сильные морозы такой путь грозил обморожением⁵, впрочем, в начале XX в. выручали конки (трамваи на конной тяге).

В общежитии поднимали в 7 утра, 7.30 следовали утренняя молитва и чай. С 9 утра до 2 часов дня шли уроки. В 2 часа был обед и затем свободное время до 6 часов вечера. Тогда ворота семинарии запирались, дежурный надзиратель проходил по комнатам и проводил поверку по списку. Чуть раньше, в 5 часов вечера был вечерний чай, который можно было не посещать. В 6 часов начиналась подготовка заданий, которая длилась до 9 вечера, когда следовал ужин, а после него вечерние молитвы. В 11 вечера наступал общий отбой, хотя можно было ложиться спать и раньше. Некоторые пользовались этой возможностью, поскольку поднимались в 5–6 часов утра, чтобы заниматься в тишине⁶.

На уроке

Дневной учебный цикл семинарии в середине XIX в. строился на основании трех уроков (или «классов», как говорили тогда).

«Учебные часы остались те же, что в училище: те же три двухчасовые класса в день, два перед обедом (от 8 до 12) и один (от 2 до 4) после обеда; те же часовые или около того отдыхи между классами. <...> Итак, в неделю приходилось учебных часов, говоря строго, всего пятнадцать с чем-нибудь, а на каждый день кругом менее трех. Семинаристы

⁵ *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания. Тт. 1–2. СПб., 2009. Т. 1. С. 255–258.

⁶ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского // Страницы истории России в летописи одного рода: (Автобиографические записки четырех поколений русских священников): 1814-1937 / сост., подгот. коммент. *Л. П. Соколовой-Ковальчук*. М., 2004. С. 469, 471–472.

не могли жаловаться на утомление или опасаться искривления стана и порчи глаз»⁷.

Позднее вечерние часы оставили для подготовки заданий, а утренние – для занятий в классах, т.е. для того, что мы сегодня называем уроками. Как было сказано выше, они шли с 9 утра до 2 часов дня⁸. Класс в современном понимании (группу совместно занимающихся учеников) именовали тогда «отделениями»; говорили: «1-е (2-е, 3-е) отделение такого-то класса». В отделениях семинарии было до 50 человек⁹, во всяком случае – не менее четырех десятков. Часовой урок строился по традиционной схеме: опрос и объяснение учителем новой темы. Задания были как устные, так и письменные. Наиболее распространенной формой письменных заданий были сочинения. В начале XX в. в год по разным предметам надо было написать 10 сочинений в младших классах и 6 сочинений в старших. В младших классах на написание одного сочинения давалось 10 дней, в старших – 2 недели¹⁰. Для подготовки заданий были выделены специальные часы (обычно после послеобеденного отдыха и иногда прогулки в семинарском саду или в городе), которые семинаристы, жившие в общежитиях, проводили в специально же выделенных «занятых комнатах»¹¹.

Вплоть до конца XIX в. учебники в духовных школах переписывались от руки. Покупались только самые необходимые, но и те – только с рук, подержанные. Переписка учебников и лекций для семинаристов была источником небольшого заработка; для некоторых она превращалась в своего рода устоявшийся бизнес¹². Только в 1910-е гг. ситуация существенно изменилась. Семинаристам стали выдавать комплект учебников – «целую гору книг» – на двух человек, за это каждый из них должен был заплатить 2 руб. в год. при стоимости покупки такого комплекта примерно в 30 руб.¹³.

⁷ *Гиларов-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 1. С. 236.

⁸ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 441.

⁹ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского // Страницы истории России в летописи одного рода: (Автобиографические записки четырех поколений русских священников): 1814-1937 / сост., подгот. коммент. *Л. П. Соколовой-Ковальчук*. М., 2004. С. 190–191.

¹⁰ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 439–440.

¹¹ Там же. С. 445.

¹² *Гиларов-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 1; Воспоминания Евгения Андреевича Елховского. С. 200.

¹³ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 433.

От «долбни», зубрежки передовые педагоги уходили еще во времена Помяловского. В 1910-е гг. речи об этом уже не шло. В семинариях встречались яркие преподаватели, выходявшие за пределы учебника и применявшие порой нетрадиционные для духовной школы методы преподавания, вводили, например, практические занятия по гомилетике (церковной проповеди), предлагали говорить проповеди экспромтом, как было во Владимирской семинарии на занятиях в у иером. Афанасия (Сахарова)¹⁴.

На квартире и в «бурсе»

Ученики делились на *своёкоштных*, т.е. живших на родительские деньги в съёмных квартирах, обычно группами по 5–7 человек, и на *казеннокоштных*, содержавшихся на епархиальные (церковные) средства, причем это содержание было либо полностью *казенным*, либо *полуказенным*. На полностью казенное содержание принимались в общежитие только ученики беднейших родителей или сироты. Кто именно должен был попасть на казенное содержание определяло правление семинарии, в котором участвовали и представители епархиального духовенства, т.е. фактически – представители родителей учеников, поскольку большую часть казеннокоштного содержания выделяли съезды епархиального духовенства.

При полуказенном содержании родители должны были внести часть платы за содержание своих детей. Как правило, такая плата вносилась частями. В 1880–1890-х гг. во Владимирской семинарии плата за питание составляла чуть более 40 руб. в год (это была невысокая плата), а «за койку» со всеми принадлежностями – 10 руб. в год¹⁵. Позднее, в 1910-е гг. духовенство Владимирской епархии платило 60 руб. в год за питание своих сыновей и еще 2 руб. «за койку», разница в цене «за койку» доплачивалась за счет средств епархиального свечного завода. Такое решение принял епархиальный съезд духовенства, в распоряжении которого находились средства свечного завода. Ученики, находящиеся на казенном и полуказенном содержании, должны были после выпуска из семинарии прослужить 2–3 года в школах духовного ведомства¹⁶.

Жизнь на квартире отличалась *большой самостоятельностью*. Фактически, дети или подростки на много месяцев отрывались от дома и должны были самостоятельно вместе со своими сверстниками обу-

¹⁴ Там же. С. 468, 529–530.

¹⁵ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского. С. 199.

¹⁶ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 443.

страивать свою жизнь во всех отношениях: и в плане быта и питания, и в плане подготовки домашних заданий. Так, в 12–15 лет (а иногда и раньше) мальчик оказывался ответственен за свою жизнь и за свою успеваемость, а значит и за свою будущую судьбу (поскольку от успеваемости зависела его карьера, сможет ли он стать священником, или только псаломщиком). Н.П. Гиляров-Платонов так писал об этом:

«Воля и характер в мальчике-левите <...> воспитывались общежитиями. Говорю не о бурсе, а об общежитиях по вольным квартирам. <...> В общежитиях училищных, где «старший» есть сам мальчуган, отстоящий только двумя, тремя годами от подвластных, где он сверстник в играх и права наказаний не имеет, начало самопомощи выступало чище и развитие самостоятельности должно совершаться успешнее»¹⁷.

Режим выхода из собственно общежития, «бурсы» наоборот был ограничен, на это вплоть до 1905 г. нужно было просить разрешения у начальства, что естественно тяготило семинаристов. Позднее, в 1910-е гг. ограничения ослабли, но в 6 часов вечера ворота все равно запирались. Это и само сознание того, что ты – «на запоре», тяготило семинаристов, вызывало ропот и в периоды «бунтов» – требования «изменения режима»¹⁸.

В семинарских общежитиях существовали три типа помещений. 1) Собственно классные комнаты, где шли занятия с учителем. 2) «Занятные» комнаты, где ученики готовили данные учителем задания, они обычно закреплялись за одним или двумя отделениями, здесь учащиеся могли хранить свои книги. 3) Спальни – «дортюары», вмещавшие несколько десятков человек. В том же здании часто находились квартиры учителей и инспекторов семинарии. Все эти помещения могли размещаться в одном корпусе, иногда – в двух–трех соседних корпусах. Например, одна из крупнейших в России Владимирская семинария (в ней одновременно обучалось 800 учащихся) занимала три корпуса. Один был выделен под общежитие казеннокоштных семинаристов, другой – для тех, кто жил на полуказенном содержании, и классы.

Существовали и семинарские церкви, посещение которых было обязательно. Они стояли во дворе или были пристроены к зданиям.

¹⁷ Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Т. 1. С. 227.

¹⁸ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 469, 485, 490.

Иногда семинарская церковь не вмещала всех семинаристов (так было во Владимире), тогда часть учащихся прикрепляли к соседней приходской церкви или к церкви архиерейского дома или монастыря. У некоторых семинарий были свои сады, где можно было гулять. Правда, семинаристы предпочитали гулять в городе.

Санитарные условия жизни в семинариях изменялись медленно. Н.П. Гиляров-Платонов, говоря о грязи бурсацкой жизни 1840-х гг., писал, что в чистоте «не ощущали потребности ни подчиненные, ни начальство». О том же, как мы помним, писал и Помяловский, говоря о 1850-х гг. Важным новшеством было устройство ватерклозетов, которые появлялись в некоторых семинариях во второй половине – последней четверти XIX в.¹⁹ Однако неудобства в провинциальных семинариях существовали и в 1900-х гг. В Саратове в 1902 г. епархиальный съезд духовенства принял специальное постановление об изготовлении табуреток, на которые семинаристы могли бы класть свою одежду, ложась спать. До этого они клали ее под подушки, на подоконники, на пол. Там же в 1904 г. не существовало раздевалки – «шинельной», и верхнюю одежду воспитанники несли в спальни. Спальни убирались плохо. В 1904 г. ревизор обнаружил в спальнях этой семинарии слой пыли и окурки; некоторые бурсаки курили прямо в постелях. Проветривались помещения плохо: в окнах не было форточек, по коридорам распространялся запах из туалетов. Постельное белье выдавалось воспитанникам один раз в начале учения и к его концу приходило в негодность. Освещались «занятные» и спальни керосиновыми лампами, очень слабыми. Электричество появилось в Саратовской семинарии только в 1912 г.²⁰ При всем этом медицинское обслуживание учащихся, как правило, было минимальным. В семинарии служил один врач, он же чаще всего преподавал медицину и гигиену. Не удивительно, что среди семинаристов были случаи смерти, удивительно, что мы не встречаем сообщений о массовых заболеваниях²¹.

Впрочем, интересно, что то, что отмечалось в отчетах о ревизиях, ускользало от внимания большинства мемуаристов. Это могло быть потому, что санитарные условия не везде были столь печальны, или же потому, что большинство учеников не замечали этих изъянов, ведь условия деревенской жизни, где они выросли, были еще грубее. Или

¹⁹ *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 1. С. 241.

²⁰ *Мраморнов А.И.* Духовная семинария России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах). Саратов, 2007. С. 92–94.

²¹ Там же. С. 90.

же здесь имела место особенность человеческой памяти, когда с годами воспоминания о темных сторонах семинарского быта теряли свою остроту²².

Завтрак – обед – ужин

Своекоштные готовили себе самостоятельно; часто им готовили квартирные хозяева, которые порой не прочь были поэкономить на бесправных детях. Спасала здесь взаимопомощь – складчина (вспомним средневековое значение слова «бурса»). Накануне Первой мировой войны траты своекоштных были очень скромные: один мальчик, живший на квартире, тратил на питание около 2,5 руб. в месяц, чуть более 20 руб. в учебный год, а если он регулярно покупал белый хлеб, который считался лакомством, то – около 5 руб. в месяц и 45 руб. в учебный год²³. Но, помимо питания, были и другие траты: одежда, белье, постель, плата за квартиру... В результате жизнь своекоштного семинариста оказывалась более дорогой, чем жившего в общежитии.

Казеннокоштные питались в общежитиях. Во Владимирской семинарии в 1880-е гг. они получали: суп – щи или вермишель с мясом, в постные дни – рыбу, гречневую кашу с маслом, также «почти каждый день» давалась «булка полуфунтовая» (белая) как лакомство. Для детей из бедных приходов это казалось блаженством²⁴. Спустя 30 лет, в 1910-е гг. в той же Владимирской семинарии утром к чаю давали булку белого хлеба весом около 300 гр. Это считалось лакомством, причем не дешевым. Часто хлеб пекся здесь же, в семинарии накануне ночью, т.е. был абсолютно свежим. Обед состоял из двух блюд: на первое – суп или щи с мясом, можно было просить добавки, на второе – обычно гречневая каша с топленым (т.е. сливочным) маслом. Черный хлеб давался без счета, его даже выносили своекоштным ученикам. В воскресные дни и по праздникам после Литургии подавали пирог с мясом, рыбой, вязигой (хорда осетровых рыб), икрой. На второе подавали котлеты или (постами) жареную рыбу²⁵. Но, конечно, эту, почти благодатную картину нельзя распространять на все семинарии. Порой учащиеся оказывались на полуголодном пайке, особенно это касалось окраинных епархий²⁶.

²² Ср.: *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 73.

²³ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского.

²⁴ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского. С. 200–201.

²⁵ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 470–471.

²⁶ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 75.

Все поколения мемуаристов отмечали, что в «бурсе» кормили лучше, чем на квартирах. Стол был сытный, хотя несколько однообразный. Любые отклонения вызывали возмущения среди «избалованных недорослей». Например, малейший запах в масле фактически приводил к бунтам или голодным забастовкам²⁷. Впрочем, вспыхивало недовольство и из-за однообразия семинарского стола. В 1910-х гг. в Тверской семинарии вспыхнул бунт из-за киселя, надоевшего во время поста²⁸. В конце XIX в. в некоторых семинариях было введено дежурство семинаристов на кухне, чтобы предотвратить кражу продуктов служащими и снять нарекания на качество пищи, хотя и после этого возникали неудовольствия²⁹.

Старшие и младшие, лидеры и ведомые

Отличительной чертой отношений внутри семинарии был их *коллективизм*. Формы, в которых он обнаруживал себя, практически не менялись в течение 60 лет. Наиболее ярко коллективизм проявлялся в *бойкоте* товарищей, только заподозренных в каких-то проступках «против товарищества», прежде всего, в доносительстве. С такими не говорили ни слова под страхом такого же бойкота, но кроме того, эти ученики оказывались «вне покровительства всяких законов». Помяловский описывает жестокие расправы с такими, в том числе – физические³⁰. В 1910-е гг. к избиениям, судя по всему, уже не прибегали, но бойкот по-прежнему существовал, как продолжали существовать и доносы. Иногда он приобретал изощренные формы, например, отверженному ночью могли налить щи в ботинки. Новой чертой было то, что от бойкота можно было откупиться деньгами, хотя и не всегда³¹.

Порой объектом бойкота оказывались и преподаватели, чем-то не угодившие ученикам. В таком случае незадачливого педагога встречало гробовое молчание класса в ответ на любой его вопрос. Надо сказать, что преподаватели могли оказаться буквально в заложниках у учеников, особенно при своенравном архиерее, который был

²⁷ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского. С. 201; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни / Воспоминания, изложенные Т. И. Манухиной. М., 1994. С. 78–79.

²⁸ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 75.

²⁹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 78–79.

³⁰ *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы. С. 270–271, 274, 280–281, 286, 293–294, 296–298.

³¹ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского; *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 68–69.

готов обрушить свой гнев за неудачные ответы на экзамене именно на учителя³².

Коллективизм делал семинарские «бунты» (далеко не всегда носившие политический характер) массовым явлением. От участия в них нельзя было уклониться, хотя число зачинщиков могло быть ничтожным по сравнению с общим числом учеников. Ведомые предпочитали следовать за лидерами под страхом «отлучения от товарищества», несмотря на опасность жестоких кар со стороны администрации – вплоть до исключения. Один из семинаристов конца XIX в. вспоминал:

«Как стыдно вспоминать это невежество и грубость тогдашнего семинариста! Конечно, немного было способных на такое постыдное поведение и на всякие беспорядки в семинариях, но ведь это же все тогда прикрывалось всеми, и тех бесчинников выдавать было нельзя! Следовательно, пятно ложилось на всех!»³³.

Чем объяснялся такой коллективизм и его устойчивость? Сословной солидарностью? Особенности закрытого мужского учебного заведения? Затруднимся ответить на этот вопрос.

Внешний вид и одежда

В середине XIX в. и в третьей его четверти единой формы одежды у семинаристов еще не было. Все обшивали своих детей самостоятельно. Н.П. Гиляров-Платонов вспоминал об этом:

«Итак, меня надобно было обшить. В чулане хранились от семинарских времен брата Александра его сюртуки и фраки, все однообразно синего сукна; из этого материала мне состроили сюртук. Порыжевшую от времени казинетовую рясу отца, темно-зеленого цвета, перекрасили в черный цвет и сшили мне ватную чуйку с плюсовым воротником. А чтоб еще более предохранить меня от стужи, купили серой нанки, так называемого «мухояру», и изготовили ватный сюртук немного выше колен. Затем белье и еще необходимая вещь – войлок аршинной ширины или немногим более, обшитый тиком, и при нем подушка с ситцевою вечною наволокой: иначе, на чем же мне спать?

³² Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 529–531.

³³ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского. С. 202.

Снарядили меня, благословили, отправили, и отселе я в Москве. Забудь меня, родина!»³⁴.

При этом если в Москву будущий семинарист ехал в чуйке (верхней мужской одежде в виде длинного суконного кафтана), то в родной Коломне в духовном училище он ходил еще в тулупе. Столичная мода отличалась от провинциальной:

«Развязные, по-своему важно державшие себя ребята. Все смотрели «большими»; да и действительно больших, с бритыми бородами, было довольно, а некоторые были и при бакенбардах. На многих были цилиндры, у некоторых трости в руках. Личных сапогов уже нет, все в брюках и жилетах; тулупов ни на ком, даже чуйки виднелись разве только на пятке или десятке; прочие ходили в шинелях и даже с меховым воротником некоторые (пальто еще не были изобретены тогда); мальчишеских игор вроде кулачных боев или вообще возни следа не было. И всё незнакомые лица! А между собою многие и знакомы, и друзья, перекидываются разговорами; толкуются на крыльце, шмыгают по лестнице. Не то ходят по коридору, а больше по аудитории, обнявшись, положив один другому руку на шею. Этого у нас в училище не водилось, как не знали мы вежливого обращения на «вы»; с «вы» обращались только к учителям. А здесь вперемежку слышишь между даже сверстниками и «ты», и «вы», второе даже по преимуществу»³⁵.

Отметим, что помимо обращения на «Вы» между учащимися особенно поразил юного семинариста «невиданный обычай» пожимания рук при встрече³⁶.

Позднее, на рубеже веков одежду казеннокоштным шили единообразную и выдавали им централизованно форму темного цвета: тужурку (короткое полупальто), брюки, фуражку с гербом или лавровым знаком и сапоги. Своекоштные одевались разнообразно: носили светло-серые тужурки в подражание студентам университетов, цветные рубашки. С 1904–1905 гг. начала постепенно вводиться единая форма для всех семинаристов³⁷, но и тогда сохранялась возможность для прояв-

³⁴ *Гильяров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 1. С. 231.

³⁵ Там же. С. 232.

³⁶ Там же. С. 232, 241.

³⁷ *Мраморнов А.И.* Духовная семинария России начала XX века. С. 94.

ления индивидуальности. Одни демонстративно пренебрегали требованиями аккуратности, желая, очевидно, эпатировать «буржуазную» среду. В начале 1900-х гг. ревизоры отмечали, что «к внешней опрятности ученики вообще не приучены»: семинаристы ходили нечесанные, небритые, не соблюдали правил вежливости (в городе не кланялись преподавателям)³⁸. Впрочем, это одна сторона медали, были среди семинаристов и модники и франты (хотя чаще упоминается о них уже в 1910-е гг.):

«Н.А. Цветков был модник, чистяк, любил поухаживать за барышнями, всегда ходил с белым гуттаперчевым воротничком и в хороших перчатках, денег не сорил, но и особенно не стеснялся. <...> Он <другой семинарист> всегда чисто одет, брюки проглажены, на тужурке ни соринки. Тужурка сшита в талию у самого модного и дорогого портного. Ногти на пальцах начищены, прическа «ершиком», говорит с большим акцентом на «а», голос томный, как у избалованной женщины»³⁹.

Правда, это были городские жители. Большинство же семинаристов было детьми сельского духовенства, они были проще, но и среди них типы нечесаных и грязных бурсаков уходили в прошлое. Семинарист 1910-х гг. сильно отличался от семинариста 1870–1890-х гг. и тем более от бурсака середины XIX в. Он все более был «светским» человеком в плане своих манер, хотя это не поощрялось семинарским начальством⁴⁰.

Обратим внимание, одежда семинаристов не имела ничего общего с одеждой священнослужителей – подрясником, в котором ходили, например, послушники в монастырях. Одежда была скорее светской, ориентированной на форменные одежды студентов светских учебных заведений; семинария воспринималась как бесплатное среднее образование для детей духовенства, но не как школа для будущих священников. Более того, когда в 1840-х гг. митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров) предложил ввести обязательное ношение подрясника в семинариях, это вызвало всеобщее возмущение семинаристов и всего «духовно-учебного мира»:

³⁸ Там же.

³⁹ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 444, 463.

⁴⁰ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 69.

«Школа, хотя и именуемая духовно-учебной, не умела возвысить в понятиях воспитанников священнослужительское звание до идеала; идеалы, если успевали вырастать в душе, то другие. Оттого и напоминание воспитаннику о священнослужительстве, как неизбежном для него, кажется ему стеснительным, и мундир в виде подрясника – неприятным»⁴¹.

Богослужение и молитва

Семинарский устав 1884 г. декларировал ряд четких, формальных требований относительно религиозных практик семинаристов. Для них были обязательны утренние и вечерние молитвы (§ 141), хотя своекоштные не участвовали в них⁴², и нигде на квартирах они не читались⁴³. Обязательным также было посещение богослужения: всенощной или утрени и литургии в воскресные и праздничные дни (§ 142). Это требование соблюдалось достаточно строго. Иногда администрация предписывала семинаристам по очереди посещать ранние литургии и за уклонение от такого «дежурства» снижала балл за поведение⁴⁴. Обязательное говение (этим словом в русской церковной традиции обозначался комплекс практик: подготовка к причащению, исповедь и причащение) предписывалось дважды в течение Великого поста – на первой и страстной седмицах (§ 144). Можно было исповедоваться и причащаться в семинарии (так делали обычно казеннокоштные студенты), а можно было – на приходе, обычно – в домашнем приходе (куда учащихся отпускали на масленицу и первую неделю поста), но тогда нужно было представить свидетельство об исповеди от приходского священника семинарскому начальству⁴⁵. При этом устав 1884 г. и не пытался провозгласить «осознанность соблюдения церковных таинств и обрядов»⁴⁶. Более того, даже объяснительная записка к уставу признавала распространенность формального подхода к религиозной жизни учащихся. В ней описывались случаи, когда приглашенные исповедовать семинаристов священники,

⁴¹ *Гильров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 1. С. 214.

⁴² Воспоминания Евгения Андреевича Елховского.

⁴³ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 441.

⁴⁴ Там же. С. 448, 455.

⁴⁵ Там же. С. 453.

⁴⁶ *Красин П.М.* Воспитание в духовной семинарии. Киев, 1906. С. 16; *Мраморнов А.И.* Духовная семинария России начала XX века. С. 109

«исповедовали учеников даже одновременно целыми группами, вследствие чего исповедь обращалась в исполнение одной лишь формальности»⁴⁷.

Формальность требований устава порождала формальное же отношение к исполнению «религиозного долга» и со стороны учащихся, и со стороны преподавателей, и со стороны администрации. На жаргоне преподавателей молитва именовалась «упражнением»; ею наказывали нерадивого ученика, предписывая делать то или иное количество земных поклонов (которые являются физическим проявлением покаянной молитвы) за определенный проступок⁴⁸. Как отмечает исследовательница Т.Г. Леонтьева, молитва превращалась в инструмент принуждения. Об этом писали и современники:

«Была коренная фальшь в участи моих воспитанников. Молодежь в большинстве своем стремившаяся на простор светской школы, втискивалась в учебное заведение, весь строй которого был церковный. Придешь, бывало, на молитву – в огромном зале стоят человек триста – четыреста, и знаешь, что 1/2 или 1/3 ничего общего с семинарией не имеют: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию. Поют хором молитвы, а мне слышится, что поют не с религиозным настроением, а со злым чувством; если бы могли, разнесли бы всю семинарию...»⁴⁹.

Не даром в периоды семинарских «бунтов» одним из самых пространственных требований, наряду с требованием «изменения режима», было требование отмены обязательного посещения церкви⁵⁰.

Досуг

Как мы видели, время между 2-мя и 6-ю часами вечера было отведено для досуга семинаристов. Занятия их в эти часы четко можно разделить на нейтральные, разрешенные начальством и запретные. Впрочем, граница между теми и другими за рассматриваемые десятилетия менялась.

⁴⁷ Цит. по: *Мраморнов А.И.* Духовная семинария России начала XX века. С. 109.

⁴⁸ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 67–68.

⁴⁹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 81.

⁵⁰ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 469, 485, 490.

К безусловно табуированным формам досуга относились употребление спиртных напитков, водки и карточные игры, прежде всего – азартные игры на деньги⁵¹. Несколько ранее, в середине века к ним относился и кулачный бой стенка на стенку с горожанами и деревенскими⁵². Один из мемуаристов писал о 1890-х гг., что табак семинаристы курили открыто, пили пиво, водку, хотя и оговаривался, что «последнего сорта людей я, впрочем, сам лично не видел»⁵³. Но такие люди, безусловно, существовали и в 1880-х, и в 1890-х, и в 1910-х гг. Просто они лучше прятались, т.к. винопитие каралось очень жестко. И если табакокурение и даже карточные игры начальство не прочь было «покрыть», то тех, кто был замечен в нетрезвости в стенах семинарии, ждало очень суровое наказание⁵⁴. Своекштным студентам, впрочем, было проще укрыться от наблюдения у себя на квартирах⁵⁵.

К нейтральным занятиям относились прогулки, чтение (о чем мы скажем ниже), музицирование и пение. И вот к этим-то формам досуга отношение семинарского начальства заметно менялось на протяжении рассматриваемых десятилетий. В 1870-х гг. были запрещены вокально-музыкальные вечера, которые существовали в семинариях в предшествующее десятилетие. Выход в город в этот период был ограничен, посещение выставок не поощрялось; паломничества и другие поездки стали организовываться только после 1905 гг., а более широкое распространение получили уже в 1910-е гг.⁵⁶. В 1890-е гг. впервые за 20 лет стало разрешаться устройство концертов. Они проходили в семинариях два раза в год: перед Рождеством и перед масленицей. Соответственно возвращалась в обиход духовных учебных заведений игра на музыкальных инструментах. Негласно устраивались танцы «без барышень» – семинаристы учились танцевать друг с другом. Многие из них участвовали в церковном пении по церквям – бесплатно или за плату⁵⁷. Хотя в некоторых семинариях занятия музыкой были только терпимым, не поощряемым занятием и в 1900-е гг., а внутрисеминар-

⁵¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 81; Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 472.

⁵² *Гильяров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 1.

⁵³ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского. С. 191.

⁵⁴ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 81 (о 1880-х гг.); Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 472 (о 1910-х гг.).

⁵⁵ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 73–74.

⁵⁶ *Мраморнов А.И.* Духовная семинария России начала XX века. С. 108–109; *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 70.

⁵⁷ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского. С. 206–207.

ские газеты и журналы прямо запрещались⁵⁸. Во Владимирской семинарии в конце 1880-х – начале 1890-х гг. стали позволять – каждый раз с разрешения начальства – выход в театры и на концерты. А в Саратовской семинарии выход в город ограничивался и в 1900-е гг. Учеников выпускали за ворота группами в сопровождении членов инспекции, что вызывало естественный протест. Правда, в других местах таких строгостей уже не встречалось, а после 1905 г. ограничения ослабли и в Саратове⁵⁹.

При этом выход в город был важной составляющей самовоспитания семинариста. Вчерашние деревенские в своем большинстве мальчишки жаждали посмотреть на людей, впитать атмосферу большого города⁶⁰. Нельзя сказать, что знакомство с новой средой было бесконфликтным. Сторонние наблюдатели отмечали светскую «неотесанность» семинаристов, особенно казеннокоштных. С другой стороны сами учащиеся духовных школ порой вели себя вызывающе, особенно по отношению к ученикам других учебных заведений. Нужно иметь в виду, что семинаристы заметно отличались по возрасту от учащихся светских учебных заведений, гимназий и реальных училищ: туда поступали в 10–11, а оканчивали с полным средним образованием в 17–18 лет. Семинаристы же в этот период только в 16 лет приходили в семинарию и оканчивали ее в 22–23 года, преодолев планку совершеннолетия (21 год)⁶¹. Понятно, что на гимназистов семинаристы смотрели свысока.

В 1910-е гг. многое изменилось: появилось кино, в театры семинаристы ходили уже регулярно, хотя и не часто⁶². Устраивались вечера с выступлениями воспитанников. Средства на них собирали сами семинаристы вскладчину. Во время вечеров выступал хор учеников, потом была неофициальная часть с танцами: приглашали учениц епархиальных женских училищ и гимназисток, работали 1–2 буфета. На вечерах присутствовали сотни учащихся, так что их приходилось разделять: отдельные вечера устраивали для младших классов (1–3 классы) и для более старших (4–6 классы). В некоторых семинариях работали круж-

⁵⁸ Мраморнов А.И. Духовная семинария России начала XX века. С. 111

⁵⁹ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского. С. 209; Мраморнов А.И. Духовная семинария России начала XX века. С. 122.

⁶⁰ Воспоминания Евгения Андреевича Елховского.

⁶¹ А.И. Мраморнов предполагает, что синодальная система «подгоняла» возраст окончания семинарии к возрасту, «который не был бы уж совсем неприличным для рукоположения». – Мраморнов А.И. Духовная семинария России начала XX века. С. 107.

⁶² Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 444–445.

ки духовой и струнной музыки, и отношение администрации к ним было уже благожелательным⁶³. Изоляция семинаристов от внешнего мира слабела.

Встречались и экзотические формы досуга. Один из мемуаристов, вспоминая семинарию 1910-х гг., описывает увлечение *гипнозом* и сеансы гипноза, которые устраивали семинаристы на квартире⁶⁴.

Круг чтения

Что читали и чего не могли читать семинаристы? В этой сфере повседневной жизни семинарий наблюдалась двойственная ситуация. С одной стороны многие (хотя и не все) семинарские библиотеки были крайне бедны книгами, которые были бы интересны учащимся и соотносились бы с их возрастными запросами. С другой стороны в духовных учебных заведениях постоянно обращалось значительное количество запрещенной литературы, жадно прочитывавшейся семинаристами. Среди последней особенно в 1880-е гг. была прежде всего народническая литература: так называемая «мужицкая беллетристика» Глеба Успенского и Николая Златовратского, книги Н.Г. Чернышевского, «Рассказы из русской истории» революционера-семидесятника Леонида Шишко. Последние представляли собой пример эсеровского толкования русской истории, в ряде глав были насыщены революционно-народническими лозунгами и уделяли большое внимание изложению событий крупных крестьянских движений (например, восстаний под предводительством С. Разина и Е. Пугачева). Вместе с этими книгами в семинариях тайно читали «Происхождение видов» Чарльза Дарвина⁶⁵.

По признанию будущего митр. Евлогия (Георгиевского), учившегося в семинарии в 1880-х гг., такая литература формировала у семинаристов, в том числе у него самого народнические симпатии, желание послужить народу, посвятить ему свою жизнь. При этом, это желание было неотделимо в их сознании от церковного служения, стремление служить народу связывалось со священническим призванием. Митр. Евлогий рассказывает, что он всерьез задумывался над тем, не лучше ли ему избрать путь приходского священника (вместо поступления в Духовную академию), руководствуясь именно народническими симпатиями⁶⁶.

⁶³ Там же. С. 447.

⁶⁴ Там же. С. 455.

⁶⁵ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 80.

⁶⁶ Там же. С. 31–34.

Семинарские библиотеки не могли отвлечь учеников от запрещенной литературы. Ревизия Саратовской семинарии 1904 г. выявила то, насколько был скуден беллетристический отдел библиотеки, который мог бы привлечь мальчиков-подростков. В ней отсутствовали исторические романы Лажечникова, Григория Данилевского, Всеволода Соловьева, книги русских классиков Тургенева, Гончарова, Достоевского и классиков зарубежных Шиллера, Байрона, Диккенса, Гете, приключенческие романы Майн Рида, Ф. Купера, Ж. Верна. Произведения последнего только во время ревизии передали в библиотеку⁶⁷. Впрочем, в 1910-е гг. в семинариях уже были читальни с газетами и журналами, и в это время в отношении семинарских библиотек мы слышим уже в основном похвалы⁶⁸.

Как бы то ни было, но у многих наиболее серьезных учеников чтение занимало весь досуг и даже время подготовки заданий⁶⁹. Однако, по признанию самих мемуаристов, это чтение очень редко было связано с теми предметами, которые преподавались в семинариях и училищах, мало кто, даже из лучших учеников стремился углублять свои знания в преподаваемых предметах. Скорее, учащиеся шли в сторону, тяготели к светским культурным ориентирам – народническим или научным, но не к богословию. Чтение, как и одежда, обнаруживало несословные ориентиры мальчика-левита. При этом интересно, что даже богословская или религиозно-нравственная литература, обращавшая на себя внимание семинариста, чаще относилась к литературе запрещенной, например, к запрещенным после его закрытия изданиям Библейского общества⁷⁰.

Поощрение и наказание

Описания *телесных наказаний* «бурсаков» – это одни из самых мрачных и вызывающих наибольшее возмущение страниц в очерках Помяловского. У него упоминаются различные виды порки розгами («на воздухах», «под колоколом»), принуждение учеников стоять на коленях на ребре парты (что, фактически, означало пытку). О подобных наказаниях, практиковавшихся в духовных училищах, говорят и другие мемуаристы 1840–1850-х гг.⁷¹. Одновременно Н.П. Гиляров-

⁶⁷ Мраморнов А.И. Духовная семинария России начала XX века. С. 108.

⁶⁸ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 447–448, 480.

⁶⁹ Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Т. 1; Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 453.

⁷⁰ Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Т. 1. С. 212–214.

⁷¹ Там же. С. 82–84.

Платонов вспоминает, что в начале 1840-х гг. в младших классах семинарии («Риторике») уже не пороли и не ставили на колени, хотя применяли карцер и «голодный стол». Здесь уже было принято обращение на «Вы» к семинаристам⁷². Впрочем, это была московская семинария, в провинции дело еще могло обстоять иначе. На рубеже XIX–XX вв. продолжали действовать наказания, которые упоминались в воспоминаниях о семинарии 1840-х гг.: голодный стол, карцер, арест на несколько часов, наказание земными поклонами, хотя речи уже не шло о «секуциях»⁷³.

Одновременно на всех семинаристов распространялся ряд *запретов*. В 1870-е – 1880-е гг. уравнивалось хождение в кабак с посещением публичных библиотек, концертов, публичных лекций, не поощрялось посещение выставок⁷⁴. Для тех, кто жил в общежитиях, на протяжении всего периода, как мы видели, продолжали действовать ограничения на доступ в город. Надзор за своекоштными студентами был скорее формальностью. На квартирах, где жили своекоштные, существовали квартирные журналы, куда записывалось, кто читал утренние и вечерние молитвы, кто, куда, зачем отлучался. Эти записи обычно не соответствовали действительности (молитвы, например, не читались вовсе). Квартиры изредка навещали помощники инспектора; такие посещения отмечались в журнале⁷⁵. Но в 1900-х гг. большинство запретов были уже атавизмом: они действовали на робких, а желающие ими пренебрегали, хотя и подвергались риску взысканий⁷⁶.

Существенным компонентом в системе взысканий и поощрений была *бальная система оценки* поведения, которая сохранялась до революции: в аттестате выставлялись не только оценки по предметам, но и по поведению. Оценка «1–3», а тем более увольнение «без балла» фактически означала поражение в правах: по закону ни в учебные заведения, ни на государственную службу с такой оценкой

⁷² Там же. С. 241.

⁷³ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 67, 72–73; *Мраморнов А.И.* Духовная семинария России начала XX века. С. 110.

⁷⁴ *Красин П.М.* Воспитание в духовной семинарии. Киев, 1906; *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс. С. 70; *Мраморнов А.И.* Духовная семинария России начала XX века. С. 108–109.

⁷⁵ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 441.

⁷⁶ *Просветов Р.Ю.* Тамбовская духовная семинария в годы правления священномучеников Феодора (Поздеевского) и Симеона (Холмогорова) // Град Кирсанов. Интернет доступ. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/author.php?id=feodor> (дата обращения: 28.09.2013).

не принимали, хотя были и исключения⁷⁷. Понимая, что увольнение из семинарии «без балла» или, как говорили тогда, с «волчьим билетом» может сломать исключенному жизнь, администрация не всегда стремилась быть неумолимой. Весной 1896 г. будущий митр. Евлогий отвел угрозу «волчьего билета» от одного из своих подопечных, сославшись на необходимость не омрачать коронационные торжества⁷⁸. Иногда за исключенных вступались представители общества. Один из мемуаристов описывает случай, когда уволенные с «волчьими билетами» семинаристы были «подобраны» купцом Шаховым и отправлены за его счет учиться в Швейцарию⁷⁹.

В целом же формальный надзор и наказания явно *доминировали* среди воспитательных практик в духовных школах, в том числе в области религиозного воспитания⁸⁰. Естественно, это оборачивалось протестом:

«Под влиянием тяжелых воспоминаний детства озлобленные сердца, исковерканные характеры, страстный, слепой протест против окружающей жизни – вот с какими душами приходилось иметь дело»⁸¹, – писал очевидец о семинарии 1890-х гг.

Попытки изменить дело воспитания были робкие и непоследовательные. С 1890-х гг. обсуждался вопрос о введении должности «*классных воспитателей*», которые в том числе должны были заниматься и религиозным воспитанием учащихся: в частности, читать и объяснять им отрывки из Евангелия. Ввели эту должность только 12 июля 1913 г. Ожидалось, что воспитателями станут старые и опытные преподаватели, а занимали новую вакансию, как правило, молодые и карьерно ориентированные учителя. При этом за ними сохранялись и надзорные функции: они должны были докладывать о проступках семинаристов, что не создавало доверительных отношений между воспитателями и их подопечными. Параллельно сохра-

⁷⁷ Ср.: Мраморнов А.И. Духовная семинария России начала XX века. С. 109, 125.

⁷⁸ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 76–78.

⁷⁹ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского. С. 494.

⁸⁰ Ср.: Мраморнов А.И. Духовная семинария России начала XX века. С. 110.

⁸¹ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 80.

нялся инспекторский корпус, на который были возложены именно надзорные полномочия и выставление оценок по поведению⁸².

Семинарский быт за последние 50 лет старого порядка

В отношении изменений семинарского быта в рассмотренные десятилетия мы наблюдаем два больших периода: первый из них начинается после реформ 1860-х гг., когда местное духовенство (фактически – родители учеников) получило возможность участвовать в обустройстве быта семинарии, второй – после событий 1905–1907 гг., когда духовное ведомство должно было реагировать на требования семинаристов, выдвинутые, в том числе, в ходе семинарских бунтов.

Прогресс повседневной жизни российских семинарий был огромен. Но одновременно за 50 лет не были изжиты и главные ее изъяны:

– *сословный характер школы*, принуждавший к церковному служению людей, к нему не склонных или еще не созревших для него, и

– *ее формализм*, в том числе формализм религиозного воспитания.

Фактически, религиозное воспитание не давалось в дореволюционной семинарии; в ней давались богословские науки, но не воспитание. Казалось бы, религиозное чувство должно было прививаться сыну священнослужителя в его семье. Но на деле не было и этого. Один из корреспондентов журнала, ориентированного на приходских священников, в 1905 г. с горечью признавал:

«Многие из детей нашего духовенства выносят из семьи механическое, исключительно внешнее отношение к религии, почти ничего не зная о духе ея»⁸³.

И даже если семья успевала заронить в душе мальчика-левита искру религиозного чувства, то оказавшись в 7–10 лет сначала в духовном училище, а потом в семинарии с их жестким и формальным внутренним порядком, он мог эту искру и потерять⁸⁴.

Даже те учебные предметы, что, казалось бы, должны были помогать углублению религиозности будущих священников, не выполняли своего назначения. Современники вспоминали, что на катехизис, соб-

⁸² Мраморнов А.И. Духовная семинария России начала XX века. С. 154, 167.

⁸³ В.С. Одна из главных причин бегства семинаристов из духовного звания // Руководство для сельских пастырей. 1905. № 33. С. 401–402.

⁸⁴ Ср.: Мраморнов А.И. Духовная семинария России начала XX века. С. 110.

ственно на Закон Божий, т.е. на предмет, объясняющий базовые понятия христианской веры, который для потенциальных священнослужителей должен был быть одним из главных, преподаватели и учащиеся смотрели как на предмет формальный:

«Катехизисом не занимались ни учителя, ни ученики; его отбывали как повинность. На экзаменах требовали зубряжки, и таковую подавали; объяснений не спрашивали, и редкий бы ученик их дал. <...> Тексты <Священного Писания>, приводимые в Катехизисе, заучивались без перевода; требовалось только, чтобы текст прочитан был твердо, безошибочно; за ошибку, пропуск или перестановку слова взыскивалось строго; за этим наблюдали, но только за этим»⁸⁵.

Катехизис преподавался в духовных училищах, т.е. из них подростки 12–14 лет должны были выходить в семинарию, уже зная основы веры и приступать к изучению богословия. Но это было не так. Хорошие знания в области катехизиса были скорее исключением, они являлись результатом самообразования или случайности⁸⁶.

Естественно такое отношение духовной школы, духовного сословия к предмету, который, казалось бы, должен был быть наиболее близок его сердцу, передавалось и во вне, в мир. Не отсюда ли происходит пренебрежительное отношение к Закону Божию как школьному предмету среди образованного и полуобразованного общества? Но почему так было в духовной школе? Было ли это следствием жестких формальных требований духовного ведомства, государственной церковности, когда опасаясь сделать ошибку и получить взыскание, предпочитали вдалбливать, а не объяснять? Современники, очевидно, утвердительно ответили бы на этот вопрос:

«Слабое состояние, в частности, Закона Божия усложнялось ригоризмом, который наступил по закрытию Библейского общества. Опасение протестантства и вольномыслия повело к обскурантизму. Сколько-нибудь живое изложение предметов веры не допускалось к выходу в свет, исполосовывалось цензорскими крестами, испещрялось

⁸⁵ *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. Т. 1. С. 210–211.

⁸⁶ Там же.

поправками и являлось в сухом, мертвенном, отвлеченном изложении»⁸⁷.

Н.П. Гиляров-Платонов находил, что не бедность духовенства была причиной бегства от духовного звания, а «нравственная неподготовленность» выпускников семинарий, которой, по его словам, «немало содействует постановка учебного курса и способ его прохождения»⁸⁸. Корреспондент «Руководства для сельских пастырей», писавший в 1905 г. об отсутствии семейного религиозного воспитания в семьях духовенства, фактически вторил ему.

⁸⁷ Там же. С. 212 и сл.

⁸⁸ Там же. С. 214.

В 1909 г., в год 100-летнего юбилея Санкт-Петербургской духовной академии знаменитый фотограф К. К. Булла сделал в ее стенах ряд снимков, которые запечатлели для нас сцены из повседневной жизни академии и семинарии. Участники съемки, конечно, позировали фотографу, однако это не умаляет ценность публикуемых фотографий как исторического источника. Все снимки предоставлены Центральным государственным архивом кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.

1. Занятия слушателей Санкт-Петербургской духовной академии после лекций в день празднования 100-летнего юбилея академии. Санкт-Петербург. 15 декабря 1909 г.
2. Урок рисования в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Санкт-Петербург. [1909–1911].
3. Спевка студентов Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии в день празднования 100-летнего юбилея академии. Санкт-Петербург. 15 декабря 1909 г.
4. Обед воспитанников в столовой семинарии. Санкт-Петербург. [1909–1911].
5. Занятия музыкального кружка в день празднования 100-летия Санкт-Петербургской духовной академии. Санкт-Петербург. 15 декабря 1909 г.
6. Провозглашение тоста за праздничным обедом в день 100-летнего юбилея духовной академии. Санкт-Петербург. 15 декабря 1909 г.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

Исторический (дореволюционный) опыт Русской Православной Церкви в области народного просвещения в последние десятилетия в силу социально-политических изменений в России стал предметом изучения. Российские и зарубежные исследователи в монографиях¹, диссертационных работах², научных статьях³ затрагивали различные

¹ *Осинов О.В.* Церковно-приходские школы Оренбургской епархии (1864–1917 гг.). Челябинск, 2004; *Петренко І.М.* Церковнопарафіальні школи Лівобережної України в системі освітньої політики уряду Російської імперії (1884–1917 рр.). Полтава, 2008; *Красницкая Т.А.* Церковно-школьное образование в Шуйском уезде Владимирской губернии. XIX – начало XX вв. Шуя, 2010; *Монякова О.А.* Земская и церковно-приходская школа в российской провинции: опыт взаимоотношений (1864–1917) (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Шуя, 2012.

² *Бан Ил Квон.* К.П. Победоносцев и распространение церковно-приходских школ в 1884–1904 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Басалаев А.Е.* Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области. 1884–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Чита, 2000; *Наумова Н.Н.* Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири. 1884–1917 гг.: На материалах Иркутской и енисейской епархий: дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002; *Красницкая Т.А.* Начальное духовное образование в провинциальной России. XIX – начало XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003; *Гизей Ю.Ю.* Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX вв.: По материалам томской епархии: дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004; *Житенев Т.Е.* Церковно-приходские школы в России: 1884–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Крутицкая Е.В.* Церковно-приходские школы в России в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Веденский Е.С.* Деятельность Русской православной церкви в области начального народного образования во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Ярославской и Костромской губерний): дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005 и др.

³ *Сизинцева Л.И.* Хреновская церковно-учительская школа «ALMA-MATER» Н.Д. Кондратьева и П.А. Сорокина // Вестник Костромского государственного педагогического университета. 1998. № 2. С. 26–30; *Лондон Б.Н.* К истории церковно-приходских школ // Преподаватель. 2000. № 1. С. 35–40; *Монякова О.А.* Организация начального образования в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской губернии) // Федерализм. 2010. № 1. С. 195–208; *Красницкая Т.А.* Система управления церковными школами в дореволюционной России (на материалах Владимирской и Костромской губерний) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного

аспекты церковно-школьной образовательной системы конца XIX – начала XX вв. Но рассмотрение проблем становления, развития и функционирования начальных и учительских церковных школ в силу собственных целей и задач ограничивалось только наиболее распространенными типами (церковно-приходские, школы грамоты) и в основном на региональном (губерния/епархия) уровне. Документальные источники, отложившиеся в центральных и местных архивах, библиотеках России, позволили реконструировать достаточно сложную и многогранную систему церковно-школьного образования в дореволюционный период.

Становление начальной церковной школы как особого звена в системе духовного образования происходило на протяжении XIX в. Начало этому было положено реформой 1808–1814 гг., в ходе которой в России духовно-учебные заведения были разделены на четыре разряда: духовные академии, духовные семинарии, духовные уездные училища и духовные приходские училища. Последние давали общее начальное образование. Дальнейшему развитию церковно-школьного дела способствовало повеление по духовному ведомству об открытии школ при церквях и монастырях для обучения детей поселян в 1836 г. Порядок их функционирования определяли «Правила касательно первоначального обучения поселянских детей», утвержденные Святейшим Синодом 19 октября 1836 г. С этого времени в России наблюдается количественный рост начальных церковных школ. В 1865 г. в стране действовало 21420 начальных учебных заведений духовного ведомства⁴. Но с середины 60-х и до начала 80-х годов XIX в., вследствие открытия земских школ, передачи церковно-приходских школ в Министерство народного просвещения, отсутствия финансовых средств, численность начальных церковных школ стала сокращаться.

университета. П.: История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5. (42). С. 14–29; *Житнев Т. Е.* В. И. Шемякин и его роль в организации деятельности церковных школ в конце XIX века // История церковно-школьного образования в России (XIX – начало XX вв.). Материалы международной конференции. Шуя, 21 сентября 2012 г. / Отв. ред. Т.А. Красницкая. Шуя, 2012. С. 26–34; *Неупокоев И.В.* Наказания в церковных школах Тобольской епархии в конце XIX – начале XX вв. // История церковно-школьного образования в России (XIX-начало XX вв.). Материалы международной конференции, Шуя, 21 сентября 2012 г. / Отв. ред. Т.А. Красницкая. Шуя, 2012. С. 100–108 и др.

⁴ *Преображенский И.* Отечественная Церковь по статистическим данным всеподданнейших отчетов за 1841, 1851, 1861, 1871, 1881 и 1890-91 годы. Сравнительный обзор // Церковные ведомости 1894. № 39. С. 1373.

С начала 80-х годов XIX в. благодаря активной деятельности обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева происходит формирование и развитие церковно-школьного образования как системы. Определяющим фактором в этом процессе стали «Правила о церковно-приходских школах» 1884 г., которые послужили прочной законодательной базой для функционирования начальных учебных заведений духовного ведомства в России. Согласно этому нормативному документу церковно-приходскими школами именовались «начальные училища, открываемые православным духовенством» и утверждающие «в народе православное учение веры и христианской нравственности и первоначальные полезные знания» (§1)⁵. Школы учреждались одноклассные с двухлетним и двухклассные с четырехлетним курсом обучения. В нормативном документе 1884 г. были названы школы грамотности, которые подлежали «ведению и наблюдению духовного начальства» (§6), а также воскресные школы «для лиц, не имеющих возможности пользоваться учением ежедневно» (§7)⁶. Таким образом, «Правила о церковно-приходских школах» давали новую юридическую санкцию ранее существовавшим в России начальным церковным школам. Известно, что в масштабах страны до 1884 г. действовало 2 448 одноклассных, 54 двухклассных и 401 школы грамоты⁷.

Необходимо отметить, что история церковно-приходских школ (в том числе на принципах, закрепленных «Правилами о церковно-приходских школах») в некоторых регионах России началась раньше законодательного акта 1884 г. В одной из центральных епархий России – Владимирской появление правильно организованных церковно-приходских школ было связано с деятельностью местного православного братства Александра Невского, учрежденного в 1879 г.

Через семь лет после утверждения «Правил о церковно-приходских школах» были приняты (4 мая 1891 г.) «Правила о школах грамоты». Они определяли деятельность низшего типа начальной церковной школы. Школы грамоты, дававшие элементарное начальное образование, не требовали огромных финансовых затрат на устройство. Впоследствии у обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева и близких к нему руководителей церковно-школьного дела возникла идея «покрыть Россию школами грамотности, чтобы сравнительно

⁵ Правила о церковно-приходских школах // Владимирские епархиальные ведомости. 1884. № 16. С. 383–384.

⁶ Там же. С. 385.

⁷ Статистические сведения о церковных школах Российской империи, со времени издания высочайше утвержденных 13-го июня 1884 года правил о школах церковно-приходских. Б. м., б. г. С. 40, 44, 48.

дешево и скоро дать русскому народу всеобщую грамотность» под руководством церкви. Но для этого нужно было подготовить новый контингент учителей, который бы обеспечил надлежащее обучение, чем простые «грамотеи»⁸. Этот запрос и должны были удовлетворить низшие учительские школы, появившиеся в России с 1896 г. и получившие название второклассные. Их целью было дать законченное образование в духе церковной школы и педагогическую подготовку для работы в школах грамоты, а также (по возможности) сельскохозяйственное и ремесленное образование.

В ведении духовного ведомства находился еще один тип школы – церковно-учительский, который появился в России в последней трети XIX в. в связи с острой необходимостью обеспечения церковно-приходских школ подготовленными учителями. Это были учебные заведения повышенного типа, т. к. готовили учителей для начальных училищ всех разрядов.

До начала XX в. церковные школы организовывались и действовали на основании Правил 1884 и 1891 г. и различных циркулярных разъяснений Святейшего Синода, обер-прокурора и Синодального училищного совета. 1 апреля 1902 г. был издан новый нормативный акт – «Положение о церковных школах ведомства Православного Исповедания». В нем были определены права, предоставляемые церковным школам различного вида и учителям, уяснилось само положение учебных заведений. Все школы духовного ведомства были разделены на две категории: а) начальные школы (церковно-приходские двухклассные и одноклассные, школы грамоты и воскресные) и б) учительские (второклассные и церковно-учительские школы)⁹. Положение 1902 г. завершило создание и укрепление церковно-школьной образовательной системы. Впоследствии в отношении учительских школ вышли новые Правила, которые определили их внутренний строй. Они ввели в учебно-воспитательную и хозяйственную жизнь определенный порядок и единообразие¹⁰.

⁸ По поводу десятилетия второклассных школ // Владимирские епархиальные ведомости. 1907. № 15. С. 239–245.

⁹ Положение о церковных школах ведомства Православного Исповедания // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1904. Т. XXII. 1902. Отделение 1. С. 207–211.

¹⁰ Правила для церковно-учительских школ, 27 сентября-11 октября 1907 г. за № 6006 // Церковные ведомости. 1907. № 44. С. 385–391; Правила для второклассных школ, 20 августа – 3 сентября 1908 г. за № 5567 // Церковные ведомости. 1908. № 39. С. 299–304.

Законодательные документы, касающиеся церковно-школьного образования, были призваны формировать по единым принципам начальные и учительские учебные заведения ведомства Православного Исповедания. Несмотря на универсальность общепринятых подходов, местные условия разных епархий страны накладывали свой отпечаток на деятельность церковных школ, внося свою специфику в их устройство и функционирование.

Анализ статистических данных показывает, что численность как начальных, так и учительских школ духовного ведомства до начала XX в. систематически возрастала¹¹. Преобладающим типом были одноклассные церковно-приходские школы. Их количество с каждым годом увеличивалось. Если до издания «Правил о церковно-приходских школах» в России существовало 2448 одноклассных церковных школ, то спустя 25 лет в 1909 г. – 32962¹². В 1914 г. функционировало уже 34341 школ подобного типа¹³. Двухклассных церковно-приходских школ, в отличие от одноклассных, в стране было в несколько раз меньше. Но, несмотря на это, для них тоже была характерна тенденция роста. В 1884 г. их насчитывалось 64, в 1894 г. – 283, в 1914 г. – 1016¹⁴.

После утверждения «Правил о церковно-приходских школах» увеличилось и количество школ грамоты, причем их численность в конце 1880–1890-х годов превосходила церковно-приходские (в 1889 г. – 9217, в 1899 г. – 21900), что было связано с политикой духовного ведомства, которое желало распространить их повсеместно¹⁵. С 1900 г.

¹¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 годы. СПб., 1913. С. 300–301, 306–307, 311; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Петроград, 1915. Прил. С. 118–119; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Петроград, 1916. Прил. С. 120–121; Статистические сведения о церковных школах Российской империи... С. 1–125.

¹² Церковные школы Российской империи к 1910 году. Статистические сведения / Разработаны в Статистическом Отделе при Синодальном Училищном Совете. СПб., 1910. С. 8.

¹³ Церковные школы Российской империи к 1915 году. Статистические сведения / Разработаны в Статистическом Отделе при Синодальном Училищном Совете. Петроград, 1916. С. 10.

¹⁴ Статистические сведения о церковных школах Российской империи... С. 42–45; Церковные школы Российской империи к 1915 году... С. 10.

¹⁵ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 годы. СПб.,

началось последовательное их сокращение. К 1915 г. в стране оставалось функционировать только 2171 школ грамоты¹⁶. Подобные изменения были связаны с возросшими требованиями населения к качеству образования, отсутствием финансирования и исключением их из школьных сетей при осуществлении проекта всеобщего обучения.

Самую незначительную часть от общего количества начальных церковных школ в России составляли воскресные школы, предназначенные для обучения тех, кто не имел возможности ежедневно посещать учебное заведение. В 1899 г. в стране функционировало 459, в 1900 г. – 490 учебных заведений подобного типа¹⁷. С начала XX в. количество воскресных школ, как и школ грамот, начинается сокращаться. В результате в 1914 г. их действовало только 104¹⁸. Это объяснялось неустойчивым финансовым положением этих учебных заведений. Они всецело зависели от наличия местных средств и желания учителей безвозмездно трудиться на поприще народного просвещения.

Несмотря на столь динамичное развитие начальных церковных школ, состояние народного образования не соответствовало запросам того времени, т.к. из всего количества детей школьного возраста к 1904 г. обучалось только 42%, из них на долю православных школ приходилось 15,2 %¹⁹.

Со второй половины 90-х годов XIX в. начинается количественный рост второклассных школ, которых по первоначальным планам церковно-школьного управления должно было быть 1086 (по две на каждый уезд). В действительности даже при корректировке планов (одна на уезд) их возникло меньше²⁰. В 1906 г. они достигли своей максимальной отметки – 427 учебных заведения²¹. Затем наблюдалось их незначительное сокращение. В целом, в отличие от начальных, количество второклассных школ было достаточно, если учесть, что в начале XX в. начинают сокращаться школы грамоты.

1891. С. 341; Статистические сведения о церковных школах Российской империи... С. 14.

¹⁶ Церковные школы Российской империи к 1915 году... С. 28.

¹⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год. СПб., 1902. С. 243; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903. С. 357.

¹⁸ Церковные школы Российской империи к 1915 году... С. 28.

¹⁹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 803. Оп. 16. Д. 68. Л. 8 об.

²⁰ Там же. Оп. 12. Д. 17. Л. 1–62.

²¹ Статистические сведения о церковных школах Российской империи... С. 18.

Положительную динамику развития в конце XIX – начале XX в. имели церковно-учительские школы. Некоторые из них (Кирилло-Мефодиевская в с. Тростянице Гродненской епархии, Милославичская в Могилевской епархии, Леушинская в Новгородской епархии) первоначально действовали как учительские школы простейшего типа, курс которых по некоторым предметам превышал объем второклассных школ. С 1896 г. Училищный совет при Святейшем Синоде начинает разрабатывать вопрос о повсеместном их распространении. Специальной комиссией Училищного совета была разработана примерная сеть церковных учительских школ, в которой значилось 11 уже действовавших и семь «строящихся и уже намеченных к устройству»²². В 1903 г. в стране действовало – 18, в 1907 – 22, в 1909 – 19 церковно-учительских школ²³. К началу Первой мировой войны в России функционировала 21 церковно-учительская школа²⁴.

Начальные и учительские школы имели разную степень распространенности в регионах. Больше всего их функционировало в европейской части России (в 1909 г. – 35007), что объяснялось наличием финансовых средств, большей плотностью населения, а значит, и большим спросом на образование. На втором месте, хотя и со значительным отрывом, по рассматриваемому показателю стоял азиатский регион, включавший территорию Сибири и Дальнего Востока (в 1909 г. – 2443). Последнее место по количеству церковных школ занимал кавказский регион (в 1909 г. – 1568)²⁵. Вместе с тем у всех регионов было общее – большинство церковных школ, как начальных, так и учительских располагались в сельской местности.

Церковные школы по половому составу делились на 3 категории: мужские, женские и смешанные. Большинство начальных школ были смешанными, т.е. в них совместно обучались мальчики и девочки. Учительские школы имели строгое деление на мужские и женские. Первых на территории страны было больше, а потому среди учащихся было больше мальчиков.

²² РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 410. Л. 227–227 об.

²³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 146; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 246; Церковные школы Российской империи к 1910 году... С. 13.

²⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода... за 1914 год. С. 312.

²⁵ Церковные школы Российской империи к 1910 году... С. 26.

Соотношение обучающихся в начальных церковных школах было неодинаковым. Количество мальчиков значительно преобладало, в том числе по причине того, что они могли после окончания школы получить льготу по воинской повинности. В частности, в 1904 г. в православных образовательных учреждениях европейской России 70% составляли мальчики и 30% девочки, в азиатской части страны – 70,4% и 29,6%, на Кавказе – 65,5% и 34,5% соответственно²⁶. Слабое посещение школы объяснялось разными причинами: отрицательным отношением населения к грамотности девочек, домашними работами, удаленностью школы от места проживания детей, бедностью населения и отсутствием возможности вносить плату за обучение²⁷.

Возраст детей, обучавшихся в церковных школах, был разным. Это зависело во многом от типа школы. В церковно-приходских возраст учащихся колебался от 7 до 15 лет. Обучались и 16-ти и 17-летние подростки, но их число было незначительным. В воскресных школах возрастной предел учащихся не был ограничен. Так, в 1910/1911 уч. г. Бахареvскую школу Кинешемского уезда Костромской епархии посещали «7 человек в возрасте от 14 до 22 и один 40 лет», а Богоvвленскую Варнавинского уезда – около 20 учениц от 8 до 28 лет²⁸. Самый низкий возрастной предел был зафиксирован в Ярославской епархии, где в 1900 г. воскресную школу в Мышкине посещала ученица в возрасте 60 лет, «поступившая с целью научиться писать, чтобы переписываться с сыном», а в Мологе обучалась 76 летняя «старушка»²⁹. К 1908 г. в России из 11405 учащихся категорию до 14 лет составляли 5034, а категорию взрослых – 5316 человек³⁰. Таким образом, потребность обучения в равной степени была как у детей и подростков, так и старшего поколения. Возрастной состав учащихся учительских школ, безусловно, был выше, чем в начальных. Во второклассной он составлял от 12 (по «Положению о церковных школах ведомства Православного Исповедания» 1902 г. с 13 лет) до 20 лет, а в церковно-учительской – от 15 до 20 лет. В первом случае допуск «несовершен-

²⁶ Статистические сведения о церковных школах Российской империи... С. 4–5; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода... за 1903–1904 годы. С. 136.

²⁷ РГИА. Ф. 803. Оп. 16. Д. 2238. Л. 9 об.

²⁸ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 учебный год. Кострома, 1912. С. 25, 26.

²⁹ Успенский И.П. Церковные школы Ярославской епархии за двадцать пять лет (13 июня 1884 г. – 13 июня 1909 г.). Ярославль, 1909. С. 93–94.

³⁰ Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 г.). СПб., 1909. Прил. С. 100–101.

нолетнего» разрешался с благословения епархиального преосвященного. Это было не единственное исключение из существующих правил относительно возраста учащихся. В частности, во второклассных школах Самарской епархии принимались и 22-летние – «учителя школ грамоты, желающие усовершенствовать свои познания»³¹.

Указывая на специфику церковных школ необходимо обратить внимание на сословный состав учащихся. В начальных школах, предназначенных в первую очередь для низших слоев, значительную часть обучавшихся составляли крестьяне. Второе место занимали мещане. Выходцев из «духовной среды», а также детей дворян и чиновников было очень немного³². Для учительских церковных школ была характерна та же тенденция³³.

По мере своего развития начальная церковная школа стирала профессиональные рамки в своем охвате населения. Согласно статистике начала XX в., в количественном отношении преимущество было у православных. Они составляли более 97% от общего количества учащихся церковных школ, старообрядцы – около 1% общего числа. Представителей других традиционных для России вероисповеданий насчитывалось менее 1%³⁴.

Численность окончивших церковную школу по отношению к общему количеству учившихся на всем протяжении развития образовательной системы была небольшой. Согласно общим данным в России в 1914 г. соотношение таковых в двухклассных церковно-приходских составляло 12,1%, в одноклассных – 8,2%, во второклассных – 20,4%, в церковно-учительских – 28,4%³⁵. Причем, в начальных школах количество мальчиков-выпускников было больше чем девочек, а в учительских наоборот – меньше. Это факт объяснялся, во-первых, тем, что по завершении обучения в начальной школе мальчики получали льготы по отбыванию воинской повинности, а во-вторых, распространением в начале XX в. профессии учителя среди женщин.

³¹ Матюшенский А. Второклассные церковно-приходские школы Самарской епархии (Краткая история открытия их и настоящее положение). Самара, 1898. С. 16.

³² См.: Красницкая Т.А. Начальное духовное образование в провинциальной России. XIX – начало XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003. С. 84.

³³ РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 263. Л. 87; Д. 360. Л. 185 об.; Д. 704. Л. 294.

³⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905. С. 256–257.

³⁵ Церковные школы Российской империи к 1915 году... С. 6-7.

Развитие и функционирование школ в разных регионах страны обеспечивалось системой управления, которая являлась фундаментом церковно-школьного образования. Формирование управленческой структуры происходило постепенно, по мере развития церковно-школьного дела в России. После утверждения «Правил о церковно-приходских школах» высшее управление церковно-приходскими школами (кроме Рижской и Финляндской епархий, где в «заведывании» православных школ принимали участие как Святейший Синод, так и Министерство народного просвещения, но не напрямую, а через Совет по делам православных сельских народных училищ Прибалтийских губерний³⁶) принадлежало Святейшему Синоду, который для «наилучшего устройства и управления» создал 19 января 1885 г. особое ведомство – Училищный совет³⁷. Его создание являлось не только основой для последующего развития церковно-школьного образования, но и давало возможность духовному ведомству влиять на развитие начального образования в стране. Первоначально его состав был небольшим: председатель, его помощник и четыре штатных члена, «близко знакомых с положением народного образования»³⁸. С середины 90-х годов XIX в. он увеличился за счет дополнительного включения наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамоты, врача, архитектора, одного помощника и пяти членов. В конце 1880–1890-х годов при Синодальном училищном совете появляются отделы, которые начинают осуществлять строго определенное направление работы по церковным школам: в 1887 г. – «склад книг и учебных руководств» для обеспечения начальных учебных заведений книгами и учебными пособиями, преобразованный затем в Издательскую комиссию, в 1896 г. – канцелярия, куда входили делопроизводители и бухгалтер с помощниками и статистический отдел. Последний руководил статистикой церковных школ и был создан для постоянной осведомленности развития церковно-школьного дела в России³⁹. При нем были организованы кабинет учебных пособий (коллекции физических приборов, «наборы чертежных принадлежностей») и постоянная выставка пред-

³⁶ Православные народные школы в Прибалтийских губерниях. Историческое значение их и современное бедственное положение. СПб., 1914. С. 61.

³⁷ Определение Св. Синода от 12–27-го февраля 1885 года, за № 228 об учреждении при Св. Синоде особого Совета для заведования церковно-приходскими школами // Владимирские епархиальные ведомости 1885. № 8. С. 191–193.

³⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 г. СПб., 1887. С. 180.

³⁹ РГИА. Ф. 803. Оп. 16. Д. 18. Л. 114.

метов по церковно-школьному делу (планы и фасады школьных зданий, фотографии школ и учащихся, ученические работы)⁴⁰. До середины 90-х годов XIX в. главными направлениями в деятельности Училищного Совета при Святейшем Синоде были разработка и издание программ, правил для церковных школ, а также формирование и совершенствование управленческой структуры церковно-школьного образования.

На местах (в епархиях) для руководства церковными школами с 1884 г. стали учреждаться епархиальные училищные советы, члены которых избирались епархиальными архиереями «из духовных и светских лиц, преданных делу народного образования и близко знакомых с бытом и духовными потребностями населения»⁴¹. В ряде епархий (Московской, Санкт-Петербургской, Владимирской, Смоленской, Тверской, Симбирской и др.) права епархиальных училищных советов были переданы православным братствам. В ходе формирования системы церковно-школьного управления на местах не исключалась передача прав по заведыванию начальными школами из одного ведомства в другое. В Астраханской епархии сначала действовал епархиальный училищный совет, а через несколько месяцев он вошел в состав Кирилло-Мефодиевского общества ревнителей веры, просвещения и нравственности в духе святой православной церкви, став его отделением⁴². Своя специфика в руководстве до начала XX в. была в Грузинском экзархате, где управление церковными школами было распределено между четырьмя епархиальными училищными советами, а в 1903 г. был создан Окружной училищный совет.

С 1888 г. в управленческой структуре церковно-школьного образования появился новый элемент – уездные отделения епархиального училищного совета. Необходимость их введения была вызвана широким развитием церковно-школьного дела в России и, как следствие, потребностью дополнительной инстанции между епархиальным органом и отдельными школами. Процесс учреждения уездных отделений не был одновременным во всех регионах страны. В Томской и Гродненской епархиях он происходил до начала 90-х годов XIX в.⁴³ На ме-

⁴⁰ Там же. Д. 68. Л. 1, 3; Записка о церковных школах. СПб., 1907. С. 36.

⁴¹ Правила о церковно-приходских школах. С. 388.

⁴² *Благодравов М.* Церковные школы Астраханской епархии в XIX веке и состояние учебного дела вообще в XVII и XVIII веках. Астрахань, 1906. С. 67-69.

⁴³ Краткий обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1884–1909 гг. Томск, 1910. С. 23; *Корчинский И.* Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX столетии, составленный по данным архива

стах в состав уездных отделений входили духовные и светские лица, более или менее знакомые с церковно-школьным делом, в большинстве случаев под председательством уездных протоиереев. На уездные отделения возлагалось «попечение о развитии и поддержании церковно-школьного дела» в пределах уезда⁴⁴. С 80-х годов XIX в. для ближайшего руководства и наблюдения за начальными церковными школами в епархиях был введен институт наблюдателей. На эту должность назначались лица, имевшие опыт в учебном деле, обычно благочинные, их помощники или священники. Законодательным актом 1884 г. количественный состав наблюдателей не был строго определен. Во Владимирской епархии на эти должности были назначены 20⁴⁵, а в Костромской – 66⁴⁶, в Астраханской епархии – 15⁴⁷, в Симбирской – 13⁴⁸, в Ярославской – 26 человек⁴⁹, в Нижегородской епархии в 1894 г. работало 70–80 наблюдателей⁵⁰. В своей деятельности они руководствовались особыми инструкциями, которые разрабатывались на местах. С середины 90-х годов XIX в. вместо окружных наблюдателей была учреждена церковно-школьная инспекция. Она состояла из епархиального и уездных наблюдателей. Первому подчинялись вторые. Должность епархиального наблюдателя в 13 не земских губерниях была введена в 1893 г., в других – в 1895 г.⁵¹ Число уездных наблюдателей соответствовало количеству уездов, но были и исключения. Так, в Литовской епархии их было два, в девяти уездах Гродненской епархии –

Гродненского Епархиального Училищного Совета и другим источникам. Гродна, 1903. С. 51.

⁴⁴ Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов // Вестник Владимирского губернского земства. 1888. № 20. С. 912.

⁴⁵ *Добронравов В.* Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии с 1884 по 1909 г. Владимир, 1909. С. 21.

⁴⁶ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 438. Оп. 1. Д. 1674. Л. 42–43.

⁴⁷ *Благонравов М.* Церковные школы Астраханской епархии в XIX веке и состояние учебного дела вообще в XVII и XVIII веках. С. 81.

⁴⁸ Церковная школа в Симбирской епархии с 1884 года по 1908 год. Историко-статистическая записка, составленная Симбирским Епархиальным Училищным Советом. Симбирск, 1909. С. 9.

⁴⁹ *Успенский И.П.* Церковные школы Ярославской епархии за двадцать пять лет (13 июня 1884 г. – 13 июня 1909 г.). С. 8.

⁵⁰ Церковные школы Нижегородской епархии за последние одиннадцать лет (1884-1895). Историко-статистический очерк. Нижний Новгород, 1896. С. 70.

⁵¹ Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО). Ф. 450. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

13 уездных наблюдателей⁵². Такое положение дел объяснялось тем, что на должность уездных наблюдателей назначались приходские священники, которые в силу своей занятости не могли выполнять свои обязанности в полном объеме.

Наблюдатели осуществляли надзор за всеми типами церковных школ посредством их посещения два раза в год. Епархиальный наблюдатель кроме этого проверял деятельность уездных отделений и руководил уездными наблюдателями. Процент обзора церковных школ был весьма высокий. В 1913/1914 уч. г. уездные наблюдатели смогли посетить 49824 церковные школы, а епархиальные – 6524⁵³. Бывали случаи, когда какие-то школы наблюдателями не посещались. Так, в Костромской епархии остались без обозрения в 1900 г. – 31, в 1910–1911 гг. – одна школа грамоты⁵⁴. Подобное явление объяснялось различными неблагоприятными условиями. Во время ревизии наблюдатели обращали внимание как на учебно-воспитательную, так и хозяйственную стороны, при необходимости делая замечания и давая советы учителям и заведующим. В круг деятельности наблюдателей также входили вопросы «приискания правоспособных кандидатов» на должность учителя, снабжение школ учебниками и учебными пособиями, рассмотрение просьб и жалоб, составление проектов экзаменационных комиссий. Таким образом, труд наблюдателей был весьма сложный и разнообразный.

В целях объединения надзора за школами и совместного обсуждения разных сторон церковно-школьной жизни устраивались собрания или съезды наблюдателей. Они при взаимном общении могли объединяться в своих действиях по заведению церковными школами, поделиться опытом. В 1899 г. состоялся съезд в Самарской епархии, на котором представители восьми приволжских инородческих губерний в присутствии наблюдателя церковных школ дейст. ст. советника В.И. Шемякина обсуждали вопросы по просвещению инородцев и по постановке инородческого образования⁵⁵.

⁵² Корчинский И. Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии... С. 73-77.

⁵³ Церковные школы Российской империи к 1914 году. Статистические сведения / Разработаны в Статистическом Отделе при Синодальном Училищном Совете. СПб., 1915. С. 15-16.

⁵⁴ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1900 году. Кострома, 1902. С. 23; Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 учебный год. С. 54.

⁵⁵ Матюшенский А. Церковно-приходские школы Самарской епархии за 50-ть лет ее существования (1851–1901 гг.). Самара, 1901. С. 36.

Непосредственное руководство школой возлагалось на заведующего, на которого возлагался широкий круг обязанностей: «изыскание» средств на ее содержание, снабжение школ учебниками, подбор кадрового состава и другие. В учительских школах заведующий при решении учебных и хозяйственных вопросов опирался на совет школы. Но на практике подобный порядок был и в начальных школах, например, в Костромской и Сухумской епархиях, где школьные советы разделяли заботы заведующих по хозяйственной части⁵⁶.

До середины 90-х годов XIX в. все управленческие структуры действовали на основании отдельных нормативных актов. С 1896 г. их функции, состав и деятельность были регламентированы «Положением об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания». Это нормативный акт давал центральным и местным управленческим структурам права государственных учреждений и вместе с тем определял централизованный характер системы управления.

Училищный совет при Святейшем Синоде, по сути, решал все административные⁵⁷, учебно-воспитательные⁵⁸ и хозяйственные⁵⁹ вопросы по церковно-школьному делу. Их обсуждение проходило на очередных собраниях. Училищный совет при Святейшем Синоде определял, направлял и контролировал деятельность епархиальных училищных советов, на которые возлагалась вся ответственность за положение церковных школ в епархии. В круг их деятельности кроме вышеуказанного входило: назначение новых учителей и их перемещение, выдача свидетельств на льготу по воинской повинности ученикам, окончившим курс церковных школ, распределение пособий из казенных средств на устройство новых школ и ремонт существовавших, решение общих вопросов, отношение с учреждениями других ведомств, рассмотрение журналов уездных

⁵⁶ Настольная книга по церковно-школьному образованию / Сост. В.С. Лотоцкий, К.А. Сендульский. Одесса, 1903. С. 22, 24.

⁵⁷ Утверждение председателей епархиальных училищных советов, епархиальных наблюдателей, заведующих церковно-учительскими школами, поощрение церковно-школьных деятелей.

⁵⁸ Разработка и издание программ для начальных и учительских церковных школ, рассмотрение и «допущение к обращению в церковных школах книг учебных и для классного и внеклассного чтения», организация педагогических курсов для учителей.

⁵⁹ Составление общей сметы расходов по устройству и содержанию школ, выделение средств на содержание и ремонт школ епархий.

отделений и составление годового отчета о состоянии церковных школ в епархии. Епархиальные училищные советы составляли инструкции (наблюдателям, уездным отделениям) и дополнительные правила (устройства воскресных чтений для народа) «применительно к местным условиям», то есть обладали правом принятия дополнительных к законодательным актам и постановлениям высшего церковно-школьного управления регламентирующих документов. Все вопросы решались на очередных и внеочередных заседаниях епархиальных училищных советов, которые проходили несколько раз в месяц. Для рассмотрения текущих и неотложных дел при епархиальных училищных советах были образованы согласно §32 положения постоянные школьные комиссии, куда входили председатель и два члена совета. Свои решения они заносили в протоколы, которые «приводились в исполнение немедленно», а в конце месяца представлялись на «апробацию Совета и благовоззрение Архипастыря»⁶⁰.

Епархиальный училищный совет в свою очередь объединял и направлял деятельность уездных отделений, на которые был возложен весь труд по организации и развитию церковных школ в пределах уезда (наем учителей, сбор местных средств, снабжение школ книгами и учебниками, содействие устройству дополнительных классов, уроков для взрослого населения, воскресных школ и др.). Они, по замечанию современников, «всякое дело» представляли в вышестоящие инстанции в «готовом виде», «обследовав со всех сторон»⁶¹.

Стройная и достаточно прочная система управления церковными школами с одной стороны, обеспечивала порядок и единообразие в образовательном пространстве, с другой стороны, не всегда позволяла оперативно решать школьные вопросы.

Материальное обеспечение, прежде всего, начальных церковных школ в конце XIX – начале XX в. по сравнению с учебными заведениями других ведомств было довольно слабым. До 1884 г. они открывались и содержались только на местные средства (сельских обществ, родителей учащихся, земств, церковей, монастырей, приходских попечительств и частных лиц)⁶². Некоторые школы получали небольшое пособие (до 100 руб.) из сметы Министерства народного просвещения или общих средств (в размере 51000 руб.), предназначенных для «вре-

⁶⁰ Краткий обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1884-1909 гг. Томск, 1910. С. 24.

⁶¹ Там же. С. 25.

⁶² Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 г.). С. 492.

менных училищ, содержимых духовенством, земством, сельскими обществами или частными лицами»⁶³. В 1883 г. на церковные школы было выделено 55000 руб. из Государственного казначейства⁶⁴. Но в масштабах всей страны они не могли стать финансовой опорой для начальных православных образовательных учреждений.

После утверждения «Правил о церковно-приходских школах» положение начальных учебных заведений духовного ведомства в плане финансирования в первое время не изменилось. Законодательный акт 1884 г. (как и 1891 г.) не давал им постоянного и надежного обеспечения. Определяющую роль в развитии начальных церковных школ по-прежнему играли местные средства, состав которых по сравнению с предыдущим периодом расширился. В их число входили волостные, сельские и станичные общества, частные лица, благотворительные учреждения, проценты с капиталов, церкви и монастыри, братства, миссии и миссионерские общества, приходские попечительства, земства и губернские земские сборы, городские управления. Местные средства, как свидетельствует статистика, с каждым годом возрастали. За десять лет (с 1884 по 1894 г.) они увеличились с четырехсот тысяч до более трех миллионов⁶⁵.

Пособие государства было минимальным, при том, что оно периодически увеличивало размер помощи церковно-школьному делу (в 1886 г. – 120 тыс. руб., в 1894 г. – 350 тыс. руб.)⁶⁶. Такой порядок сохранялся до середины 90-х годов XIX в. С 1896 г. церковные школы получили значительную финансовую поддержку со стороны государства. К 1899 г. она составила 4 954 645 руб., к 1901 г. – более 6 млн руб., а через год 10 млн руб.⁶⁷ Выделение огромных средств, по замечанию современного исследователя А.Т. Житенева, было возможно, благодаря «активной позиции Витте, защищавшего предложения, выдвигаемые обер-прокурором»⁶⁸. Казенные средства, начиная с 1902 г., стали превосходить местные. Из них большая часть шла на начальные школы. Второе место по расходам занимали второклассные школы,

⁶³ Там же. С. 494.

⁶⁴ Сборник законоположений и распоряжений о церковных школах ведомства православного исповедания / Сост. Д.И. Тихомиров. СПб., 1903. С.192.

⁶⁵ Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие. (1884-1909 г.) С. 21.

⁶⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева... за 1899 год. С. 183; Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 г.). С. 498.

⁶⁷ Статистические сведения о церковных школах Российской империи... С. 21.

⁶⁸ Житенев Т.Е. Церковно-приходские школы в России: 1884-1918 гг. С. 143.

третье – учительские школы и организация педагогических курсов, а также содержание инспекции церковных школ. Последнее место по затратам было у администрации и местных деятелей⁶⁹. При этом размер местных средств существенно не сократился, достигнув к 1902 г. 7370413 руб.⁷⁰

Увеличение финансовой поддержки помогло улучшить материальное положение учебных заведений. Вместе с тем выделенных средств было недостаточно. По словам Владимирского епархиального наблюдателя В.Г. Добронравова, они едва покрывали все нужды «даже наличного количества церковных школ»⁷¹. Картина становится более понятной, если посмотреть на данные о среднегодовом расходе средств на одну школу в целом по стране и в регионах. В масштабах страны в 1897 г. стоимость содержания одной церковной школы определялась в 215 руб. 37 коп., а одного учащегося – 6 руб. 19 коп.⁷² На местах она выражалась в других цифрах. Среднегодовой бюджет церковных школ Костромской епархии составлял в 1896–1897 гг. 164 руб. 48 коп. (церковно-приходской школы) и 49 руб. 41 коп. (школы грамоты)⁷³. Во Владимирской епархии согласно земской статистике в 1898 году расход на одну церковно-приходскую школу составлял 418,85 руб., на школу грамоты – 47,05 руб.⁷⁴ На практике у каждой школы был свой бюджет. Гораздо выше был расход на церковные учительские школы. С 1896 г. по 1902 г. на содержание одной второклассной школы из Государственного казначейства отпускалось 1,5 тыс. руб., а после – 3 тыс. руб. Расход на церковно-учительскую школу был выше всех, т.к. только из казенных средств с 1902 г. на каждую выделялось 10 тыс. руб., с 1905 г. – уже 16,5 тыс. руб. в год. Первое место по финансовым затратам занимала Свято-Владимирская церковно-учительская школа в Санкт-Петербурге. На ее содержание в 1915 г. было выделено 41126 руб., тогда как на другие от 15845 руб. до

⁶⁹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода... за 1902 год. С. 280.

⁷⁰ Статистические сведения о церковных школах Российской империи... С. 21.

⁷¹ *Добронравов В.* Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии с 1884 по 1909 гг. С.148.

⁷² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева... за 1899 год. С. 230.

⁷³ Отчет Костромского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1896/7 учебном году. Кострома, 1898. С. 28.

⁷⁴ Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Владимир на Клязьме, 1900. Вып. III. С. 238.

18023 руб.⁷⁵ Не всегда выделяемые суммы покрывали все расходы образовательных учреждений⁷⁶.

С 1908 г. в связи с реализацией в стране проекта всеобщего обучения определился иной подход государства к финансированию начальных школ. С 1909 г. начальные православные школы (в основном церковно-приходские), включенные в школьную сеть, стали получать дополнительные казенные кредиты. В связи с этим значительно увеличилась доля государственных расходов на церковно-школьное дело, достигнув к 1914 г. 21 689 479 руб., из них 18 775 113 руб. на начальные школы, 1 825 358 руб. на второклассные, 444360 руб. на церковно-учительские, 6900 руб. на преподавание сельского хозяйства, оставшаяся сумма на расходы по управлению школами⁷⁷. При увеличивающемся фонде казенных средств сохранялась тенденция роста местных денежных потоков.

Финансирование церковных школ со стороны государства продолжалось до 1917 г. Казенные кредиты, отпущенные на церковно-школьное дело, согласно распоряжению Временного правительства от 20 июня 1917 г. были переданы в ведение директора народных училищ⁷⁸.

Финансовые средства позволяли решать разные проблемы в функционировании церковных школ. Одной из них было обеспечение, прежде всего, начальных православных учебных заведений зданиями. До 1884 г. церковные школы не имели специальных школьных помещений. Все они находились в мало приспособленных помещениях: в частных крестьянских домах, в административных зданиях (сельская управа), в домах учителей (священников и дьяконов) или в церковных сторожках. После выхода «Правил о церковно-приходских школах» параллельно с увеличением количества начальных школ постепенно возрастало и число специальных школьных заведений. В 1897 г. собственные здания имели 11688 церковных школ, в 1914 г. уже – 27714⁷⁹. Вместе с тем, рос количественный показатель вновь построенных школ. В период с 1897

⁷⁵ РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 1968. Л. 1-42.

⁷⁶ Там же. Д. 704. Л. 295 об.

⁷⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода... за 1914 год. С. 319.

⁷⁸ ГАВО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 160. Л. 24-25.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 225-226; Церковные школы Российской империи к 1915 году... С. 11.

по 1905 г. ежегодно строилось около 1500 школьных помещений⁸⁰. Но, несмотря на положительный показатель, необеспеченными зданиями оставалось 1/3 церковных школ (в цифровом показателе от 13383 в 1907 г. до 9814 в 1914 г.). В основном это были значительная часть школ грамот (более 60%), а также одноклассные (16%) и двухклассные (9%) церковно-приходские школы⁸¹. Основными источниками строительства выступали местные средства. С середины 90-х годов XIX в. государство стало выделять пособия на строительство, но при условии, что на местах найдется не менее половины суммы. С 1913 г. при Синодальном училищном совете был образован церковно-школьный строительный фонд, который выделял ссуду или пособие на строительство или ремонт начальных школ, включенных в сети всеобщего обучения. Но они брались редко, т.к. обеспечивали лишь половину необходимых расходов по постройке школ. Не имея возможности воспользоваться ссудами центрального церковно-школьного строительного фонда «вследствие бедности населения и церковей, обремененных обязательными взносами на общепархиальные нужды» на местах пришли к идее создания собственных фондом⁸². Обсуждение данного вопроса и образование церковно-школьных строительных фондов в разных регионах (Смоленской, Уфимской, Владимирской епархиях) приходится на период 1914–1916 гг.⁸³ Но эта идея не получила широкого развития вследствие военных действий и последующих революционных событий. Только учительские церковные школы могли рассчитывать на серьезную финансовую помощь со стороны государства.

Здания церковных школ были разнообразны. Распространенным типом одноклассных церковно-приходских школ и в редких случаях школ грамоты были одноэтажные деревянные дома, крытые железом. Среди данного вида школ встречались и двухэтажные здания из дерева или камня с железной крышей⁸⁴. Выгодно отличались от одноклассных

⁸⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева... за 1896 и 1897 годы. С. 227; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода... за 1903-1904 годы. С. 246.

⁸¹ Церковные школы Российской империи к 1908 году. Статистические сведения / Разработаны в Статистическом Отделе при Синодальном Училищном Совете. СПб., 1909. С. 9; Церковные школы Российской империи к 1915 году... С. 11.

⁸² См.: РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 2427.

⁸³ Там же. Л. 2.

⁸⁴ Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Вып. III. С. 169.

здания двухклассных церковно-приходских и второклассных школ. В основном, это были двухэтажные деревянные или каменные постройки, крытые железом, реже – одноэтажные помещения. Церковно-учительские школы располагались в двух- и трехэтажных зданиях. Встречались, в частности во Владимирской, Нижегородской, Ярославской, Астраханской, Оренбургской, Тобольской, Грузинской, Казанской епархиях необычные здания начальных школ духовного ведомства – церкви-школы. Они устраивались, как правило, в приходах наиболее сильно зараженных расколом с целью привлечения раскольников в лоно православной церкви. В Суздальском уезде Владимирской епархии в приходе села Мошка с 1894 г. существовала часовня-школа.

Специально выстроенные для школ здания имели разную планировку, в зависимости от местных условий. Лучшие одноэтажные школы разделялись перегородкой на две половины: в одной из них находился класс, в другой – комната для учителя (иногда ночлежная комната для учеников), реже и для сторожа. В отдельных случаях школы имели еще кухню, столовую, коридор, сени с чуланом и клозетом, раздевалку. Многоэтажные школы имели несколько классных комнат, квартиру для учителя, библиотеку, комнату для ночлега детей и сторожа, раздевалку, коридор, чулан, кладовую и другие комнаты под хозяйственные нужды, во дворе (в основном учителей школ) – хозяйственные постройки (сарай, коровник, погреб, амбар, баня, ледник и другие).

Обстановка чаще всего не отличалась большим разнообразием. Мебель (в церковно-приходских, второклассных, церковно-учительских школах) составляли стол и стул для учителя, парты для учеников, классная доска и шкафы для книг. В школах грамоты она была скуднее и имела половину от вышеперечисленного. В одной из школ Астраханской епархии, располагавшейся в землянке, не было «ни стола, ни стула, ни шкафа, книги сложены кое-как в ящиках из-под конфет»⁸⁵.

По стенам в церковных школах обычно размещались портрет императора, листы краткого молитвословия, молитвы господней, символа православной веры и десяти заповедей Закона Божия. В некоторых учебных заведениях висели карты Палестины, Европейской России и полушарий, картины из священной истории.

Большинство церковных образовательных учреждений отапливалось с помощью печи. В не приспособленных для школ домах

⁸⁵ *Благодеров М.* Церковные школы Астраханской епархии в XIX веке и состояние учебного дела вообще в XVII и XVIII веках. С. 189.

чаще имела одна русская печь, реже – железная. В специально построенных зданиях имелось по несколько печей (русская, голландка, железная). В одной из главных церковно-учительских школ – Свято-Владимирской в Санкт-Петербурге действовало 62 голландских и железных печей, одна русская печь, девять каминов и три печи, отапливаемые коксом⁸⁶.

При некоторых школах существовали ночлежных приюты или общежития. К концу 1901 г. общежития существовали при всех церковно-учительских школах, 355 второклассных, 100 из 411 двухклассных, 871 из 21323 одноклассных, 157 из 21364 школ грамоты и четыре из 116 образцовых. Школ с ночлежными приютами насчитывалось 1826⁸⁷. Они были необходимы для детей, живущих далеко от школы, вынужденных ежедневно преодолевать расстояние в несколько верст.

Ночлежные приюты обычно располагались в особой или классной комнате школы. В некоторых школах Ярославской епархии для этих целей использовалась кухня⁸⁸. В лучших приютах было две комнаты: для мальчиков и девочек. Пребывание в ночлежных приютах детей было случайным и кратковременным. Число ночлежников колебалось, возрастая в суровую погоду до нескольких десятков на каждую школу и снижаясь до единиц с наступлением тепла.

Организованными по всем правилам были общежития. В большинстве случаев они располагались в специально приспособленных школьных помещениях. Некоторые имели особое здание. По установленным правилам учащиеся второклассных и церковно-учительских школ за проживание в общежитии вносили плату. Правда, были исключения. Например, в 1904/1905 уч. г. учащиеся Седельницкой второклассной школы Нерехтского уезда Костромской епархии содержались на казенные и попечительские средства. С них требовалось только 5 пудов ржаной муки и «кто мог – по 2 меры картофеля»⁸⁹. Право бесплатного питания во многих общежитиях предоставлялось детям-сиротам, беднейшим ученикам. Взнос за содержание в общежитии в школах не одинаков и устанавливался советом школ в начале каждого

⁸⁶ РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 423. Л. 285–286.

⁸⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905. С. 307.

⁸⁸ *Успенский И.П.* Церковные школы Ярославской епархии за двадцать пять лет (13 июня 1884 г. – 13 июня 1909 г.). С. 72.

⁸⁹ Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1904/5 учебном году // Костромские епархиальные ведомости. 1906. Прил. к № 6. С. 25.

учебного года в соответствии с местными условиями. Содержание одного ребенка в общежитии при второклассных школах в начале XX в. составляло в Вятской епархии от 10 руб. 50 коп. до 25 руб.⁹⁰, во Владимирской епархии от 20 до 30 руб.⁹¹, в Костромской епархии от 18 до 33 руб.⁹² В Хреновской церковно-учительской школе Костромской епархии в 1905/6 г. каждый «своекоштный» платил 50 руб. за содержание, а в 1909 г. за «помещение и стол» – 80 руб. в год⁹³. В 1912 г. в Киевской церковно-учительской школе плата составляла 90 руб. в год⁹⁴.

Существовавшая разница в оплате за содержание в общежитиях объяснялась предоставляемыми условиями (постель, учебники и учебные пособия, медицинская помощь), в том числе и различным меню. Так, в Корцовской и Вагановской второклассных школах Костромской епархии обед состоял из трех блюд, в других – из двух. В скоромные дни дети ели «горячее с мясом», кашу либо картофель с коровьим маслом или салом, в постные – «щи или суп с грибами, кашу или вареный картофель». В праздничные дни будничное «горячее кушанье» заменялось лапшой с мясом или белыми грибами, также подавалось в отдельных церковных школах жареное мясо. Угощали детей в эти дни и «пирогом с начинкой»⁹⁵. В некоторых школах в общий рацион питания не включали чай, сахар, печеный хлеб. Каждый ученик их имел только для себя.

Наличие общежития было удобно не только в бытовом плане, но и в воспитательном. По замечанию местных властей Харьковской епархии «общежитие оказывало большое воспитывающее влияние: чтение молитв, ежедневный уход за собой и своими принадлежностями, своевременный завтрак, обед, ужин, правильное распределение времени

⁹⁰ Второклассные церковно-приходские школы Вятской епархии / Сост. П. Воинов. Вятка, 1903. С. 22–28.

⁹¹ Сборник статистических и справочных сведений по народному образованию во Владимирской губернии. Владимир на Клязьме, 1910. Вып. VII. С. 159.

⁹² Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1904/5 учебном году. С. 24-25.

⁹³ Об условиях приема в Хреновскую церковно-учительскую школу в 1905-1906 году // Владимирские епархиальные ведомости. 1905. № 11. С. 314; Условия приема в Хреновскую церковно-учительскую школу в 1909 году // Владимирские епархиальные ведомости. 1909. № 16. С.115-116.

⁹⁴ Правила поступления в Киевскую церковно-учительскую школу. Киев. 1912. С. 2.

⁹⁵ Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1904/5 учебном году. С. 26.

между занятием и отдыхом – все это развивало в учениках воздержанность, порядочность, аккуратность и другие добрые навыки»⁹⁶.

Обучение в начальных церковных школах до середины 80-х годов XIX в. велось согласно требованиям «Положения о начальных народных училищах» 1874 г.⁹⁷ или в соответствии «с требованиями, существовавшими для учеников начальных школ по М.Н.Пр.»⁹⁸. В ряде случаев учителя в выборе предметов опирались либо на свои познания и опыт, либо на указания и пожелания родителей. Только в некоторых епархиях (Астраханской, Владимирской) педагоги до 1884 г. руководствовались специальными регламентирующими документами (программы, расписание, дисциплинарные правила), изданными местными властями. Только в 1886 г. определениями Святейшего Синода были утверждены программы учебных предметов для церковно-приходских школ. Для других типов начальных церковных школ программ не выработали. Обучение в них велось применительно к программе одноклассных церковно-приходских школ.

Программы для учительских церковных школ также появились не сразу. До начала XX в. учителя второклассных школ сначала руководствовались программами двухклассных церковно-приходских школ «с некоторыми дополнениями по усмотрению Советов сих школ»⁹⁹, а также «не вполне разработанными и законченными» «проектными» программами, составленными Училищным советом при Святейшем Синоде в 1898 г.¹⁰⁰ Педагоги церковно-учительских школ, находясь в аналогичном положении, руководствовались либо специально выработанными программами (Свято-Владимирская Санкт-Петербургской епархии и Дровнинская Смоленской епархии), либо работали по проектам второклассных школ. В одной из школ Могилевской епархии обучение осуществлялось по программе испытаний на звание учителя или учительницы церковно-приходской школы¹⁰¹. В 1903 г. были вве-

⁹⁶ Славянская второклассная церковно-приходская школа Харьковской епархии братьев Ивана и Авксентия Шнурковых. Харьков, 1900. С. 53–54.

⁹⁷ *Матюшенский А.* Церковно-приходские школы Самарской епархии... С. 95.

⁹⁸ Церковная школа в Симбирской епархии с 1884 года по 1908 год. Историко-статистическая записка, составленная Симбирским Епархиальным Училищным Советом. С. 20; *Захарьевский П.* Церковные школы Казанской епархии за 25 лет их существования (1884-1909). (Историко-статистический обзор). Казань, 1909. С. 51.

⁹⁹ *Матюшенский А.* Церковно-приходские школы Самарской епархии... С. 96.

¹⁰⁰ Настольная книга по церковно-школьному образованию. С. 256.

¹⁰¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода К. Победоносцева... за 1900 год. С. 350–351.

дены новые программы обучения в церковно-приходских, второклассных и церковно-учительских школах.

Начальные и учительские церковные школы давали разный объем знаний. В начальных одноклассных церковных школах преподавали Закон Божий (изучение молитв, священная история и объяснение богослужения, краткий катехизис), церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных церковно-приходских сверх этого давали начальные сведения из истории Церкви и отечества. Учащиеся второклассных школ изучали расширенный курс предметов начальной церковной школы, а также церковно-славянский и русский языки, общую и русскую церковную историю, отечественную историю, геометрическое черчение и рисование, географию со сведениями о телах и явлениях природы, начальные сведения по гигиене, чистописание, рукоделие (в женских школах). Старшему отделению читалась элементарная дидактика. Для практического ознакомления с приемами начального обучения при них создавались одноклассные церковно-приходские школы¹⁰². Лучшие ученики после окончания второклассной школы могли сдать экзамен на звание учителя церковно-приходской школы или продолжить образование в церковно-учительской школе. В ней предметный ряд был значительно шире низшей учительской школы. В частности, церковное пение было дополнено обучением регентованию и музыке, дидактика – «главным основанием педагогики», русский язык – словесностью и историей литературы, математика – землемерием. Самостоятельными предметами были география (всеобщая и русская) и «сведения о природе, ее силах и явлениях». Для практической подготовки при церковно-учительских школах существовали двухклассные церковно-приходские школы. Воспитанникам, окончившим высшие учительские школы с отличием выдавались аттестаты, а остальным – свидетельства, которые давали «право на звание учителя или учительницы начального училища»¹⁰³.

Церковные школы имели целью «утверждать православное учение веры и нравственности христианской», а потому на первое место ставилось обучение Закону Божию. Второе место по степени важности в предметном ряду занимало церковное пение. В некоторых начальных

¹⁰² См.: Положение о церковных школах ведомства Православного Исповедания // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1904. Т. XXII. 1902. Отделение 1. С. 210.

¹⁰³ Там же. С. 210–211.

церковных школах оно не преподавалось¹⁰⁴. Главными причинами этого явления были отсутствие подготовленных к преподаванию этого предмета учителей и «неимение» средств на наем особых учителей пения или на достаточное вознаграждение за труды членов клира.

В некоторых церковных школах преподавались дополнительные предметы. Наибольшее распространение получили рукоделие (для девочек) и ремесло (для мальчиков). В 1901 г. рукодельные занятия проводились в 5885, а ремесленные – в 495 начальных и учительских церковных школах¹⁰⁵. Лучшими школами по обучению рукоделию считались монастырские. Они имели опытных учительниц-монахинь, которые основательно учили вязанию, вышиванию, шитью, кройке. На высоком уровне обучали рукоделию в женских учительских школах. Ремесленные занятия имели разный характер. Обучали столярному, кузнечному, сапожному, слесарно-кузнечному делу. Статистические данные показывают, что более всего было распространено последнее ремесло как «наиболее посильное для детей и наиболее доступное в виду незначительности расходов»¹⁰⁶. Среди менее распространенных занятий, существовавших в церковных школах, можно отметить шеточное ремесло, плетение ковров (в Самарской епархии)¹⁰⁷, иконолитография, наклейка священных изображений на доски и лакировка их (в Казанской епархии)¹⁰⁸, обучение работать на пишущих машинках (в Харькове)¹⁰⁹, каменотесное дело (в Херсонской епархии)¹¹⁰, печное и штукатурное (в Холмско-Варшавской епархии)¹¹¹. Знания и умения, приобретенные в ходе практических занятий, позволяли воспитанникам обеспечивать себя и в будущем.

В некоторых церковных школах преподавали сельское хозяйство (пчеловодство, огородничество, садоводство, шелководство). Согласно

¹⁰⁴ Отчет Костромского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1896/7 учебном году. С. 34.

¹⁰⁵ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода К. Победоносцева... за 1901 год. Прил. С. 64–67.

¹⁰⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода... за 1902 год. С. 265.

¹⁰⁷ Матюшенский А. Церковно-приходские школы Самарской епархии... С. 114.

¹⁰⁸ Захарьевский П. Церковные школы Казанской епархии за 25 лет их существования (1884-1909). С. 54.

¹⁰⁹ Записка о церковных школах. С. 31.

¹¹⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода К. Победоносцева... за 1901 год. С. 303.

¹¹¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода... за 1902 год. С. 266.

общей статистике в 1900 г. при церковных школах всех разрядов насчитывалось 1471 сад, 1706 огородов, 97 пасек, 34 виноградника, 15 черводен¹¹², на 197 участках велось полевое хозяйство¹¹³. Причинами слабого распространения сельского хозяйства, согласно сведенным Училищным советом при Святейшем Синоде воедино отзывам с мест, являлись: «неподготовленность штатных учителей этих школ к сельским занятиям», необустроенность «быта учителей» (отсутствие «удобной учительской квартиры», маленькое жалованье), отсутствие необходимого инвентаря и средств, недостаток времени в учебном плане (учительских) школ, климатические условия¹¹⁴.

Долгое время не имел широкого распространения в церковно-школьном образовании такой предмет как военная гимнастика. Только в 1909 г. он стал обязательным в мужских церковно-учительских школах¹¹⁵. Тем не менее, он преподавался в разных типах школ. В частности, в Костромской епархии в 1910–1911 г. этот предмет был в семи церковно-приходских и некоторых второклассных школах¹¹⁶.

Иконописание тоже было редким предметом в расписании церковных школ. Известно, что оно преподавалось в Свято-Владимирской и Киевской церковно-учительских школах. В первой существовал особый иконописный класс, которым руководил академик А.Н. Новоскольцев. Работы воспитанников этой школы экспонировались на всероссийской церковно-школьной выставке в 1909 г.¹¹⁷

Из дополнительных предметов во втором классе Адиминской двухклассной (корейской) церковно-приходской школы Владивостокской епархии бесплатно преподавалась анатомия, которую вел фельдшер-кореец¹¹⁸.

До середины 80-х годов XIX в. учебный год в начальных церковных школах начинался и оканчивался по усмотрению учителя и определялся различными обстоятельствами, связанными, главным образом, с полевыми работами. С утверждением в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах» местные церковно-школьные власти

¹¹² Черводня - помещение для выкормки гусениц тутового шелкопряда

¹¹³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода К. Победоносцева... за 1900 год. С. 353.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 823. Л. 24, 235, 245, 255, 370.

¹¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 1972-а. Л. 6 об.

¹¹⁶ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 учебный год. С. 45–46.

¹¹⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы. СПб., 1911. С. 628.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 803. Оп. 16. Д. 2244. Л.10.

пытались ввести однообразный порядок: начинать занятия с сентября – начала октября и заканчивать в мае.

Учебный день в начальной школе обычно длился пять-шесть часов, иногда доходил до семи часов. В среднем проводилось пять уроков. В учительских школах продолжительность учебного дня была, безусловно, больше. В Радчицкой второклассной школе Варшавской епархии ежедневно, кроме субботы было по семь-восемь уроков, по субботам – четыре урока¹¹⁹. Разные типы начальных школ имели свои особенности. В Середской школе грамоты Костромской епархии занятия велись в две смены с каждой группой по два часа (с 9 до 11 и с 14 до 16)¹²⁰. Обучение во всех церковных школах, за исключением некоторых школ грамоты, проходило по группам или отделениям. Если в школе был один учитель, то занятия проводились одновременно со всеми отделениями.

Учебный год заканчивался «предварительными и переводными» для всех учащихся и выпускными экзаменами для старшего отделения. Но все успешно их сдавали. В случае неудачи на испытании воспитанников либо оставляли на повторительный курс, либо назначали переэкзаменовки¹²¹.

Главным в содержании образования церковной школы был воспитательный процесс, основанный на принципах преданности Православной Церкви и престолу. Церковно-школьная система имела достаточно широкий спектр воспитательных средств. Важным воспитательным средством являлся школьный хор. Он «вносил в школьную жизнь элемент красоты, оживлял и поддерживал религиозное чувство, украшал богослужение, сближал между собой детей»¹²². Вторым воспитательным средством местное церковно-школьное управление называло народные чтения, которые проходили в воскресные и праздничные дни. На них присутствовали не только учащиеся школ, но и взрослое население. В регионах проводились чтения различного характера: религиозно-нравственные, исторические, литературные, миссионерские, противоялкогольные, сельскохозяйственные и т. д. Для учащихся церковных школ устраивались праздники.

¹¹⁹ Там же. Оп. 12. Д. 33. Л. 53.

¹²⁰ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912/13 учебный год // Костромские епархиальные ведомости. 1914. № 14. С. 392.

¹²¹ РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 391. Л. 172; Оп. 11. Д. 1972-а. Л. 6, 11 об.; Оп. 12. Д. 33. Л. 146.

¹²² Отчет Костромского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1896/7 учебном году. С. 37.

Ежегодными во многих православных школах были праздники Рождества и 11 мая – в честь первых славянских учителей свв. Кирилла и Мефодия. Воспитанники школ духовного ведомства принимали участие в государственных праздниках: воспоминание о войне 1812 г., 300-летия Дома Романовых. Отмечались в церковных школах местные храмовые праздники, годовщины открытия учебного заведения¹²³. Воспитательную функцию имели устраиваемые отдельными церковными школами паломничества и экскурсии. Обычно они проходили весной-летом, когда заканчивались экзамены, а сельскохозяйственные работы еще не начинались¹²⁴. Большое значение в воспитании детей имела дисциплина в школе. Физическое наказание властями не допускалось, но на практике это встречалось¹²⁵. Общий дух, господствовавший в воспитании учащихся, строго соответствовал главной идее школы – церковно-религиозной. Первостепенным был принцип воспитания в духе православной веры.

В конце XIX – начале XX вв. в результате последовательной государственной политики в России сложилась стройная система церковно-школьного образования, включавшая разные типы начальных и учительских учебных заведений. Централизованная управленческая структура, состоявшая из нескольких звеньев, обеспечивала жизнедеятельность православных школ. Начальные и учительские церковные школы выполняли не только образовательную, но и воспитательную функцию. Весь строй жизни православных учреждений определялся «просвещением учащихся светом православной веры». Школы ведомства православного исповедания имели ряд недостатков в организации и функционировании. Но они объяснялись, прежде всего, недостаточным финансированием. Важным показателем их состоятельности являлся процент грамотности населения. Так, в пореформенный период в России она составляла 7%, в конце XIX в. – 20%. Причем число обучавшихся в средней школе по отношению ко всем грамотным было всего 4%¹²⁶. Начальные церковные школы смогли охватить значительную часть детей школьного возраста, а учительские – дать педагогическое образование. Таким образом, церковно-школьная система, преследовавшая «клерикально-политические цели», сыграла положительную роль в распространении как народного образования, так и основ православной нравственности.

¹²³ См.: РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 704. Л. 215.

¹²⁴ См.: Там же. Оп. 16. Д. 118. Л. 1-12.

¹²⁵ ГАВО. Ф 450. Оп.1. Д. 120. Л. 77–78, 124.

¹²⁶ Лондон Б.Н. К истории церковно-приходских школ. С. 40.

Многие региональные исследователи в России, специализирующиеся в области истории образования, социальной истории, гендерной истории в последнее десятилетия регулярно обращаются к сюжетам, посвященным изучению социальной деятельности церковных структур в Российской империи¹.

Ведущие позиции в церковно-социальной работе занимали женские по своему составу организации – в первую очередь, женские общины и женские монастыри, и ориентировались они в значительной степени на создание системы опеки, попечительства и образования в отношении женщин, девушек и девочек, то есть той категории населения, которая оказалась менее защищенной в стремительно модернизирующейся России. В предлагаемой статье поставлена задача проанализировать концепты православной церковной среды, проистекающие из видения роли женщин в обществе, а конкретно – образовательные стратегии, предлагаемые в отношении женщин.

Предоставление образования женщинам духовного сословия

Православное духовенство в Российской империи было образованнее других сословий и по уровню образования превосходило даже дворянство: в 1835 г. высшее и среднее специальное образование имело 43% священников, а в 1904 г. – 64%. В середине XIX в. среди высшей бюрократии России насчитывался 61% людей с высшим и средним образованием, а среди священников – 83%². Интеллектуальный разрыв между священниками и их женами осознавался современниками; и первые образовательные учреждения для женщин из духовного сословия изначально возникли в результате потребности воспитать образованных спутниц для священников, наладить систему подбора жен для будущих священнослужителей. Соответственно появление первых училищ для девиц «духовного звания» вполне вписывается в

* Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ № 15-18-00135 Проект «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

¹ См. *Паршина В.Н.* Гендерный аспект образования России второй половины XIX века: историография вопроса // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 879–884.

² *Миронов Б.Н.* Социальная история России. СПб., 2000. Т. 1. С. 104. См. подробно о жизни детей духовенства: *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А.Ю. Полунов. М., 2015.

существовавшую в России систему сословного образования. Возникновению учебных заведений для дочерей духовенства способствовали и социальные факторы – потребность в социальной защите и призрании детей малообеспеченных священнослужителей и девочек-сирот, которых было множество в духовном сословии.

Первое училище для девиц духовного звания было открыто в 1843 г. в Царском Селе³, устав и штат этого училища были положены в основу уставов подобных, открываемых позднее, училищ⁴. Первоначально училище в Царском Селе, а затем еще несколько основанных по его образцу, были взяты под покровительство великой княжной Ольгой Николаевной, а после ее отъезда из России, обязанности по управлению этими училищами были переданы императрице Марии Александровне⁵. Задачей училищ виделось давать воспитание, «вполне соответствующее их двоякому назначению: а) быть достойными супругами служителей Церкви; б) быть достойными попечительными матерями, которые воспитали бы детей своих в правилах благочестия и добронравия»⁶. Отличительной особенностью этих училищ было то, что они содержались на средства духовного ведомства – Духовно-учебного комитета Св. Синода⁷, – и получали субсидии (часто в форме приданого) от членов императорской семьи, а служащие этих училищ состояли на государственной службе. Число дочерей духовенства, преимущественно сирот, обучавшихся в училищах, было невелико. К 1860 г. существовало четыре «училища девиц духовного звания» (Царскосельское, Ярославское, Казанское, Иркутское), в которых обучалось в общей сложности 279 чел. К 1866 г. таких училищ было уже 11, в них обучалось 594 воспитанницы. К 1879 г. число училищ, находившихся под покровительством императрицы, не увеличивалось, но значительно возросло число воспитанниц и составило 1006 учениц, так что Св. Синод вынужден был ограничить прием воспитанниц в эти учи-

³ См. работу: *Попова О.Д.* В стенах конквикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2006.

⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1843 г. СПб., 1844. С. 48.

⁵ *Попова О.Д.* «...Юные дети, вашей помощи во учении книжном просящая...». О системе учебных заведений для дочерей духовенства в дореволюционной России // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 247.

⁶ Об училищах для девиц духовного звания // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. 1. С. 172.

⁷ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1866 г. СПб., 1867.

лица⁸ и до 1917 г. их количество увеличилось лишь вдвое (в 1914 г. – 2177 воспитанницы).

С самого начала возникновения эти училища должны были решать социальные (а не только и не столько образовательные) задачи: туда принимали сирот из семей священников или дочерей беднейших клириков; для того, чтобы обеспечить будущее воспитанниц, епархиальное начальство прикрепляло их к определенному приходу, и желающий занять место священника на этом приходе должен был жениться на такой воспитаннице.

Новый этап в истории религиозного женского образования начинается в период Великих реформ Александра II, когда наблюдается стихийное появление женских духовных учебных заведений по всей стране. Это явление вписывается в контекст стремительно модернизирующегося российского общества, в котором на протяжении короткого промежутка времени возникает система сословных женских учебных заведений с достаточно широким общеобразовательным курсом⁹.

⁸ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1879 г. СПб., 1880. С. 192.

⁹ *Аминова Л.Я.* История женского образования в Башкирии. Вторая половина XIX – начало XX века. Уфа, 2005; *Васильева С.П.* Женское образование в России в середине XIX–XX в.: процесс становления и развития, типы женских учебных заведений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 6 (86). С. 253–262; *Заозерская С.В.* Женское образование на Архангельском севере (вторая половина XIX – начало XX в.) // Педагогика. 2005. № 5. С. 87–90; *Зотова Л.М.* Система женского образования в России в начале XX века в связи с проблемой востребованности и перспектив женского труда: историко-социальный аспект // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2012. № 1 (5). С. 11–15; *Кацалова Н.Ф.* Становление организационно-правовых основ женского образования в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. Т. 2. № 4[14]. С. 161–166; *Косетченкова Е.А.* История становления женского профессионального образования в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 3–4. С. 129–136; *Лисюнин И.В.* Гендерный аспект реализации проекта женского образования в Тамбовской губернии на рубеже XIX – XX вв. (на примере Тамбовской епархии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (93). С. 283–289; *Мартыненко Н.К.* Общественные инициативы женского образования как фактор институционализации гражданского общества в России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 1[15]. С. 208–218; *Павлидис В.Д.* Развитие системы средних учебных заведений министерства народного просвещения на Урале в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2006. № 3. С. 36–45; *Реза-*

Формирование системы женского образования в духовном ведомстве имело свою ярко выраженную специфику.

Во-первых, в контексте политической ситуации в Западном крае имперская власть формулирует запрос к православному духовенству стать структурной опорой для монолитности и стабильности империи через православизацию и укрепление русской народности. Еще в 1859 г. был представлен вице-директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий П.Н. Батюшковым на рассмотрение императору Александру II «Проект всеподданнейшей записки об учреждении училищ девиц духовного звания в западных губерниях», а восстание 1863–1864 гг. способствовало ускорению открытия Минского и Полоцкого женских духовных училищ¹⁰.

Во-вторых, в контексте общего подъема общественной активности представители духовного сословия выступают с рядом инициатив по решению проблем своего сословия. Ежегодные отчеты обер-прокурора Св. Синода сообщают, что в епархиях на местные средства начинают открываться женские училища, создаваемые по инициативе местного духовенства, которое, «глубоко осознавая потребность в образовании своих детей женского пола и все более убеждаясь в благодетельности учрежденных для сего женских духовно-учебных заведений»¹¹, активно занимается их открытием и благоустройством. Отчет за 1867 г. объяснял деятельность духовенства в этом направлении тем, что «выгоды образования, получаемого в женских духовно-учебных заведениях, которые, при скромных экономических и учебно-воспитательных силах, с достоинством выполняют свое призвание, более и более привле-

люк М.М. Женские гимназии и училища в российском образовании начала XIX века // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 24–26; Терехова А.А. Женское образование в Воронежской губернии второй половины XIX – начала XX века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 1 (262). С. 193–196; Титаренко Ю.И., Чуканов И.А. Прогрессивные подходы к женскому образованию в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Симбирский научный вестник. 2011. № 4. С. 42–48; Хлопкова Н.П. Формирование единого всесословного образовательного пространства женского населения в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) // Наше Отечество. Страницы истории Сб.научн. ст. / Отв. ред.В.В. Журавлёв. М., 2014. С. 82–85.

¹⁰ Ступакевич М.А. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX – 1917 год). Гродно, 2006. С. 79; Восович С.М. Женские училища православного ведомства на территории Беларуси в XIX – начале XX в. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. 2001. № 1. С. 45–51.

¹¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1870 г. С. 196.

кают к сим училищам симпатии духовенства, укореняя в нем убеждение в их необходимости и благодетельности для духовного сословия»¹².

Епархиальные училища создавались по инициативе местного духовенства и находились на его «попечении», то есть содержании, управлялись епархиальными архиереями, а административно подчинялись Учебному комитету Св. Синода. Содержались они за счет местных епархиальных сумм, на взносы благотворителей и на пожертвования духовенства¹³. Разброс как в материальных возможностях, так и в учебных программах был весьма велик. Уровень содержания училищ зависел от благотворительных взносов, а создание образовательной системы и преподавание различных предметов от желания преподавателей других учебных заведений участвовать в деятельности училища. Исследовательница О.Д. Попова писала: «благотворительный взнос и желание учить "в пользу бедных" нельзя считать явлением постоян-

¹² Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1867 г. С. 134.

¹³ См.: *Андреева Е.А.* Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России, середина XIX – начало XX века. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. М., 2000. См. также исследования по истории отдельных женских епархиальных училищ: *Ергин Ю.В., Свище Я.С.* Уфимское епархиальное женское училище (1862–1919) // Педагогический журнал Башкортостана. 2014. № 4 (53). С. 122–143; *Ефремова У.П., Попов М.В.* Епархиальное женское училище и подготовка учительских кадров в Екатеринбурге (1880–1920-е гг.) // Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге (1871–1930). Екатеринбург, 2012. С. 56–71; *Ляпина А.В.* К вопросу об истории женского духовного образования в Самарской губернии в XIX - начале XX вв. // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 128–131; *Мурских Л.В.* Орловское епархиальное женское училище в конце XIX – начале XX вв. // Булгаковские чтения. 2008. Т. 2. № 2. С. 287–297; *Святненко А.В.* Становления та розвитку жіночих духовних училищ на Правобережній Україні: друга половина XIX – початок XX ст // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2013. № 3. С. 170–176; *Тимшина В.Н.* Открытие Вятского епархиального женского училища: как это было // Наука третьего тысячелетия. Сб.ст. международной научно-практической конференции. Уфа, 2014. С. 56–58; *Федина И.М.* Епархиальное женское училище в Екатеринодаре // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 2. С. 47–48; *Чумакова Э.Е.* Епархиальное женское училище Екатеринбург (1880–1920). Екатеринбург, 2010; *Шафранова О.И.* Ставропольское епархиальное женское училище (1875–1919) // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 3 (42). С. 203–207; *Якименко В.В.* Из истории возникновения первых московских епархиальных женских училищ // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 6. С. 116–126.

ным. Любой из таких благотворителей мог в любой момент или отказаться выполнять свои обязанности или уехать или даже умереть... Зависимость училища от таких случайных факторов делала их существование нестабильным»¹⁴.

Спонтанность и наличие мощной инициативы «снизу» в становлении этих училищ подтверждается разнообразием формулировок задач, стоящих перед ними. Например, Пензенское училище делало упор на воспитание, Архангельское училище должно было служить расширению грамотности, а главное – «для всяческого укоренения истинного христианского просвещения». Цель открытия женского училища в Тобольске была в том, чтобы «дать приют и пропитание беспомощным сиротам-девицам местного духовенства, не имеющим ни крова, ни пропитания, и вместе с тем, дать им приличное воспитание и образование, соответствующее их будущему назначению – быть достойными супругами священнослужителей, благопопечительными матерями семейств и сведущими и опытными хозяйками»¹⁵.

Нижегородский преосвященный, представляя проект училища, в 1866 г. писал: «надо бы только подробнее определить – каким образом из девицы образовать смышленную хозяйку, искусную швею, трудолюбивую и способную к перенесению трудов женщину, которая могла бы обходиться в жизни без кухарки и без всякой прислуги; которая в несчастных обстоятельствах жизни могла бы содержать себя с семейством трудами рук своих. Научное образование, получаемое девицами, хотя бы и религиозное, без практического личного знакомства со всякими трудами и занятиями по всем частям домашнего хозяйства и благоустройства, может изнеживать их организм, отучать от труда физического, может поселить ложный стыд к так называемым черным трудам даже в тех воспитанницах, которые, по выходе из заведения, должны будут жить в курной и грязной избе бедной вдовы матери или бедного отца»¹⁶.

При всем разнообразии сформулированных на первоначальном этапе возникновения епархиальных училищ задач, основной их целью было давать религиозно-нравственное воспитание для дочерей духовенства и «приготовлять» их к замужеству, что было

¹⁴ Попова О.Д. О системе учебных заведений для дочерей духовенства в дореволюционной России // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 249.

¹⁵ Несколько слов об открытии училища для девиц-сирот духовнаго звания в Иоанно-Введенском женском монастыре // Тобольские губернские ведомости. 1866. 9 апреля. С. 101.

¹⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 гг. СПб., 1910. С. 365.

единственным способом обеспечения девочек-сирот, процент которых в училищах был велик. Во многих епархиях сохранялась практика зачисления освободившегося вакантного места (священнического, дьяконского, псаломнического) в епархии за выпускницей-сиротой местного епархиального училища. Выпускник духовной семинарии или духовного училища мог занять эту должность, только женившись на указанной ему девушке.

1867–1868 гг. становятся рубежом в истории духовного сословия в целом, его женской части в особенности. Проводимые государством реформы по уничтожению сословной замкнутости духовенства отразились на дочерях духовенства тем, что Св. Синодом в 1867 г. была запрещена практика, позволяющая решать обеспечение девочек-сирот, путем «“зачисления” священно-церковнослужительских мест за дочерьми или родственницами занимавших сих места лиц, с правом определения на эти вакансии тех кандидатов, которые вступят в брак с такими девицами»¹⁷. Соответственно такой способ обеспечения девочек-сирот духовенства становится невозможным.

В 1868 г. Учебным комитетом при Св. Синоде был разработан общий устав для епархиальных училищ¹⁸, утвержденный Синодом 28 сентября 1868 г.¹⁹

Образовательный план включал в себя следующие предметы: Закон Божий, русский язык, русская словесность, славянский язык, арифметика, основы геометрии, география, история, основы физики, педагогика, церковное пение, чистописание, домашнее рукоделие, а также дополнительные предметы по желанию²⁰. В дальнейшем создавались унифицированные программы курсов, совершенствовались, составлялись учебники и т.д.

Устав предполагал получение учащимися, говоря современным языком, профессионального педагогического образования. (Еще в 1866 г. в учебный план женских духовных училищ, по предложению обер-прокурора Д.А. Толстого, была включена педагогика, что было утверждено Св. Синодом т.к. «лица женского пола духовного звания... с успехом трудятся и на поприще начального народного образования.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (далее: ПСЗРИ). СПб., 1867. Т. XLII. № 44758.

¹⁸ Этот устав не распространялся на училища, находившиеся под покровительством императрицы.

¹⁹ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода графа Д.А. Толстого за 1867 г.; ПСЗРИ. Второе собрание. СПб., 1868. Т. XLIII. № 46271: Устав епархиальных женских училищ.

²⁰ Устав епархиальных женских училищ. СПб., 1868.

Интересы сего последнего заставляют желать, чтобы столь полезная деятельность не только была продолжена, но и получила со временем более широкое развитие»²¹.)

В задачи разработчиков нового устава входило предоставление возможностей для дальнейшего обеспечения выпускниц епархиальных училищ: если раньше устроители духовных училищ ставили первоочередной задачей обеспечить своих выпускниц замужеством, то теперь «по параграфу 111 устава “выпускницы получают” право на звание домашних учительниц тех предметов, в коих они оказали хорошие успехи, без особого на это звание испытания»²².

В последующие годы право на звание домашних учительниц получили и выпускницы училищ девиц духовного звания, «присвоение этого преимущества воспитывающимся в женских училищах духовного ведомства дочерям духовенства, при бедности большинства в этом сословии, имеет весьма важное значение, – облегчая им возможность приобретать себе средства к жизни занятиями обучением детей, домашним и школьным», – отмечалось в отчете обер-прокурора Св. Синода²³.

Епархиальное руководство должно было провести значительную реорганизацию, для приведения училищ в соответствие с Уставом 1868 г. Во многих училищах вследствие недостатка средств для переустройства реорганизация проходила в течение длительного времени и была значительно поднята плата за обучение²⁴. О недостатке материальных средств для содержания этих училищ²⁵, с одной стороны, и об отсутствии средств у сельского духовенства для оплаты обучения своих дочерей в епархиальных училищах, с другой стороны, сообщается даже в отчетах обер-прокурора Св. Синода: «учрежденные правительством и самим духовенством женские духовные училища не в состоянии вполне удовлетворить весьма широкой потребности женского образования в среде духовенства. Предназначенные главным образом, или исключительно, для дочерей священнослужителей, не обладая

²¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1866 г. СПб., 1867. С. 91–92.

²² Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1870 г. СПб., 1871. С. 195.

²³ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1871 г. СПб., 1872. С. 157.

²⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1873 г. СПб., 1874. С. 136.

²⁵ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1878 г. СПб., 1879. С. 225.

средствами на широкий, соответствующий многочисленности духовенства, состав воспитанниц и, вследствие той же ограниченности средств, требуя с большинства их хотя невысокой платы за содержание, – они остаются недоступными для массы сельских причтов и особенно для низших членов их»²⁶. Устав не ограничивал учащихся в училищах только дочерьми духовенства. За более высокую плату могли обучаться и выходцы из других сословий. Интересно, что Саратовское, Донское, Полоцкое епархиальные училища обращались в 1913–1914 гг. в Синод с просьбой разрешить принять дочерей старообрядцев. Однако в целом наблюдался низкий процент иносословных учащихся (около 10% в начале XX в.), что по мнению исследовательницы О.В. Поповой связано было, в первую очередь, с хроническим недостатком мест в епархиальных училищах.

В 1860-е годы епархиальные училища не избежали влияния национально-охранительной идеологии образовательной политики правительства. Так, наблюдается стимуляция со стороны государства открытия женских училищ в западных епархиях, что было связано с политическими соображениями православизации и русификации Западного края. Развитая образованием женщина православного духовного сословия могла стать «великой нравственной силой», оказывающей влияние на местное народонаселение и должна была противостоять мощному культурному воздействию польского католицизма. Другим востребованным направлением была борьба с «сектантством». Так в Саратовском женском епархиальном училище воспитанниц обучали навыкам полемики с сектантами.

После введения педагогики в качестве обязательного предмета во второй половине 1860-х годов начинают создаваться начальные школы при училищах для девиц духовного звания и епархиальных женских училищах – «для умения и навыка разумно прилагать к делу приобретенные в школе познания». В этих школах обучение было бесплатным, и занятия могли посещать люди любого возраста.

К началу XX в. в деятельности епархиальных женских училищ налицо были следующие тенденции: повышение качества образования, увеличение количества предметов; увеличение и стабилизация преподавательского состава, увеличение количества воспитанниц; повышение требований к поступающим. Так, например, абитуриентки Тверского епархиального училища в 1901 г. должны были по Закону Божьему знать общеупотребительные молитвы, Символ Веры, десять

²⁶ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1870 г. СПб., 1871. С. 201.

заповедей, с кратким объяснением их. По русскому языку необходимо было правильно писать под диктовку и бегло читать по-русски и по-церковнославянски, с умением пересказать прочитанное и знать несколько стихотворений наизусть. По арифметике требовалось умение производить все четыре действия арифметики над числами в пределах 100 и решать задачи с небольшими числами²⁷. Для епархиальных училищ была характерна гибкость программ, во многих из них были рукодельные классы, часто при училище были приюты для сирот. Во многие училища был серьезный конкурс на поступление, не хватало вакантных мест.

В деятельности женских епархиальных училищ оставались следующие нерешенные проблемы: отсутствие единого и полноценного финансирования и зависимость его от расположения епархиального начальства и частных пожертвователей. До конца существования Империи государство так и не нашло возможности взять на себя обеспечение женских епархиальных училищ, хотя и возлагало на их выпускниц решение определенных социальных задач. В результате низкой зарплаты неизбежной была высокая мобильность педагогических кадров. Очень многие училища страдали от недостатка или отсутствия помещений, и поэтому не могли увеличивать количество воспитанниц, огромной проблемой становилось даже приобретение рояля для училища. Одновременно наблюдались хроническое отставание от программ женских гимназий Министерства народного просвещения, неудовлетворенность воспитанников своим положением и наличие в их среде протестных настроений. Во время первой русской революции прокатилась волна мощных беспорядков в духовно-учебных заведениях как мужских, так и женских. Основным требованием воспитанниц стало преобразование епархиальных училищ по типу женских гимназий.

Итак, после реформы духовного сословия получение образования для дочерей духовенства становится чуть ли не единственным способом обеспечения для них будущего, поскольку шансы выйти замуж за будущего служителя церкви были невелики в связи с недостатком вакантных мест для священнослужителей. Ориентация на педагогическую и социальную работу среди низших слоев населения, навыки ведения хозяйства в ограниченных материальных условиях, становятся важной характеристикой предлагаемого образования.

²⁷ От Совета Тверского епархиального женского училища // Тверские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1901. №11. С. 280.

Востребованность выпускниц училищ духовного ведомства

Выше мы показали, как пиетистское представление (доминировавшее в политике Российской империи в отношении духовного сословия) о том, что духовенство должно выполнять и просветительские функции по отношению к населению, вылилось в то, что женщинам духовного ведомства также была предопределена педагогическая сфера. В отличие от европейских соседей в Российской империи к середине XIX в. была катастрофическая ситуация с начальным образованием основной массы населения, и государство стремилось использовать «наличные ресурсы» для решения проблем образования. Бедственное положение крестьянства, его «брошенность» после реформ, безграмотность, отсутствие медицинской помощи ставят перед женщинами вопрос о необходимости получения образования для служения ближнему. Учительская, просветительская деятельность в России, будучи низкооплачиваемой и нестабильной профессией (в отличие, например, от Австро-Венгерской империи), и стала той нишей, где женщины могли, с одной стороны, не конкурировать с мужчинами за рабочие места, а с другой стороны, в полной степени реализовывать идею жертвенного служения на благо народу.

Со времени Великих реформ наблюдается постоянный рост начальных школ для населения, и в их создании доминировало Министерство народного просвещения, а с 1880-х годов стремительно развивается сеть церковно-приходских школ, подчиненных Ведомству православного исповедания. Между этими двумя ведомствами существовала конкуренция, особенно в связи с тем, что выпускники МНП часто обвинялись в неблагоденности по отношению к трону.

Судя по всему, профессиональная деятельность выпускниц епархиальных училищ приобретает общегосударственную значимость, о чем свидетельствует появление с конца XIX в. в ежегодных отчетах обер-прокурора Св. Синода информации о том, сколько выпускниц епархиальных училищ заняты преподаванием в церковно-приходских и в школах Министерства народного просвещения или сколько продолжило свое образование. Выпускницы начинают играть значительную, если не ведущую роль в становлении начального народного образования. Они соглашались на работу в народных или церковно-приходских школах в самых глухих местах на низкооплачиваемых должностях.

Статистические сведения о масштабах деятельности епархиальных училищ были собраны А. Кузнецовым в связи с 40-летием принятия Устава женских епархиальных училищ в 1908 г. (он анализировал выпуски за 1903–1907 гг. в 13 епархиальных училищах). Всего этими училищами было выпущено 2634 девушки, из них 1010 были определены в

качестве учительниц в церковно-приходские школы (ЦПШ), 587 поступили на работу в школы МНП (то есть около 60% выпускниц пошли работать учительницами)²⁸. Всего к 1907 г. в церковно-приходских школах России трудилось 8 554 учительницы.

К 1913 г. в Российской империи в 74 епархиальных училищах обучалось 28 671 человек; это число превысило количество обучающихся в духовных семинариях (22 734) на 26%. В 1913 г. окончили епархиальные училища 6030 человек. Из них отправились преподавать в церковно-приходские школы 949 человек, в школы министерства народного просвещения и земские - 628, продолжили свое образование 162 чел.²⁹

К началу первой мировой войны женщины в России составляли абсолютное большинство среди учителей, значительная часть из них была выпускницами училищ духовного ведомства³⁰. Например, в 1914–1915 гг. в 563 церковно-приходских школах Ярославской губернии из 702 преподавателей общеобразовательных предметов было 530 учительниц³¹. Сегодня не представляется возможным дать исчерпывающую картину деятельности выпускниц епархиального училища, судьбы многих после Октябрьской революции сложились трагически. Многие пытались скрывать факт учебы в «церковных» учебных заведениях. Однако в постсоветских биографиях многих «заслуженных учительниц», по 50–60 лет преподававших в советских школах, присутствует информация об окончании ими женских епархиальных училищ.

Женское богословское образование

Процесс модернизации в России шел крайне неравномерно и сопровождался многими социальными крайностями. Освобождающиеся

²⁸ Кузнецов А. Епархиальные женские училища // Прибавления к церковным ведомостям. 1909. № 11. С. 517.

²⁹ Всеподданейший отчет обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916. С. 242. Приложение. С. 117. В отчете специально указывалось, что "около половины всех оканчивающих курс женских училищ духовного ведомства и епархиальных, по выходе из училищ, поступают на учительские должности в начальные народные школы как духовного, так и светских ведомств. Это обстоятельство наглядно убеждает в том, что названные училища служат целям не только ведомственным, но и общегосударственным". Там же. С. 249.

³⁰ Алешина С.А. Женские епархиальные училища в деле подготовки педагогических кадров для народных школ // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 1 (38). С. 140–144.

³¹ Отчет Ярославского епархиального наблюдателя школ церковноприходских... Ярославль, 1915. С. 4.

из традиционной семьи женщины³², имея крайне ограниченные возможности для социальной интеграции, оказывались в рядах радикалов, нигилистов или революционеров, что было неоднократно описано в русской художественной литературе.

Другая часть незамужних женщин находила себе место в религиозных общинах, и мы видим к началу XX в. уникальный рост насельниц женских монастырей и общин, выполняющих важные социальные функции. Активность женщин в этих общинах выходила за границы аскетических монашеских практик и вопрос институционализации в Церкви женской социальной активности тоже стоял на повестке дня³³.

На первый взгляд парадоксальным образом представители Православной церкви, часто правоконсервативных взглядов, активно участвовали в обсуждении публичного пространства деятельности женщин и выступали за расширение их присутствия в общественной и церковной сфере. Некоторые церковные деятели пытались противопоставить верующих христиански образованных женщин антирелигиозно настроенным активисткам женского движения, рассматривая их как важное средство для «просвещения народа на исконных православно-русских началах в начальных народных школах»³⁴. Как и в случае с вопросом о предоставлении женщинам профессионального образования, так и в вопросе допущения женщин к изучению богословия, представители Церкви, которые в общественно-политической жизни находились на правоконсервативных позициях, активно выступали за расширение возможностей для женщин.

Новый виток активного обсуждения о получении женщинами образования, в том числе богословского, приходится на период после первой русской революции. При этом попытки создания разного рода богословских курсов для женщин делались уже в 80-е годы XIX в. Например, одна из них была предпринята протоиереем А.М. Иванцовым-Платоновым в виде чтения отдельных лекций по богословским вопросам для образованных женщин³⁵. Предпринимались попытки и

³² *Belyakova N., Belyakova T. Women's rights in the Late Russian Empire: the paradoxes of the Legislative Basis in the Family Sphere // Ed. / Eva Schandevyl. Women in Law and Lawmaking in Nineteenth and Twentieth-Century Europe. Ashgate, 2014. P. 199–231.*

³³ *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011.*

³⁴ *Всепопданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1908. С. 112.*

³⁵ *К открытию в Москве Высших женских педагогических курсов. Историческая справка // Православный благовестник. 1916. № 12. С. 66.*

по оформлению с просветительскими целями в Санкт-Петербурге общин диаконисс.

В 1907 г. на имя обер-прокурора Св. Синода П.П. Извольского поступило из Казани прошение об организации богословских занятий для женщин; в течение года профессорами Казанской духовной академии было выработано «Положение о женских богословских курсах», согласно которому занятия имели целью «восполнение богословских знаний, получаемых женщинами в средней школе, и, по связи богословия с философией, сообщение слушательницам необходимых сведений по философии»³⁶. С 1910 до 1917 г. в Казани действовали женские богословские курсы, хотя и не очень многочисленные.

В 1910 г. в Москве возникли женские богословские курсы, основанные «Союзом христианских матерей» под председательством графини З.В. Коновницыной при «Обществе содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей» кн. С.А. Голицыной. «В задачи курсов входило сообщать образованным женщинам научное изложение веро- и нравочужения христианской педагогики в применении к обучению детей дошкольного и школьного возраста и преподаванию их народу в народных и иных школах, посредством чтений».

Прот. Иоанн Восторгов, который принимал большое участие в открытии этих курсов и разработал их устав, написал докладную записку на имя митрополита Московского Владимира (Богоявленского) и подал ее вместе с прошением об открытии Высших богословских женских курсов. Записка И. Восторгова заслуживает, несомненно, большого внимания. Он следующим образом объяснял причины необходимости серьезного отношения к женскому религиозному образованию. Во-первых, он указал на проблему незамужних девушек: «Жизнь приняла такое направление, что оставляет множество девушек вне семьи и замужества. Прежде такое явление разрешалось женскими монастырями, и доныне для множества не нашедших замужества девушек и вдов, особливо в среде простого народа, монастырь служит путем здоровой в нравственном отношении и осмысленной жизни: недаром статистика указывает, что число насельниц женских монастырей за одно только царствование императора Александра III увеличилось в абсолютном выражении на 23 тыс. сравнительно с прежним. Но монастыри не всем желанны и доступны, да и строй их, нужно сознаться, часто таков, что образованной женщине трудно там приложить свои знания в соответствующем труде».

³⁶ Проект положения о богословских женских курсах в гор. Казани // Известия по Казанской епархии. 1909. № 36. С. 1001–1003.

Во-вторых, появились сферы приложения сил образованных женщин: «С другой стороны, давно появились и окрепли такие служения в жизни, которые требуют участия не только девушек, но и замужних женщин: учительницы, воспитательницы, начальницы женских училищ всякого рода, – не говоря уж о семье, где мать, сестра, воспитательница должна теперь, при господстве всяких отрицаний и всех видов скепсиса, охватывающих молодежь, быть во всеоружии богословско-философских знаний»³⁷.

В-третьих, потребность женщин в образовании, которую правительство никак не решалось удовлетворить, допустив их в университеты, создавала благоприятные условия для организации богословских учебных заведений для женщин.

Он отмечал, что «стало обычаем для девушек по окончании курса гимназии искать продолжения образования в высших учебных заведениях, вследствие чего всякого рода высшие женские курсы – медицинские, юридические, историко-филологические, сорганизованные аналогично университетским факультетам, невероятно переполнены. В 1905–1907 гг., когда женщины допускались в университеты, их аудитории также были переполнены женским элементом».

Отец Иоанн красочно описывает ситуацию, в которой оказываются родители в провинции, когда их дочери по окончании гимназии намерены продолжить образование. Чтобы предотвратить развращающее влияние на этих девушек и необходимо создать курсы, где они могли бы получить вполне православное образование: «Легко себе представить где-либо в глухой провинции хорошую, благочестивую, с добрыми устоями и традициями семью, в которой есть несколько дочерей, оканчивающих среднюю школу. Чем ближе подходит время окончания школы, тем чаще заговаривают девушки о продолжении образования в столицах: явление, подмеченное и с серьезной и с комической стороны в текущей художественной литературе. Настроение целого выпускного класса женских гимназий исключительно держится около вопроса: куда поехать по окончании гимназии, где и чему учиться, на какие курсы поступать? Тяжко положение родителей! Противиться желанию дочерей и стремлению их учиться они не в силах, и часто это бесполезно; замужество им не предвидится; бороться с отмеченным выше коллективным увлечением целого класса девушек, часто поддерживаемых в этом увлечении и другими родителями они не могут. Но куда посылать дочерей так, чтобы не страдать мыслью,

³⁷ К открытию в Москве Высших женских педагогических курсов // Православный благовестник. 1916. № 12. С. 69.

что они идут на нравственную гибель? Где такие курсы или учебные заведения, в которых дочери могли бы быть обеспечены в добром направлении мысли, жизни, воспитания и, с другой стороны, имели бы по окончании учения и практические права, дающие им выход к обеспеченному труду»³⁸.

Записка предполагала предоставить выпускницам курсов широкие права, даже преподавание Закона Божьего во всех низших учебных заведениях³⁹. Но у Св. Синода средств и желания на открытие подобного учебного заведения не нашлось, и московские курсы существовали некоторое время на пособия благотворителей, а к началу Первой мировой войны были закрыты.

Однако попытки предоставления женщинам высшего богословского образования не были оставлены, был даже разработан проект⁴⁰ Женского богословско-педагогического института, который должен был находиться в московском Скорбященском монастыре. В мае 1912 г. Учебному комитету Синода было поручено выработать проект женских богословских высших курсов, для чего была создана особая комиссия во главе с архиепископом Сергием (Страгородским). Начало Первой мировой войны отложило открытие курсов до ноября 1916 г., когда было принято 60 слушательниц; однако эти курсы не были признаны высшим учебным заведением из-за несоответствия программ и были распущены. В июле 1917 г. по инициативе игумении Скорбященского монастыря был вновь собран Совет прежде бывших при монастыре богословских курсов и принято решение об их реорганизации на новых основаниях⁴¹. Был разработан новый устав, утверждённый Св. Синодом 22 сентября 1917 г. по ст.ст., согласно которому курсы стали называться «Высший женский богословско-педагогический институт» и представляли собой высшее учебное заведение особого типа. Институт должен был иметь два отделения – историческое и словесное. Богословские и философские предметы предполагалось преподавать слушательницам обоих отделений, также были выдержаны программы высших женских историко-литературных курсов – по образцу существовавших в крупных российских университетских городах.

2 октября 1917 г. по ст.ст. состоялось торжественное открытие Института, этот день можно считать началом высшего женского бого-

³⁸ Там же. С. 70.

³⁹ Там же. С. 71.

⁴⁰ Получивший высочайшее утверждение 19 декабря 1911 г.

⁴¹ *Авдеева А.Д.* Женские образовательные учреждения Святейшего Синода (1842-1917 гг.): http://history-mda.ru/konf_25_26_dek_2010/jenskie_obrazovatel-2_79.html. Дата обращения: 05.06.2015.

словского образования в России. В 1918 г. Скорбященский монастырь был насильственно закрыт. Институт тоже прекратил свое существование. Однако востребованность православными женщинами богословского образования была подтверждена их активным поступлением в Петроградский богословский институт, в единственном выпуске которого, состоявшегося в 1923 г., из 26 человек выпускников было 9 женщин⁴².

Получение женщинами образования в церковных заведениях стало значимым явлением в российской общественной жизни рубежа XIX–XX вв. в первую очередь потому, что "епархиалки" призваны были взять на себя крайне важное и необходимое для модернизации страны, но тяжелое и мало оплачиваемое в Российской империи дело – предоставление начального образования населению. Задачи, стоявшие перед епархиальными женскими училищами, не оцениваются однозначно в российском обществе ни сегодня, ни на рубеже XIX–XX вв. В массовом сознании присутствовало представление о нежелании православной церкви предоставить большую свободу женщинам в публичной сфере. Одновременно в начале XX в. российский антиклерикализм образованной части общества мог быть направлен и на выпускниц епархиальных училищ (так их не принимали на работу некоторые представители земств или городских попечительств из-за их «мракобесных» установок, предпочитая выпускниц Министерства народного просвещения). Сегодня в российской историографии также повторяется тезис, что консервативнее всего была позиция служителей церкви, которые в наибольшей степени противились расширению социальных возможностей женщины и убеждали их в прелесть домашнего очага.

Тем не менее, совершенно очевидно следующее: именно духовное сословие первым в Российской империи ставит задачу дать своим дочерям систематическое образование с целью обеспечить им возможность независимого существования в дальнейшем и профессиональной реализации. Уверенность православного духовенства в необходимости женского образования весьма наглядно подтверждается тем, что основу для материального существования епархиальных училищ давали регулярные (ежегодные) взносы на них духовенства епархии.

Восприятие и реакция на гендерные проблемы, существовавшие в российском обществе в начале XX в., не вписывается в привычную парадигму деления церковных деятелей начала XX в. на традиционалистов и обновленцев. Мы видим, что авторитетные церковные деяте-

⁴² Выпускники Петроградского богословского института. 1923 г.: <http://www.petergen.com/bovkaloduhov/petrbi.html>. Дата обращения: 05.06.2015.

ли, иногда крайне правой политической ориентации, последовательно отстаивают право женщин (не переставая подтверждать важность и ответственность женщины в семье) на получение профессионального образования, в том числе богословского, и занятия учительских должностей, в том числе и в церковных структурах.

Создание системы базового женского образования необходимо рассматривать и в контексте внутрицерковной ситуации, в частности женского служения в Церкви и его институализации. Образованные жены духовенства и незамужние дочери стали значимым явлением в социальной истории России. Как было показано в статье, вопрос о праве женщин на получение богословского образования стоял на повестке дня, но в силу инерционности ведомств Империи, православные женщины смогли получить высшее богословское образование уже в условиях гонений.

Выпускницы епархиальных училищ составляли костяк педагогического коллектива страны как до революции 1917 г., так и после. Новой советской власти дореволюционные учителя дали возможность быстро наладить систему ликвидации безграмотности в стране, однако одновременно оставались хранительницами старой культуры. Так, нарком просвещения А.В. Луначарский отмечал в 1920-е годы, что трудно через педагогический коллектив проводить атеистическую работу в силу обилия учителей/учительниц, являвшихся носителями религиозной традиции.

История православных школ в Прибалтике связана с массовыми обращениями из лютеранства в православие более ста тысяч эстонских и латышских крестьян в 1840-е годы. В отличие от обращений униатов или старообрядцев, проводимых административными способами, обращения в Прибалтике имели спонтанный характер и были вызваны в большей степени утопическими надеждами на разрешение аграрного вопроса, чем религиозными исканиями². Официально одобрив переход в православие, несмотря на осознание критических последствий этого события для отношений с балтийскими немцами, правительство разрешило строить церкви и устраивать школы для православных эстонцев и латышей. Деятельность православных начальных школ в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, количество которых в начале XX в. достигло 470, повлияла на культурную, религиозную и социальную жизнь этого региона империи³. Слабо изученное и противоречивое явление, история православной школы в Прибалтике дополняет исследования по проблемам имперского и национального строительства в России XIX в., а также исследования православного образования в российских губерниях⁴. В данной статье ставится проблема конфессиональной и национальной идентичности православного образования в Прибалтике. В какой степени православные школы влияли на конфессиональную динамику в регионе и складывание православной субкультуры? Среди чиновников имперского аппарата доминировало мнение о том, что православие вообще и православные школы, в частности, будут способствовать возникновению более близкого культурно и политически более лояльного России населения. Насколько такие надежды были оправданы?

В многоконфессиональной Российской империи религиозное образование традиционно являлось правом терпимых в государстве религиозных групп: мусульман, евреев, католиков и лютеран. Исключение со-

¹ Статья написана при поддержке гранта Эстонского научного фонда PUT 428.

² Об истории обращений эстонских и латышских крестьян в православие см. *Kruus H. Talurahva käärimine Louna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. Tartu, 1930. Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии. Рига, 1999.*

³ В трех губерниях в 1909 г. было 476 школ, в 1912 г. – 464.

⁴ *Красницкая Т.А., Бауэр И.А. Церковные школы России во второй половине XIX – начале XX вв. Шуя, 2012.*

ставляли новокрещенные инородцы Поволжья и Сибири, первые православные школы для которых появляются уже в XVIII в.⁵ Появление и рост православных школ на Прибалтийских территориях империи являлось нарушением имперского принципа, согласно которому образование было делом конфессий, а также особых привилегий, дарованных лютеранской церкви статутами 1710 г. Напрашивающееся сравнение с римско-католическими и униатскими территориями Российской империи, где также распространялось православное образование, не является типологическим, так как в Северо-Западном крае происходит административное обращение институтов образования из униатства или католицизма в православие как ответная мера на польское восстание 1863 г. В остзейских губерниях же православное образование отвечает запросам добровольно обратившихся в православие эстонцев и латышей.

Православное образование в Прибалтике возникает в христианской среде, где уже существует развитая система конфессионального образования. Первые латинские школы при кафедральных соборах и в городах Прибалтики появляются уже в позднее средневековье. Реформация создает предпосылки для народного образования на родном языке. С первой половины XVI в. издаются молитвословы и катехизисы на местных языках. Большой толчок получает образование во время шведского завоевания в XVII в., когда появляются первые грамматики эстонского и латышского языков, переводы Нового Завета, и первые школы для местного населения. В XVIII в., несмотря на разрушительные последствия Северной войны, на развитие школ оказывают влияние и немецкие просветители и пиетисты. Количество школ неизменно растет. К середине XIX в. Прибалтика охвачена сетью школ. Грамотность требуется для конфирмации (т.е. молодежи достигшей 14–16 лет). В 1830-е годы среди крестьянских детей практически нет таких, которые не умели бы читать ко времени конфирмации⁶.

Учреждение православных школ с 1846 г., таким образом, было связано не столько с задачами распространения грамотности в крестьянской среде, а с конфессионализацией детей бывших лютеран, обратившихся в православие. По высочайшему повелению 26 января 1846 г. в каждом православном приходе Лифляндской губернии должна была быть учреждена приходская школа, в отдаленности от приходов созда-

⁵ В 1709 г. в Казани была основана первая школа для новокрещенных черемисов, в 1734 г. были открыты школы для вотяков, мордвы и чувашей, в 1750-х годах открыта школа для вотяков. См.: *Смолич И.К.* История русской церкви. М. 1997. Кн. 8. Ч. 2. С. 213.

⁶ *Андрезен Л.* Эстонские народные школы в XVII-XIX вв. Таллин, 1980. С. 114.

вались вспомогательные школы. На содержание школ выдавалось 1000 рублей в год. В школах преподавались чтение и письмо на русском и родных языках, пение, арифметика, катехизис, краткая Священная история и церковное пение. В 1851 г. в эстонских уездах Лифляндской губернии насчитывалось 117 православных школ. Первая волна обращений начала стихать уже в 1850-е годы, когда многие из новообращенных пытались вернуться в лютеранство. Количество школ увеличилось в период реформ 1860–1870-х годов и особенно в 1880–1890-е годы, когда Северную Прибалтику (западные уезды Эстляндской губернии) охватила вторая волна обращений в православие. К 1884/85 число выросло до 315, с общим количеством учащихся 10439 учеников⁷. А к 1905 г. количество школ достигло своего пика, достигнув 493 (373 в Лифляндской, 48 – в Курляндской и 72 в Эстляндской губерниях)⁸. После 1905 г. количество школ стало постепенно, но не значительно, уменьшаться. География школ отражала географию обращений в православие: наибольшее количество православных школ было в Лифляндии, где они составляли почти 20% от всех школ. А в некоторых районах их было даже пропорционально больше: в Сааремаа православные школы в 1880-е годы составляли 34,7% от общего количества школ⁹.

Православные школы делились на два типа: приходские и вспомогательные, отличие которых заключалось в продолжительности обучения и количестве преподавательского состава. Во вспомогательных школах преподавал один учитель, часто выпускник приходской школы, в то время как в приходских было как минимум три учителя, включая приходского священника. В одноклассных приходских школах обучение было четырехлетним, в двухклассных – пятилетним. Во вспомогательных школах срок обучения был обычно три года¹⁰. Отдельных школ для мальчиков и девочек было мало, в основном школы были смешанные.

Законодательство, управление и финансирование

Управление православными школами в Прибалтике имело особую структуру, отличающуюся от управления народным образованием во

⁷ *Ernits E. Õigeusu koolid 1840. Aastatest 1880. Aastate koolireformideni // Nõukogude kool. 1973. №10. С.851–853; Исаков С.Г.* Русский язык и литература в учебных заведениях Эстонии XVII-XIX столетий. Тарту, 1974. Вып. 2. С. 34.

⁸ Отчет о состоянии православных народных училищ Прибалтийских губерний за 1904/1905 учебный год // Рижские епархиальные ведомости. 1906. № 11–12. Приложение. С. 15.

⁹ *Ernits.* Указ. соч. С. 853.

¹⁰ Отчет о состоянии ... за 1904/1905 учебный год. С. 39–41.

внутренних губерниях Российской империи. Православными школами управлял специально созданный в 1870 г. Совет по делам сельских православных народных училищ Прибалтийских губерний, возглавлявшийся архиепископом Рижской епархии¹¹. В сферу деятельности Совета входило распределение средств, издание учебников, контроль за деятельностью школ, составление отчетов. Совет не имел законодательной силы, и поэтому не мог влиять на гражданскую власть для улучшения положения школ. Непосредственно на местах школы должны были находиться под наблюдением священнослужителей-благочинных, которые отвечали за школы в своем благочинии. С 1873 г. за учебный процесс в православных школах отвечает попечитель Дерптского (позднее Рижского) учебного округа¹². Для контроля были созданы должности инспекторов народных училищ, на содержание которых государство выдавало 1500 рублей в год¹³. Инспектора критически относились к уровню образования в православных школах, которые не всегда были в более выигрышном положении по сравнению со школами, принадлежавшими Министерству народного просвещения.

В материальном положении православные школы находились гораздо ниже других типов школ. О том, что православные школы в Эстонии были не самым большим приоритетом в Российской империи, говорят данные о финансировании. В целом в 1911 г. расход на ученика в трех прибалтийских губерниях был в 1,5 – 2 раза меньше чем в центральных российских губерниях¹⁴. Многие из школ не имели собственного помещения, и были вынуждены арендовать помещения у местных крестьян. Даже в 1905 г., после того как было построено большое количество школьных зданий, более четверти (27%) школ помещались в арендуемых помещениях. Финансирование школ происходило из разных источников: средств, выделяемых Синодом и епархией, было недостаточно. Школы поддерживались местными православными общинами, которые помогали деньгами и натурой (например, дровами); школы, располагавшие участками земли, могли сдавать

¹¹ Кроме епископа в Совет входили попечитель Рижского учебного округа, ректор Рижской духовной семинарии, окружной инспектор Рижского учебного округа, директора народных училищ Лифляндской и Эстляндской, а также директор Рижской Александровской гимназии.

¹² В 1889 г. в управлении Дерптского учебного округа находилось восемь районов управления народными училищами: Рижский, Дерптский, Перновский, Венденский, Вольмарский, Арнсбургский, Ревельский и Митавский, таким образом покрывая Лифляндскую и Эстляндскую губернии.

¹³ Исторический архив Эстонии (далее: ИАЭ). Ф. 1945. Оп. 1. Д. 95. Л. б/н.

¹⁴ Eesti kultura / Toim. W. Reiman. Tartu, 1913. T. 2. C. 128.

их в аренду. Плата за обучение была настолько маленькая, что родительские средства не играли большой роли. Большую роль в поддержке православных школ играли православные братства, многие из которых имели высокопоставленных покровителей, например, вдовствующую императрицу Марию Федоровну.

После перевода лютеранских школ в ведомство Министерства народного просвещения в 1886 г., православные школы оказались в двойственной ситуации. С одной стороны, они должны были подчиняться церкви и благочинным, с другой, проходили инспекцию от министерства образования. Отчеты попечителя Рижского учебного округа отмечают неудовлетворительное состояние около 30% всех православных начальных школ, о чем речь пойдет далее. Главной проблемой власти считали нежелание духовенства и учителей сотрудничать с инспекцией образования, относясь к инспекторам как не имеющим права вмешиваться в дела православных школ. Эта ситуация отражала существующий конфликт между Синодом и Министерством народного просвещения, начавшийся при обер-прокуроре Святейшего Синода К.П. Победоносцеве. Нужно отметить, одним из требований Совета по делам православных школ было введение института церковных инспекторов православных школ, существующего в российских губерниях.

Конфессиональная и этническая идентичность православных школ и их учеников

У эстонцев православные школы были известны как школы «русской веры» (*vene usk*). Прозвучавшая во время обращений мысль о том, что крестьяне желают перейти в «веру русского царя», продолжала воплощаться в православных школах, для которых была характерна связь школы с церковью, политическая лояльность и акцент на русской культуре.

В документах попечителя Рижского учебного округа подчеркивалось, что одной из основных целей православной школы было «утверждение в народе православного учения веры и воспитание подрастающих поколений в духе и преданиях православной церковности»¹⁵. Обратившиеся в православие крестьяне жили в лютеранской среде; многие отпадали от православия в результате браков с лютеранками. В 1860-е годы правительство смотрело сквозь пальцы на возвращение в лютеранство номинально православных, но с конца 1860-х годов православие в балтийских губерниях стало получать больше финансовой поддержки для школ и приходов.

¹⁵ ИАЭ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1136.

Школа служила важным дополнением в развивающейся приходской структуре, иногда заменяя недостающие церкви и приходы. Школьный день начинался и заканчивался молитвой¹⁶. Ученики принимали участие в церковной службе, пели и читали на клиросе. Духовенство должно было руководить учебным и организационным процессом: преподавать некоторые предметы, как например, Закон Божий, назначать учителей, связываться с местными властями по школьным вопросам и отчитываться о состоянии школ перед епископом, выдавать похвальные листы¹⁷.

Согласно традиционной православной педагогике, участие в богослужении было важным обучающим элементом. Таким образом, школа служила средством для воцерковления учеников, чьи родители могли и не быть очень активными прихожанами. В воспоминаниях Яана Кукка (1898–1986) мы читаем о том, что дети участвовали в воскресном богослужении в качестве певчих, и приходя домой рассказывали родителям о том, кого из знакомых видели в церкви, что говорил священник на проповеди¹⁸.

В ранний период развития православных школ в регионе (1845–1870), когда еще не были созданы единые программы, священники самостоятельно определяли объем учебного материала. Согласно учебному плану предложенному Эзельским благочинным, в обучении должен был доминировать конфессиональный подход. Изучение молитв, Катехизиса и Священной истории занимало 30 часов в неделю, то есть 30% всей учебной программы¹⁹. В качестве учебников для преподавания религии использовались катехизис и молитвослов.

Начиная с 1870-х годов Закон Божий занимал в среднем до 8 часов в неделю. Один из наиболее распространенных учебников «Начальное православное учение» протоиерея Димитрия Соколова, духовника царской семьи, был переведен на эстонский, латышский и шведский языки Советом по делам православных училищ в Риге (известно 6 изданий с 1875 по 1901 г.)²⁰. Дополненный вариант учебника издавался в

¹⁶ Инструкция учителям православных сельск. народ. училищ Дерпт. О. утв. 2 ноября 1874 г. // Народные училища Прибалтийского края. Систематический свод законов, распоряжений, правил и справочных сведений / Под ред. Г. Фальброка и В. Чарнолуского. СПб., 1903. С. 71.

¹⁷ Правила для православных приходских школ в Лифляндской губернии. Б.м. 1850.

¹⁸ Литературный музей Эстонии (далее: ЛМЭ). Ф. 296 RVS. № 5.1. С. 23.

¹⁹ ИАЭ. Ф. 1931. Оп. 1. Д. 280. (1859 г.)

²⁰ Перевод учебника Соколова «Начальное наставление в православной христианской вере» (1868) на эстонский и латышский языки был сделан в 1870-е

1890 и 1894 гг. Учебники Соколова пользовались спросом: русские священники, в ведении которых находились православные школы, делали массовые заказы на его учебники еще до его издания²¹. Учебник был рассчитан на начальную школу, в которой преподавалось по 40 часов Закона Божьего в год, и мог использоваться в начальном классе гимназии. Учебник содержал катехизис, некоторые библейские истории, объяснение основных праздников, таинств, литургии и основной религиозной символики. Использовалась в школах также «Священная история» того же автора. Другим рекомендованным учебником для 3-го года обучения был «Уроки по Закону Божию» священника Иоанна Базилевского²².

Таким образом, высокая доля Закона Божия в учебных программах, используемые учебные материалы, а также включение элементов богослужения в обучение определяли православный характер сельских школ в Прибалтике, устроенных Русской православной церковью.

Связь с православной церковью также была заметна в организации и управлении школ, а также в профессиональной квалификации и профессиональной принадлежности учителей. Как правило, учителя были православного исповедания, так как они назначались приходским священником и утверждались епископом Рижским²³.

Было бы ошибочно видеть православную школу как предназначенную лишь для детей из православных семей. Крестьяне лютеранского исповедания имели право посылать детей в православные школы. В 1904–1905 гг. доля не православных учеников в Лифляндской губернии составляла 13%, в Эстляндской – 34%²⁴.

годы и неоднократно переиздавался. *Sokolow D. Öige ristiusu esimene õpetus. Riia. 1882.* Русские издания: «Краткое учение о богослужении православной церкви» (СПб., 1872; 38-е изд. вышло в 1917 г.), «Молитвы, заповеди и символ веры с объяснениями их» (106 изданий между 1872 и 1916 г.). Соколов был также и методистом преподавания Закона Божия.

²¹ См., например, ответ из Совета по делам Православных сельских народных училищ от 7 августа 1890 г. священнику Аренбургской церкви о. А. Кудрявцеву: ИАЭ. Ф. 1937. Оп. 1. Д. 48. (1881–1898). Л. 41. Из него следует, что заказанные 200 экземпляров учебника Соколова будут присланы сразу после выхода в свет. Здесь речь идет о издании 1890 г., которое было на несколько страниц больше предыдущих.

²² Циркуляры по Дерптскому учебному округу. [Рига], 1889.

²³ Правила для православных приходских школ в Лифляндской губернии. Пар. 7.

²⁴ В православных школах обучались также католики, старообрядцы и еврейские ученики. В Курляндии количество католических учеников составляло в 1904–1905 гг. около 8%. Отчет о состоянии ... за 1904/1905 учебный год. С. 46.

Приходская Георгиевская школа в г. Тарту была особым случаем. В этой школе число православных учеников составляло лишь одну треть (33 из 116). Более того, в 1870-е годы учителем в этой школе был лютеранин. Необходимо заметить, что Георгиевская школа была городской школой, что могло привлекать в нее лютеран, стремившихся получить доступное образование, особенно принимая во внимание тот факт, что православные школы имели значительные субсидии от центральной власти. Обычно эстонским и латышским детям было почти невозможно поступить в городские школы, которые оставались преимущественно немецкими до реформы 1880-х годов. В православных школах, видимо, были занижены требования к поступлению, а также была введена более низкая плата за обучение. Судя по успеваемости учеников, большинство учащихся действительно преодолевали большие трудности в учебе²⁵.

Обучение в православных школах не освобождало лютеранскую молодежь от прохождения конфирмационного обучения, которое должно было проводиться во внешкольное время²⁶. Однако во время пребывания в школе не православные ученики участвовали в молитвах и уроках Закона Божьего.

Несмотря на то, что в имперской конфессиональной иерархии православие занимало место господствующей конфессии, в прибалтийских губерниях по крайней мере не запрещалось православным учиться в лютеранских школах, по отчетам 1879–1882 гг. – в лютеранских волостных школах обучалось ежегодно до 800 православных детей. Последний факт, тем не менее, мало известен, и в основном делается больше акцента на высоком проценте лютеранских детей в православных школах. Здесь же можно говорить о размытости конфессиональных рамок (возможно здесь речь идет о номинально православных, родители которых не имели возможности вернуться в лютеранство). Попечитель Рижского учебного округа в 1887 г. писал, что обучение православных детей в лютеранских школах не меняло вероисповедного характера школы, в которой Закон Божий преподавался пасторами²⁷.

²⁵ ИАЭ. Ф. 2004. Оп. 1. Д. 12.

²⁶ Народные училища Прибалтийского края. С. 30. В 1872 г. вышло Высочайшее повеление, разрешавшее лютеранам обучаться в православных школах. В 1873 г. последовало разъяснение, что данное разрешение не означало отмену необходимости конфирмации лютеранских учеников, которую они проходили у своих пасторов.

²⁷ Народные училища Прибалтийского края. С. 48.

В период, последовавший за революцией 1905 г., в связи с распространением сектанства – баптизма и пятидесятничества, православная школа стала рассматриваться не только как средство для противостояния безверию и атеизму, но и инструмент борьбы с сектантством. Епархиальные миссионеры рекомендовали учителям знакомить учеников со священной историей «с противосектантской точки зрения»²⁸.

Миссионерский характер школ развивается в начале XX в., когда в школах стали проводиться религиозно-просветительские вечера для детей и взрослых, с показом «световых картин».

В период после революции 1905–1907 гг. происходит движение к обновлению преподавания Закона Божия. Преподаватели прибалтийских православных школ были согласны с выводами съезда учителей Закона Божьего 1909 г. в Петербурге о том, что существующие учебники по православному вероучению неудовлетворительны, но составление и перевод на местные языки, цензура занимали большое время²⁹. Тем не менее, изменить программы преподавания и учебники Закона Божия для начальных школ было нелегко. Только в 1915 г. был издан первый учебник эстонского автора, священника О. Мыттуса «Священная история и начала православной веры», рассчитанный на четыре учебных года. Этот достаточно консервативный учебник содержал исторические сведения о православных церквях, включив историю обращения эстонских крестьян в православие.

«Русификация» и народная школа

Православная школа и реформы образования в 1880–1890-х гг. сильно подорвали один из важных оплотов балтийского партикуляризма, систему немецкого образования.

В 1887 г. Александр III утвердил проект Комитета Министров под названием «Временные дополнительные правила об управлении начальными училищами в губерниях: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской (17 мая 1887 г.)», в которых предлагался перевод всех начальных училищ на русский язык обучения. Перевод предполагался не сразу, а «по удобству», с тем, чтобы на последнем году обучения все предметы кроме Закона Божия и родного языка преподавались на русском языке³⁰. Согласно новым учебным планам, на изучение русского языка в начальных школах приходилось 7–8 часов в неделю; в министерских школах на третьем году обучения русский язык занимал

²⁸ Рижские Епархиальные Ведомости. 1915. № 13–14. С. 386–388.

²⁹ Там же. 1909. № 19. С. 607.

³⁰ Циркуляры по Дерптскому учебному округу. [Рига], 1887. № 7. С. 313–321.

10 часов в неделю. В городских начальных школах на первом году обучения русский занимал 10 часов, на втором – 7 часов и на третьем и четвертом – 6 часов в неделю³¹. Хотя все предметы, кроме Закона Божия и родного языка, в городских школах преподавались на русском языке, в начальных сельских школах первые два года обучения могли проходить на родном языке учащихся. Н.А. Лавровский (1827–1899), сменивший М.Н. Капустина на посту попечителя Рижского учебного округа в 1890 г., еще больше усилил упор на преподавание русского языка. Принимая во внимание низкие показатели успеваемости по русскому языку, опытный «русификатор» со стажем работы в Польше и Украине, Лавровский предлагал серию мер на улучшение преподавания. В частности, он видел причину низкой успеваемости в практике использования двух языков в школах. Он предлагал изменить педагогические цели: вместо изучения грамматических правил, язык должен был изучаться для практического применения, как живой разговорный язык. Учащихся поощряли говорить в свободное от уроков время на русском языке, а также читать дома русские книги под контролем учителя³². В лютеранских школах вводились молитвы за государя на русском языке, а «Временные правила» 1887 г., позволявшие преподавание на родном языке в течение первых двух лет обучения, отменялись.

Если в 1870-е годы православные школы находились на лучшем счету у имперских чиновников, чем лютеранские, поскольку более соответствовали официальному курсу на сближение «туземного» населения с русской культурой и государственностью, то к концу столетия картина изменилась. С введением русского языка в начальных и средних учебных заведениях края и переводом лютеранских школ в ведение Министерства народного просвещения в 1886 г. православные школы, административно независимые от МНП, стали вызывать многочисленные нарекания со стороны чиновников. В это же время, как показывают дискуссии об образовании инородцев, интеграция через язык представляется более важной, чем православная вера³³. Конфессиональные цели школ уступают место государственным задачам национальной интеграции. В 1898–1900 гг. ревизия православных школ в регионе предоставила чиновникам доказательства слабой

³¹ Eesti kooli ajalugu / Toim. E.Laul, V. Varik. Tallinn, 2010. 2 k. С. 346, 348, 350. Данные 1891/92 уч. г.

³² Циркуляры по Рижскому учебному округу. [Рига], 1893. № 3.

³³ Geraci R. A Window on the East: National and Imperial Identities in Tsarist Russia. Ithaca, 2001. С. 240. Weeks T. Religion, Nationality or Politics, Catholicism in the Russian Empire 1863-1905 // Journal of Eurasian Studies. 2011. Vol. 2. № 1. P. 52–59.

успешности школ: из осмотренных 139 приходских и вспомогательных православных школ около 30% оказались в «неудовлетворительном состоянии». Так, после осмотра Ферреонского приходского православного училища в Перновском уезде инспекторы писали, что «едва заметны проблески кое-каких знаний русского языка учащимися, [которые] русской речи не понимали и вести беседу с ними на этом языке не было возможно»³⁴. При осмотре школы в 1898 г. оказалось, что все обучение велось на эстонском языке. Медленное введение русского языка в процесс обучения происходило из-за обтекаемой формулы закона. Согласно Уставу 1893 г. «в сельских училищах прибалтийских губерний в том числе в волостных школах евангелическо-лютеранских и вспомогательных православных школах преподавание всех предметов производится на русском, эстонском и латышском языках, смотря *по удобству*, с тем, чтобы в последний год обучения на русском языке должно производиться преподавание всех предметов»³⁵. Именно эта фраза «по удобству» служила предметом свободной интерпретации языковой политики.

Среди причин невыполнения государственных задач были названы такие факторы: низкая зарплата учителей, работа учителями псаломщиков в приходских школах, тяготящихся преподаванием как дополнительной нагрузкой к церковной службе, а также недостаток учебных пособий.³⁶

Важным недостатком православных школ, по мнению чиновников, была их относительная независимость от Министерства народного просвещения. Православные школы управлялись в основном Рижской консисторией, а на местах – приходскими попечительствами. Контроль за учебной деятельностью школ со стороны Министерства народного просвещения воспринимался как вторжение в сферу деятельности церкви. Инспекторы писали о том, что их указания встречаются в штыки, особенно псаломщиками, которые вступают в пререкания с инспекторами. Благочинные и учителя православных школ не признают, вопреки законодательству, что школы подчиняются инспекторам народных училищ. «Того же взгляда надо полагать придерживается и Совет по делам православных училищ», – с горечью отмечал инспектор³⁷. Инспекторы были против понимания роли благочинных как «главных наблюдателей за православными народными школами», а директоров и инспекторов

³⁴ ИАЭ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1316. Л. 48.

³⁵ Там же. Л. 50.

³⁶ Там же. Л. 69.

³⁷ Там же Л. 69 об.

народных училищ как «второстепенных» по важности³⁸. Это объемное дело позволяет нам сделать важные выводы. Во-первых, о попытках Рижского учебного округа в лице попечителя Шварца, и МНП в целом включить православные народные училища в сферу своего управления, в которую уже вошли лютеранские школы остзейских губерний. В качестве аргумента чиновники отмечали, что православные школы не выдерживают конкуренции с лютеранскими, и – если не провести необходимые реформы – число лютеранских детей в православных школах скоро начнет убывать. Во-вторых, можно говорить в целом об уменьшении значимости православия и православных школ в целях имперской политики в конце XIX – начале XX в.

Инспекция школ 1898–1900 гг. показала, что несмотря на свое бытовое название школы «русской веры», православные школы были не в такой степени русифицированы, как этого ожидали чиновники МНП. Православные школы в Прибалтике считались «народными школами». В понятие народности вкладывалось многое. Во-первых, использование родного языка. Согласно с представлениями романтиков о языке как выразителе души народа, в нерусских школах религия преподавалась на родном языке, чтобы у учащихся не возникало противоречия между домашней верой и верой школы. В первые два года обучения в приходских школах преподавание проходило на родном языке с постепенным переходом на русский. Но даже и тогда половина учебных предметов велась на местных языках. Борьба за возможность использования национального языка в процессе обучения принимает острый характер в период 1905–1913 гг. В 1906 г. попечитель Рижского учебного округа (РУО) Д.Н. Левшин восстановил право (утраченное в 1887-1892 гг.) преподавать на родном языке в течении первых 2 годов обучения³⁹. А в 1913 г. попечитель РУО (1913–1917) А.И. Щербаков, следуя циркуляру консервативного министра народного просвещения Л.А. Кассо, отменил эту возможность, вводя ограничения в отношении использования национальных языков, даже в отношении Закона Божьего инославных конфессий.

Во-вторых, понимание народности школы происходило от особой культурной близости учителей к ученикам. Учителя были выходцами из крестьян, часто местными уроженцами, русские составляли очень незначительную часть учительского состава.

³⁸ Там же. Л. 70.

³⁹ О характеристике Левшина см.: *Розанов В.* Привилегии немецкой школы // Новое время. 19 августа 1908. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_privilegii_nemeckoy.html дата обращения: 12.10.2015.

В-третьих, школы внесли вклад в формирование национальной интеллигенции.

С начала правления Александра III растет число преподавателей и священнослужителей местного происхождения, которые получив образование в учительских семинариях и Рижской духовной школе, составляют доминирующий элемент в православных школах и приходах. Так, по подсчетам Тойво Рауна, в 1909 г. этнические эстонцы составляли 61% православного духовенства, что значительно превышало количество этнических эстонцев среди лютеранского духовенства (13% в Эстляндии и 29% в Лифляндии)⁴⁰.

Православные школы предоставляли возможности для получения среднего и высшего образования. Лучшие ученики могли продолжить образование в Рижской духовной семинарии (РДС), в Прибалтийской учительской семинарии, а также в учительской семинарии в Дерпте. Ежегодно Рижская духовная школа набирала около 10–15 эстонских и такое же число латышских мальчиков для обучения по курсу, который приравнивался к государственным гимназиям (4 года). Эти ученики затем получали возможность продолжить обучение в семинарии (шестилетнее обучение). В период между 1847 и 1918 г. 931 выпускник РДС происходили из Лифляндии, среди них было 663 эстонцев, 14 латышей и 254 русских⁴¹. Возможность отправить сына в Рижскую Духовную семинарию высоко ценилась. Выпускники РДС могли поступать в высшие учебные заведения, включая Тартуский и другие университеты Российской империи, педагогические или сельскохозяйственные высшие учебные заведения. Особенно высокое количество эстонцев-выходцев из РДС было на юридическом факультете Тартуского университета (83 человека)⁴². Многие из них играли важную роль в политической жизни Эстонской республики в 1918–1940 гг.

Школа становилась институтом местного сообщества, играя роль в формировании национального самосознания. Священники и учителя выступали в качестве представителей «традиционной интеллигенции», выражая социальные чаяния и православных и не православных эс-

⁴⁰ *Thaden E.* Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914. Princeton, 1981. С. 323.

⁴¹ *Raudsepp A.* Riia Vaimulik Seminar 1846-1918. Тарту, 1998. С. 43. Многие из поступивших в Тартуский университет не заканчивали курс Рижской духовной семинарии. Тем не менее количество лет, проведенных в Риге было значительным, вместе со школой в среднем 8-10.

⁴² Там же. Таб. 10.

тонцев и латышей⁴³. Благочинный Пярну протоиерей Михаил Суйгусаар (1842–1916), преподаватель Пярнуской Николаевской гимназии, был активным членом Пярнуского отделения Эстонского сельскохозяйственного общества. Он активно поддерживал деятелей «национального пробуждения» К.-Р. Якобсона, издателя «Пярно Постимеес» И.В. Яннсена, поэтессу Лидию Койдулу. Суйгусаар, выпускник и преподаватель Рижской духовной семинарии, прослуживший имперским цензором между 1869–1879 г. (и разрешивший публикацию националистического произведения К.-Р. Якобсона «Три разговора о родине»), не видел противоречия между православием («Царской верой») и служением эстонскому народу. Он был инициатором первого певческого праздника в 1869 г., на котором присутствовало 845 участников. Школа по его словам была одним из основных элементов национального пробуждения. В 1900 г. он писал: «Раньше получивший образование эстонец растворялся среди чужого народа, но сейчас крестьяне, получившие более высокое школьное образование, не исчезают, но остаются верными своему родному народу»⁴⁴. На острове Сааремаа в приходе Лейси священник Дионисий Самон (1871-1950), попечитель приходской школы, организовал общество трезвости, Сааремааское отделение Красного Креста, открыл библиотеку для местных жителей.

Воспоминания выпускников Рижской духовной семинарии создают образ деревенского учителя православной школы как важного деятеля народного образования, оказавшего большое влияние на своих учеников. Выпускник Рижской духовной семинарии, Антон Хярма пишет о народных учителях в евангельском духе, называя их «солью земли», которые жертвенно вели свой народ к образованию и духовным высотам. Такая народническая характеристика учителей православных школ становится частью дискурса православных эстонцев и латышей, которые вписывают таким образом себя в историю национального пробуждения⁴⁵. В период национальной независимости (1920–1941 гг.)

⁴³ «Традиционная интеллигенция» – термин, использующийся Антонио Грамши. См.: *Грамши А.* Письма из тюрьмы. М., 1957.

⁴⁴ Ülempreester Mihkel Suigusaar / Toim. R. Tomson, T. Tomson. Pärnu. 2000. С.8.

⁴⁵ Härma, Anton. Tuled sudus: ЛМЭ. М.3:1. Антон Хярма (Härma, Anton, 1896–1979) закончил Рижскую духовную семинарию в 1917 г., затем с отличием закончил юридический факультет Тартуского университета. Работал учителем в православной школе Каансоо, директором в школах Пайде и Вильянди, организовал Общество защиты детей. В 1949 г. был снят с поста директора Вильяндиской 2-й школы за недостаточное внимание к идеологическому воспитанию, работал директором школы для трудных детей в Таллинне. Автор 11

многие православные эстонцы и латыши испытывали культурную маргинализацию как наследие русификаторской политики: историческая и культурная связь с русской православной церковью свидетельствовала об отсутствии патриотизма. В этом контексте становится понятным, почему для православных эстонцев было важно, преодолевая чувство неполноценности, представить свои школы как воплощение истинного народного духа, которые внесли большой вклад в развитие народного образования и создание национальной интеллигенции, представителями которой они тоже являлись.

Заключение

В заключение следует отметить, что несмотря на свое особое законодательное положение в Прибалтийских губерниях, слабую финансовую базу и другие трудности, православная школа имела много общих черт с другими православными народными школами Российской империи. Черты эти определил Василий Розанов: «около храма, около богослужения, около религии»⁴⁶.

Православные школы были укоренены в местной среде, отличаясь только большим объемом преподавания русского языка, участием православного духовенства и большей зависимостью от финансовой поддержки центрального правительства. Состав учеников был многоконфессиональным (православные, лютеране, старообрядцы), но преподавание Закона Божия следовало православной программе. До 1884 г. основным языком обучения был местный (латышский или эстонский) язык, в то время как русскому языку уделялось от 6 до 8 часов в неделю. С 1884 г. русский язык вводится как язык обучения, практикуются методы «натурального» обучения языку, со второй половины 1890–х годов Закон Божий преподается на русском. Перевод школ на русский язык в литературе оценивается негативно как явление «культурной русификации»⁴⁷. В настоящей статье предлагается альтернативная оценка деятельности православных школ. Во-первых, рассматривается сложное институциональное положение этих школ в регионе, подчинявшихся и светским, и духовным органам и слабо контролировавшихся центральной властью, и делается заключение о недостаточно эффективном исполнении задач, возложенных центральной властью на эти школы.

учебников по латинскому языку и трудов по педагогике. Руководил школьными хорами.

⁴⁶ *Розанов В.* Сумерки просвещения. Сборник по вопросам образования. СПб., 1899. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_sumerki_prosvechenia.html дата обращения: 12.10.2105.

⁴⁷ Например, см.: *Thaden E.* Op. cit.

Зависимость школ от церковной власти определяла конфессиональные задачи школ. Охранительный и консервативный характер церковной школы выражался в том, что церковь контролировала доступ литературы в школьные библиотеки, проводила цензуру учебников. Тем не менее, следует принять во внимание, что программы школ составлялись Министерством народного просвещения и местные культурные традиции делали прибалтийские православные школы более открытыми светскому влиянию, чем церковно-приходские школы во внутренних губерниях России, которые полностью управлялись Синодом.

Значение православных школ в прибалтийских губерниях заключалось в формировании национальной интеллигенции. Многие источники указывают на роль учителей в сельских школах, повлиявших на духовное и интеллектуальное развитие учеников. Возможность продолжения образования в Рижской духовной семинарии и учительских семинариях была важным инструментом социальной мобильности для представителей низшего класса местного населения. Получившие образование православные эстонцы и латыши получали возможность для карьеры в имперской администрации, сфере образования или в церкви.

Безусловно, православные школы не могут быть идеализированы. Стоявшие перед ними задачи – с одной стороны укрепления православия, с другой – языковая и политическая интеграция, часто находились в противоречии друг с другом. Борьба эстонской интеллигенции за национальную школу не могла не задеть начальную школу.

В контексте сложных отношений между империей, балтийскими немцами и эстонскими и латышскими народами, православная церковь не могла выполнить возложенные на нее упования. В период революционных волнений и реформ православная школа, как и многие другие институты старого режима, оказалась не в состоянии противостоять ветрам исторических перемен, приведшим к возникновению независимых государств на обломках Российской империи. Тем не менее, дискурс о том, что православные школы были поистине народными школами, звучал сильно даже в период революционных изменений. Так, участники совещания эстонского православного духовенства в Таллине 6–7 апреля 1917 г., среди которых были и миряне, высказались в защиту православных школ. «Православие стало поддержкой в образовании для большого числа детей из эстонской бедноты и этим содействовало духовному развитию Эстонии»⁴⁸.

⁴⁸ The autonomous Orthodox Church of Estonia. L'Eglise Autonome Orthodoxe D'Estonie / Toim. Archim. G.D. Papatomas, M.H. Palli. Athens, 2002. С. 84.

1. Социально-исторический контекст

В 1772 г. часть Речи Посполитой была разделена между тремя державами – Пруссией, Российской империей и Австрией. После этого последовали еще два раздела: в 1793 г. (между Пруссией и Россией) и в 1795 г. (опять между Пруссией, Россией и Австрией), которые привели к полному исчезновению польского государства с карты Европы. Такое геополитическое положение сохранялось до ноября 1918 г., когда Польша снова возникла как независимое государство. При этом необходимо отметить, что в 1807 г. по договору между Наполеоном и царем Александром I в качестве суррогата Польши было создано Герцогство Варшавское. В 1815 г. герцогство стало Царством Польским, формально связанным с Россией личной унией. Суверенным оно не являлось, но имело собственный парламент, валюту, армию и Варшавский университет. Это положение продолжалось до восстания 1830–1831 гг., после которого автономия была упразднена. В 1832–1918 гг. Царство Польское являлось составной частью России, хотя русские цари носили титул «Царя Польского» и были представлены наместниками. С 1874 г. Царство Польское стали неофициально называть «Привисленским краем».

Что касается трех разделов, в цифрах ситуация выглядит следующим образом:

- Россия приобрела 462.000 км² и 5,5 млн человек;
- Пруссия приобрела 141.000 км² и 2,6 млн человек;
- Австрия приобрела 130.000 км² и 4,2 млн человек.

В такой социально-политической и культурной ситуации, естественно, не могла идти речь о каком-либо развитии. Поляки подвергались конфискации имущества, депортации и принудительной военной службе. Университеты закрывались. В зоне российского господства после восстания 1863 г. было предписано провести русификацию польской средней школы и уровень грамотности резко упал. В австрийской зоне поляки стали вторым национальным меньшинством и им было разрешено иметь представительство в парламенте и создавать свои университеты. Краков и Львов стали центрами польского образования. В прусской же части система образования была полностью германизирована, и завоеватели не проявили уважения к польской куль-

туре и институтам, что хотя бы сохранилось в России. Чтобы вновь обрести независимость, Польше потребуется 123 года. Поляки получат государственность после Первой мировой войны, когда Центральные державы сдадутся Союзникам (Антанте) по Версальскому договору¹.

2. Положение с образованием на разделенных территориях

2.1. Под российским господством

После Крымской войны (1854–1855) Россия потеряла влияние на Балканах и Черном море. Ее последствия, сказавшиеся на социально-политической ситуации в стране, вынудили царя Александра II ускорить реформы. В это время в Царстве Польском отмечается некое оживление, но в результате восстания 1863 г. режим ужесточил правила жизни. Оккупационные власти закрыли Школу изящных искусств (1865), а Варшавская главная школа (*Szkola Główna Warszawska* основана в 1862 г.; Варшавский университет был закрыт в 1830 г.) была преобразована в русский университет (1869). Большинство преподавателей и даже студентов там были русскими (те, кому не хватило места в российских университетах, приезжали в Варшаву). Что касается польских или еврейских студентов, доступ им в чисто русские университеты был ограничен, и сначала их квота составляла 10%, а позже только 5%. Та же судьба постигла Институт сельского хозяйства и лесоводства в Пулавах. Научный и образовательный уровень сильно снизился.

Наиболее сильно затронула русификация польские средние школы и лицеи, потому что именно из этих учебных заведений выходили служащие и вся интеллигенция. Поэтому царю нужно было как можно скорее русифицировать образовательную систему. До 1864 г. на территории, занятой русскими, было 43 учебных заведения. 26 учебных заведений были русифицированы очень быстро (за 3 года) путем введения преподавания на русском языке. В остальных постепенно вводился русский язык и занятия по истории и географии России и Польши на русском языке. С 1869 г. все занятия в польских школах шли на русском языке, кроме иностранных языков, уроков религии и польского языка. Двумя годами позже из школьных библиотек были изъяты все польские книги. Руководил этой школьной реформой немец Теодор Витте, который ею гордился. Он говорил, что, введя русский язык в польские школы, он вонзил кинжал в сердце Польши.

Российский министр образования Дмитрий Толстой в 1872 г. (закон 1871 г.) ввел во всех польских школах российскую систему с гимнази-

¹ *Czubiński A., Topolski J. Historia Polski. Wrocław, 1988. P. 260–313.*

ями (8 классов) и прогимназиями (4 класса) классического типа, в которой образовательной базой были классические языки. Помимо них преподавались также математика, история, география, космография, современные языки и религия. В том же году были созданы реальные училища. Следует также добавить, что оккупационные власти всеми силами старались дискредитировать польскую культуру, историю, образование, религию и особенно патриотизм².

2.1.1. Ответ на русификацию

Ответ польской нации, несмотря на подавление восстания (1863), был очень конкретен. Естественно, официально ничего предпринять было нельзя. Поэтому перешли к тайному обучению и организации различных подпольных мероприятий.

Подпольное образование, еще не приобретя каких-либо организационных форм, стало проводиться просто на дому. Цецилия Снегоцка в 1894 г. основала в Варшаве Общество подпольного образования, известное как *Uniwersytet Bosy*. Целью была институализация таких организаций и унификация учебных программ. Важную роль в этом предприятии сыграла программа самообразования преподавателей, священников, крестьян с определенным уровнем образования, которые занимались преподаванием в подпольных школах.

В этом контексте следует отметить движение за образование в сельской местности. И здесь значительную роль сыграл Конрад Прушиньски (Казимеж Промык), автор Букваря (*Elementarz*), по которому можно было научиться читать за 5–8 недель. По этому Букварю учились не только школьники подпольных школ, но и неграмотные взрослые³.

Еще одной важной инициативой был так называемый Летучий университет (*Uniwersytet Latający*). Название отражает способ проведения занятий. В 1882–1884 гг. женщины, которые стремились завершить свое образование, начали получать подпольное образование. Занятия проводились у учащихся на дому. Преподавателями были в основном священники и профессора университетов. Чтобы не быть обнаруженными полицией, занятия проводились на дому то у одного учащегося, то у другого, отсюда и название «Летучий университет». В 1906 г. «Летучий университет» был преобразован в легальное Общество научных курсов (*Towarzystwo Kursów Naukowych*), а затем в Свобод-

² *Możdżeń S.I.* Historia wychowania. 1795–1918. Kielce, 2000. P. 246–250.

³ Любопытный факт: за 30 лет этот букварь издавался 49 раз общим тиражом 1,5 млн экземпляров. В 1892 г. на выставке в Лондоне он был признан лучшим среди 500 букварей со всего мира.

ный польский университет (*Wolna Wszechnica Polska*). Интересно, что в 1977–1981 гг., до возникновения «Солидарности», «Летучие университеты» вновь возродились как противодействие коммунистической системе образования в Польше⁴.

Специальная российская комиссия констатировала, что в 1901 г. около 30% населения Царства Польского пользовалось подпольным обучением.

2.2. Под властью Пруссии

Министр-президент Пруссии и рейхсканцлер Германии Отто фон Бисмарк объявил в 1871 г. о создании Второго рейха одновременно с централизацией немецкого государства, направленной против баварского сепаратизма и национальных меньшинств. При этом независимое положение Католической церкви обусловило начало политики *Kulturkampf*. Поскольку в прусской части Польши существовали два опасных элемента сепаратизма, Католическая церковь и поляки, Бисмарк попытался подчинить Церковь государству. С этой целью были закрыты епархиальные семинарии в Познани, Хелме и Пельплине, монашеские ордена, и начался период преследования Церкви.

В 1876 г. был принят закон о том, что немецкий язык является единственным официальным, и было запрещено использовать польский язык в учреждениях, школах и общественной жизни. В результате преподавание в школе велось только на немецком языке, за исключением уроков религии и церковного пения, которые могли вестись на польском. Польские преподаватели, не знавшие немецкого языка, отправлялись в Германию, и на их место приходили немецкие преподаватели. Одновременно была начата так называемая *Hakata*, когда немцы выкупали земли у поляков, колонизируя таким образом эти территории⁵.

2.2.1. Ответ на германизацию

Противодействием германизации стало сопротивление поляков. В области образования получило распространение подпольное преподавание польского языка ученикам начальной школы. Для учащихся гимназий было организовано самообразование через различные организации, такие как Общество польской истории и культуры (*Towarzystwo Historii i Piśmiennictwa Polskiego*) (1855) и Народное об-

⁴ Draus J., Terlecki R. Historia wychowania. Wiek XIX i XX. T. II. Kraków: Wydawnictwo WAM, WSFP «Ignatianum», 2005. P. 90-91.

⁵ Ibid. P. 94-96.

щество (*Towarzystwo Narodowe*) (1860). Важную роль сыграли многочисленные промышленные и образовательные организации, такие как Общество содействия интересам польского народа (*Towarzystwo ku Popieraniu Moralnych Interesów Ludności Polskiej*) (1869), Общество народного образования (*Towarzystwo Oświaty Ludowej*) (1872), Общество народных читален (*Towarzystwo Czytelń Ludowych*) (1880), и такие газеты как *Gwiazdka Cieszyńska*, *Katolik*, *Gazeta Olsztyńska*⁶.

2.3. Под властью Австрии (Галиция)

Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора (*Królestwo Galicji i Lodomerii wraz z Wielkim Księstwem Krakowskim i Księstwem Oświęcimia i Zatoru; Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator*) как административная единица существовала с 1772 по 1918 г. под властью Габсбургской монархии. Столицей королевства был Львов⁷. В этой части бывшего Польского королевства ситуация была несколько иной. Прежде всего необходимо отметить, что на этой территории 90% населения составляли римо- и греко-католики и армяне; евреи составляли около 9%, остальные – протестанты и православные. Что касается национального состава, большая часть была представлена поляками и украинцами.

⁶ Здесь следует упомянуть в качестве символа польского сопротивления и одновременно символа противодействия протест учащихся начальной школы во Вжесне (1901), которые отказались изучать религию на немецком языке. На стороне детей выступили и родители. Сразу же возникла волна протеста в других школах прусской части, несмотря на судебное преследование и жесткие наказания. См.: Ibid. P. 96–97; *Możdżeń S. Zarys historii wychowania (wiek XIX – do 1918 roku)*. Kielce, 1993. P. 175–186.

⁷ Австро-Венгерская империя или просто Австро-Венгрия, известная как *K. u. K. Doppelmonarchie* (Имперская и королевская двуединая монархия) или *Donaumonarchie* (Дунайская монархия), была создана в 1867 г. в результате так называемого Ausgleich (соглашения) между венгерской знатью и Габсбургской монархией. Целью соглашения было реформирование Австрийской империи, провозглашенной в 1804 г. По этой конституционной реформе Австрийская империя становилась Австро-Венгерской монархией, которая при едином монархе признавала существование двух отдельных королевств на паритетных началах. Венгерское королевство получало самоуправление и право проводить собственную политику во многих областях. Таким образом, Габсбурги были как императорами Австрии, так и королями Венгрии. Полное название государства было следующее: *Королевства и земли, представленные в Рейхсрате, а также земли венгерской короны Святого Стефана*. Историки определяют это соглашение термином «двуединая монархия».

После проигранных войн с Францией и Пьемонтом (1859) и с Пруссией (1866) и под давлением национальных меньшинств империи Австрии пришлось отказаться от центральной системы управления в пользу федерализации, и таким образом возникла Австро-Венгерская монархия (1867). С этого момента Галиция, как и другие коронные земли, получила автономию с собственным парламентом (1861), правительством и даже Государственным школьным советом (*Rada Szkolna Krajowa*) – органом, отвечавшим за образование.

В 1873 г. вышел декрет, который гарантировал свободу совести, печати, религии и вероисповедания, занятия политикой, право на объединение, материальную неприкосновенность. С 1867 г. польский язык стал официальным для преподавания в начальных школах и гимназиях, а с 1873 г. и в университетах.

2.3.1. Ответ на австрийское господство

Предшественником независимого образования в Галиции был Юзеф Дитль (1804-1878), медик, профессор и ректор Ягеллонского университета и городской голова Кракова. В 1865–1866 гг. он написал труд «О реформе государственных школ» (*O reformie szkół krajowych*) в двух томах, где изложил свою школьную программу. Он подчеркивал настоятельную необходимость введения польского языка в школах, обучения девочек, говоря, что воспитание здоровой нравственности необходимо начинать с обучения девочек.

Работа начальных школ и гимназий-лицеев регулировалась декретом Государственного школьного совета (*Rada Szkolna Krajowa*) 1869 г. Школы были выведены из ведения Церкви и подчинены государству. Было введено бесплатное образование с обязательным 8-летним обучением детей с 6 до 14 лет на родном языке школьников. В начальной школе была введена народная школа, состоявшая из двух частей: 4-классная общая народная школа и 3-классная школа с обучением профессии/ремеслу в качестве второй ступени народной школы. Гимназии были разделены на частные и государственные с 8-летним обучением; существовали реальные училища и лицеи для девочек⁸.

Со временем народные школы подверглись большому изменению. В 1873 г. Государственный сейм во Львове (*Sejm Krajowy we Lwowie*) издал декрет, регулировавший вопросы создания и поддержания народных школ, прав преподавателей и администрации. Обязательное школьное обучение было снижено до 6 классов (до 12-летнего возраста), была реорганизована система и ступени школы, было разрешено учреждать при

⁸ См.: Historia Wychowania. Wiek XIX i XX. P. 97–99.

народных школах зимние школы (продолжительностью 2 года, рассчитанные на учеников народных школ) и приюты. Интересно, что декрет возлагал финансовое обеспечение школ на общины и хозяйства, а зарплату преподавателям платили местные и центральные власти. Декретом 1895 г. Сейм произвел реорганизацию системы образования с введением двух типов народных школ: в городах школы с семилетним обучением, а в сельской местности – с шестилетним, одновременно была диверсифицирована программа обучения, что практически закрыло путь ученикам сельских школ к дальнейшему обучению. Так было закреплено различие между городскими и сельскими школами⁹.

Новым декретом об образовании (1873) были реорганизованы и гимназии. В Галиции обучение в классических гимназиях продолжалось 8 лет. Количество гимназий быстро росло (1861 – 16, 1914 – 128), потому что власти разрешили создавать частные гимназии¹⁰. Почти в каждом городе Галиции была гимназия. Помимо гимназий работали реальные училища с семилетним обучением, а также гимназии для девиц. Значительный расцвет наблюдался и в профессиональных училищах, обучавших ремеслу.

Нужно сказать пару слов и об университетском образовании. Два крупнейших университета, Ягеллонский (1364) в Кракове и Львовский (1661), основанный на базе колледжа иезуитов (1608), привлекали лучших польских преподавателей и ученых. Помимо двух университетов были созданы и другие учреждения высшего образования: Политехнический институт во Львове (1877), Сельскохозяйственная академия (1901), Академия ветеринарной медицины (1881), Академия изящных искусств в Кракове (1900), Торговая академия (1908). Все эти учебные центры находились там, где активно шла борьба за независимость. Люди образовывали различные общества, общественно-политические и образовательные движения, выходила пресса на польском языке. Все это было знаком того, что поляки готовятся к восстановлению независимости¹¹.

3. Образовательные идеи в Польше под тройственной оккупацией

Хорошо известно, что под иностранной оккупацией, поскольку отсутствовали нормальные условия для развития, ум каждого поляка был занят мыслями о свободе и независимости. У поляков не было прави-

⁹ *Możdżeń S. Zarys historii wychowania (wiek XIX – do 1918 roku)*. P. 154–172.

¹⁰ В 1913–1914 гг. 72 частных гимназии и 56 государственных. См.: *Ibid.*

¹¹ *Historia Wychowania. Wiek XIX i XX*. P. 100–102.

тельства, не было государства, поэтому они пытались культивировать чувство национальной принадлежности. Для этого требовалось развитие образования на основе социальной и национальной философии с использованием достижений западной педагогической философии. Так можно было оказывать влияние на польское общество, консолидируя традиции, чувство самостоятельности и религиозности. Поэтому было естественно, что ориентиром стало не государство, а нация. И это было основополагающим для любого течения образовательной мысли: позднего просвещения, романтизма, позитивизма и научно-педагогического направления¹².

¹² На основе философии в регионах прусского господства формировалось романтическое направление в педагогике. Его крупнейшими представителями были:

Кароль Либельт (1807–1875) – философ. Объектом и субъектом его исследований была нация в историческом смысле. Он утверждал, что нации находятся в процессе все большего совершенствования. Для этого развития неизбежно нужен образовательный процесс. Либельт считал, что основная задача начальной школы – воспитать юношу хорошим гражданином, подготовленным с профессиональной точки зрения. Он четко разделял школьное образование для сельских детей и городских. Первые, утверждал он, не могут читать Вергилия в оригинале или дискутировать о Платоне или Гегеле, поэтому их образование должно быть более утилитарным. А в гимназиях и средних школах нужно отказываться от классицизма и заменить его реальными и прагматическими предметами. Только одно должно было быть единым для обеих ступеней школы: преподавание истории нации и религии, которые нужны для воспитания патриотов.

Август Цешковский (1814–1894) – философ. Свои педагогические идеи он изложил в книгах «Пролегомены к историософии» (*Prologomena do historiozofii*) (1838) и «Отче наш» (*Ojcie nasz*) (1848). В своей национальной философии он разделил историю человечества на три эпохи: чувство и искусство (античность), мысль и идея (христианство), эпоха деятельности, которая должна объединить чувство и мысль (новое время). Он предполагал, что наступает последняя эпоха, и сбудутся слова из «Отче наш» *хлеб наш насущный даждь нам днесь*, поэтому мы должны подготовить себя хорошим образованием, опирающимся на два столпа: интеллектуальный и интеллектуально-практический. То есть школа должна давать не только общую, но и практическую подготовку. По его мнению, только такое обучение может подготовить нацию к общественно-нравственному переустройству. Он был сторонником идеи универсального/общего образования.

Бронислав Трентовский (1808–1869) – преподаватель, философ, автор одного из самых известных трудов «Chowanna, или система народной педагогики как навыков преподавания, науки и просвещения, словом образование нашей молодежи» (*Chowanna, czyli system pedagogiki narodowej jako umiejętności*

В интересующий нас период (конец XIX – начало XX в.) на польских землях заметно позитивистское направление в педагогике, носившее несколько иной оттенок, чем западный позитивизм. Речь шла прежде всего об общественно-политическом и журналистском движении. Основные направления этого течения предполагали, что обучение должно базироваться не на «героизме и смерти за родину», а на «героизме искусства жизни». Тогда считалось, что следует мыслить в позитивном направлении, то есть нужно начать с органичного труда, чтобы развить национальное образование и модернизировать государство. Новое позитивистское образование предполагало, что работа должна касаться не только нравственного, этического, культурного совершенствования, но прежде всего рациональности и плодотворности в управлении собственным предприятием. Поэтому большое внимание уделялось образованию сельского населения в целях ликвидации неграмотности.

С этой целью распространялись начальные школы с программой, делавшей упор на естественные и технические науки. Преподаватель должен был вести образцовую жизнь и стараться поддерживать прилежание учащихся.

По мнению позитивистов, образовательная программа гимназий должна была включать в себя не только классические предметы. Будучи сторонниками технического развития, они популяризировали естественные и математические науки, так как гимназия должна была готовить учащихся к общественно-экономической жизни. То же каса-

wychowania, nauki i oświaty, słowem wykształcenia naszej młodzieży) (1842). Его идеи были очень патриотичны. Основываясь на философии немецких идеалистов, он считал, что субъектом истории являются нации. Он считал немцев «спиритуалистами» (тезис), французов «реалистами» (антитезис), синтезом которых должна стать польская нация с идеей мессианства. И именно эту задачу ставила идея национальной педагогики. И так же как немецкая педагогика создавала человека «идеального», французская – «реального», так польская национальная педагогика должна формировать человека «мудрого и активного». На основе своей педагогической философии Трентовский построил практическую систему национального образования, состоящую из трех секций: непиотической – касалась учащихся, дидактической – преподавателей и способов преподавания, и эпической – организация школ вместе с историей образования.

Эварист Эстковский (1820–1856) – преподаватель, чиновник системы образования и главный редактор журналов для учителей *Szkola Polska* и для детей *Szkołka dla dzieci*. Он был пропагандистом реальных училищ и сторонником преподавания польского языка в школах. Но прежде всего он занимался обучением учителей.

лось реальных училищ, которые должны были готовить учащихся к конкретной профессии или ремеслу.

Не забыли позитивисты и о самых маленьких – детях, особенно в сельской местности. Они разработали теоретические основы домашнего обучения, потому что родители должны быть «первыми учителями в детстве». Эта программа предусматривала нравственное, социальное, религиозное и экономическое обучение¹³.

4. Религиозные идеи в польском образовании

Вторая половина XIX в. отмечена расцветом либеральных идей и атеизма, которые по своей природе направлены против христианства и Церкви. Возникают социалистические и коммунистические партии, и постепенно общество пропитывается этими идеями и отдаляется от

¹³ *Moźdżeń S.I.* Historia Wychowania 1795-1918. P. 308-319; Historia Wychowania. Wiek XIX i XX. P. 106-112. Наиболее известными представителями польского позитивизма являются:

Ян Владислав Давид (1859–1914) – представитель научно-педагогического направления. Он первым провел научное психолого-педагогическое исследование детей. Его самые известные книги: «Программа психолого-образовательного наблюдения ребенка с момента рождения до 20-летнего возраста» (*Program spostrzeżeń psychologiczno-wychowawczych nad dzieckiem od urodzenia do 20 roku życia*) (1887) и «Умственные ресурсы ребенка. Вклад в эмпирическую психологию» (*Zasób umysłowy dziecka. Przyczynek do psychologii doświadczalnej*) (1896). Своими трудами он положил начало исследованиям в области психологии обучения и развития. Второй областью его интересов было начальное обучение.

Станислав Карпович (1864–1921) – автор трех произведений: «Педагогические наброски» (*Szkice pedagogiczne*) (1897), «Наука образования» (*Nauka wychowania*) (1902) и «Идеалы и методы современного образования» (*Idealy i metoda wychowania współczesnego*) (1907). Свои тезисы об образовании он обосновывал соотношением жизненных и природных процессов. Эти идеи он переносил на отношения между обществом и образованием. Он считал, что человека следует обучать в соответствии с объективными теоретическими правилами, в соответствии с природными и социальными потребностями.

Станислав Прус-Шипановский (1846–1900) – представитель национальной педагогики. В своей работе «Нищета Галиции в цифрах и программа интенсивного развития национального хозяйства» (*Nędza Galicji w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego*) (1888) он представил программу подъема нации из состояния экономической недоразвитости путем национального образования. Она заключалась в воспитании сильного характера и интеллекта человека, который должен быть патриотом и быть ответственным за родину.

Церкви. Однако в оккупированной Польше эти идеи не получили такого влияния, как на Западе. В Царстве Польском существовало социалистическое движение, расколовшееся затем на два: коммунистическое интернационалистское и социалистическое националистское (Польская социалистическая партия).

Это были вызовы для Церкви, которая оказалась в новой ситуации. Трудно сказать, насколько церковная иерархия (особенно в Риме) помогла найти решение. Но возникло движение снизу, прежде всего различные церковные общества и братства.

Католическая церковь, отдавая себе отчет в ослаблении польского духа и в серьезности вызовов, связанных с разделом, пыталась активно работать по трем направлениям: семья, приход (а также братства и общества) и школа.

Прежде всего это была активизация деятельности мирян, то есть Церкви снизу. Миряне-католики хотели включить Церковь в новые педагогические методы. Для этого нужна была крепкая и здоровая семья. И здесь Церковь видела свою основную миссию. Школа и различные учреждения должны были только дополнить эту деятельность. Тогда, чтобы достичь успеха в религиозном обучении, священник-законоучитель должен был опираться на авторитет семьи. А для этого нужны были проповеди в церкви, таинство покаяния, пастырские визиты и личные контакты¹⁴.

А еще существуют приходы, где Церковь выполняет пастырское служение напрямую. Епископы старались приблизиться к народу, совершая пастырские визиты и используя религиозную прессу как средство пастырского послания. Во второй половине XIX в. наблюдается значительное укрепление католической печати. В ней публиковались пастырские послания и распоряжения епископов, проповеди и материалы нравственного, исторического и религиозного характера и т.д. Но более всего увеличилось количество книг религиозной тематики. Открываются новые издательства, в каждом приходе стараются открыть народную библиотеку, священники говорят о необходимости читать и учиться.

Церковь пыталась шире задействовать мирян в общественной жизни в католическом духе. Речь шла о создании братств и обществ современного типа, но по-прежнему в связи с клиром и пастырским служением Церкви. Эти организации должны были более ответственно участвовать в общественной и политической жизни как противовес

¹⁴ *Panuś T. Historia katechez y i katechetyka fundamentalna. Tarnów, 2003. P. 113–121.*

позитивистской программе. Толчком к этой деятельности стала энциклика папы Льва XIII *Rerum novarum* (1891). С этого момента миряне получили конкретную программу социального учения Католической церкви.

Братства и общества носили различный характер. В Тернополе в 1863 г. было организовано Общество взаимопомощи частных служащих Тернопольского округа (*Stowarzyszenie Wzajemnej Pomocy Urzędników Prywatnych Obwodu Tarnopolskiego*) с целью повышения нравственности, трудолюбия и усердия. В Тарнуве было основано в 1895 г. Общество католических слуг (*Towarzystwo Sług Katolickich*). В конце XIX в. во Львове было создано братство, помогавшее нищенствующим и бродягам. Но наиболее популярным было Общество свв. Викентия и Павла (*Towarzystwo św. Wincentego à Paulo*), основанное во Франции в 1833 г., которое получило быстрое распространение в Польше во второй половине XIX в.

Церковь прилагала много усилий, чтобы поддержать здоровый патристический дух нации. Самой серьезной проблемой была борьба с пьянством. Первые антиалкогольные движения возникли в Западной Европе. В Польше первая такая организация была учреждена в Силезии в 1844 г., а отсюда распространилась по всей польской территории.

Второй задачей была борьба с идеями атеизма. Для ответа на этот вызов в Германии священник Адольф Кольпинг создал общество, помогавшее подмастерьям в обучении (*Gesellenvereine – Kolpingwerk*) и защищавшее их от атеистического влияния. Деятельность Церкви в этом направлении получила распространение и в других странах, в том числе в Польше. Здесь католический священник Августин Шамарzewски стал создавать экономические и ремесленные общества, организуя рабочих для духовного уединения. Еще одной формой деятельности Церкви была организация курсов для ремесленников, где преподавание шло в духе католической этики и общественно-экономической справедливости¹⁵.

Еще одной областью образовательной деятельности Церкви была школа. Очень важно было не остаться вне школы, которая из-за новой социалистической идеологии и оккупации иностранными державами могла пойти в либерально-атеистическом направлении. Поэтому не удивительно, что в этой ситуации религиозное и национально-

¹⁵ *Walewander E.* Wychowanie chrześcijańskie w nauczaniu i praktyce Kościoła katolickiego na ziemiach polskich w II połowie XIX w. Lublin, 1994. P. 109–145; *Czekalski R.* Rys historyczny lekcji religii katolickiej w Polsce // *Studia Katechetyczne*. 2010. T. P. 108–110.

патриотическое воспитание занимало первое место в церковной мысли. Нужно знать, что в прусской зоне насаждался протестантизм, а в российской – православие. Только Галиция была католической, и это существенно сказывалось на возможностях отправления культа.

Основную роль в этой битве играло преподавание катехизиса. Важную роль играло присутствие священника, который находился в школе в течение всех уроков. Обязанностями преподавателя катехизиса было обучение утренней и вечерней молитве, разъяснение и размышление над Священным писанием, ведение бесед о вере, введение учащихся в церковные обряды и таинства. Религиозное обучение и пастырская забота Церкви с одной стороны защищали молодежь от новых идеологий, с другой – готовили ее к вызовам веры. В качестве средства предлагалось использовать суд совести, более частое покаяние и причащение. Важное место в обучении занимали увещания и проповеди, организация духовного уединения для молодежи. Законоучители должны были также организовывать поездки. Они старались привнести личностный подход в религиозное обучение.

Еще одним аспектом присутствия Церкви в области образования были методы, использовавшиеся при обучении. Особый акцент делался на авторитет педагога по принципу *verba docent, exempla trahunt*. Законоучитель должен был обладать определенными чертами характера: быть дружелюбным, открытым, умным, внушающим доверие лицом. И епископы, и директора школ тщательно отбирали преподавателей катехизиса, которые должны были быть людьми образцовыми¹⁶.

5. Заключение

Политическая ситуация в Польше в рассматриваемый период (конец XIX – начало XX в.) была очень трудной. Государства со структурой управления не существовало, нация была разделена между тремя державами. В этих обстоятельствах было ясно, что оккупационные власти пытались подавить польский дух, а с ним и всю систему образования, которая гарантирует национальную автономию. В российской и прусской зоне преследованию подвергалось все, что было польским или на польском языке. В школе вводились соответственно русский и немецкий языки, происходила германизация и русификация университетов, зачастую их просто закрывали. То же происходило с газетами и издательствами.

Чтобы защититься и сохранить польскую автономию, необходимо было скрываться от оккупационных властей, рискуя быть подвергну-

¹⁶ *Walewander E.* Op. cit. P. 84–106.

тым преследованиям вплоть до смертной казни. Тогда вся система образования ушла в подполье: летучие университеты, босые университеты, частные дома вместо школ, приходы и т.п. Так же поступали в отношении журналов и книг, печатая и распространяя их подпольным образом.

В зоне под австрийским господством ситуация была несколько иная. Оккупационные власти разрешали вести обучение в школах и университетах на польском языке, не закрывались школы, университеты, издательства, газеты. Было больше свободы, что не означает полного отсутствия преследований и на этой территории.

И все же такая ситуация в каждой части разделенной страны укрепляла дух национальной польской солидарности и чувство определенного «мессианства», учитывая религиозность поляков. Действительно, Церковь имела большое влияние на поддержание определенной независимости, скорее духовной и интеллектуальной.

Несмотря на все усилия, оккупантам не удалось за 123 года оккупации убить польский дух и национальное чувство.

Усилия польской нации возродить родину закончились успехом после Первой мировой войны (1918), когда Польша вновь обрела независимость и полную свободу.

Пер. с итал. Н.Г. Тереховой

Среди католических организаций Польши на рубеже XIX и XX веков, связанных с орденом иезуитов, особого внимания заслуживают Марианские содалии. В них состояли представители разных профессий и всех социальных слоев, как из городской, так и сельской местностей. Основной целью общества являлось подготовка мирян, осознающих свое призвание в Церкви и участвующих в общественной жизни. Деятельность Академических Марианских содалий в этом направлении имела особое значение. Ее члены проводили работу в культурно-образовательной и социальной сферах, а также развивали религиозные и национально-обрядовые традиции.

В этой статье будет рассказано об истории основания Марианских содалий. Затем будет сообщено о деятельности Академических Марианских содалий в период их наибольшего расцвета на территории польских земель на рубеже XIX и XX вв. Прежде всего, изложим те важные цели и идеалы, которые лежали в основе деятельности Академических Марианских содалий. Также будет проанализирована такая важная область, как воздействие обществ на учащуюся молодежь. Особое внимание обратим на действия, которые были направлены на поддержание развития личности и религиозности, формирование характера и мотивации работать над собой, а также пробуждение социальной активности и готовности служить Отечеству.

1. Возникновение и развитие движения Марианской содалии

Марианские содалии, также еще называемые Марианскими конгрегациями (лат. *Congregatio Mariana*), были религиозными организациями в Католической церкви. Первая Марианская содалия была создана по инициативе иезуитского священника Жана Леуниса (Leunis)¹ в школьной среде в Риме.

Фламандец по происхождению, Леунис родился, вероятно, около 1536 г.² В орден иезуитов был принят самим основателем ордена св.

¹ Известны также другие варианты фамилии: Leonis, Leonius, Leon van der Lieur, Jan Leon z Luttich.

² См.: Wick J. SJ Le Père Jean Leunis SJ (1532-1584) Fondateur des Congrégations mariales / Avec la collaboration de R. Dendal SJ. Rome, 1951.

Игнатием Лойолой 13 июня 1556 г. В 1560 г. Леунис, еще будучи семинаристом, становится учителем иезуитской коллегии в Риме и, занимаясь организацией учебного процесса, стремится наряду с преподаваемыми знаниями прививать молодежи христианские ценности. С этой целью один раз в неделю, по субботам, он устраивал специальные встречи для учащихся, во время которых популяризировал почитание и богослужение Пресвятой Деве Марии. Собрания заканчивались молитвой и пением песен в Ее честь³. Заметив результативность таких встреч, после рукоположения в 1563 г. и с одобрения начальства решил создать религиозную организацию. Это намерение он начал реализовывать в 1563 г. при храме Благовещения Пресвятой Богородицы в Римской Коллегии (*Collegium Romanum*), назвав организацию Марианская содалиция (*Sodalitia Mariana*, Марианская конгрегация – *Congregatio Mariana*)⁴.

В первую группу Марианского общества вошли около семидесяти учеников из классов грамматики и литературы. Основной целью организации была постоянная забота о религиозном образовании, что достигалось через еженедельные исповеди и причащения и повседневное чтение молитвы с розариями (четками). Каждый день вечером ученики собирались на пятнадцать минут для размышления, самоанализа и подготовки утреннего размышления. В праздничные дни присутствовали на вечерне и посещали больных. А во время общих разговоров обменивались рассказами о своих ими достижениях⁵.

В 1564 г. решением начальства Жан Леунис был направлен из Рима в Париж.

Однако это не помешало развитию Общества. Уже в 1581 г. в Римской коллегии насчитывалось четыре Содалиции, которые носили названия: *Prima primaria*, *Secunda primaria*, *Tertia primaria*, *Quarta primaria*. Каждая из них имела четко определенную цель и средства, а также устав, который регулировал как внешнюю, так и внутреннюю жизнь их членов⁶. Кроме того, на динамическое развитие Марианских

³ Rostworowski J. T.J. Przewodnik Sodalicyj Marjańskich złączonych kanonicznie z archisodalicją rzymską zwaną Prima Primaria. Kraków, 1925. S. 5–10; Rymarówna Z. Przewodnik Sodalicyj Mariańskich w Polsce, Kraków, 1997. S. 16–18.

⁴ Laszuk A. Dzieje Sodalicyj Mariańskich w Polsce na tle sytuacji Kościoła w Europie // Sodalicje Mariańskie w Europie wczoraj, dziś i jutro / Pod red. A. Laszuk i R. Pruszyńskiej. Warszawa, 2010. S. 22–23.

⁵ Rymarówna Z. Op. cit. S. 17–18.

⁶ X. J.W. Kolebka sodalicyj – Prima Primaria w Rzymie // Pod Znakiem Marji. 1933. Grudzień. Rok XIV. N. 3. S. 49–52; Sodalicja Mariańska, na Śląsku zwana Kongregacją Mariańską: <http://www.encyklo.pl/> Дата обращения: 22.11. 2015. См.

Содалиций указывает тот факт, что его деятельность скоро распространилась в Италии, Испании, Португалии, Польше. Затем филиалы организации возникли на территории Германии и Швейцарии, в таких городах, как Кельн, Фульда, Фрибург, Люцерн. Со временем общества возникают практически при всех церквях и иезуитских коллегиях⁷. Следует добавить, что к Обществу принадлежала лучшая и самая деятельная молодежь, для которой принадлежность к организации являлась особым отличием, а удаление из ее рядов считалось одним из самых тяжелых школьных наказаний⁸.

Возможно, значительное влияние на развитие Общества оказала команда тогдашнего секретаря ордена Иоанна Поланко, который 14 июля 1564 г. рекомендовал распространить среди всех иезуитских коллегий первые «Правила Общества». При таком интенсивном развитии Общества не нужно было долго ждать одобрения со стороны Святого Престола. Произошло это 5 декабря 1584 г. Папа Григорий XIII издал буллу *Omnipotentis Dei*, в которой объявил о создании *Primaria Congregatio Mariana* при иезуитской церкви Иль-Джезу в Риме⁹. Действующее при ней Общество было признано своего рода *Prima Primaria*, главной в сети Марианских обществ, ячейки которых повсеместно открывались самостоятельно¹⁰. А руководитель генерального ордена должен был только присоединять возникающие отделения Содалиции к *Prima Primaria*.

Семнадцатый век стал временем особенного развития жизни Содалиции, что выразилось в большой численности ее отделений, а также расширении методов работы. Деятельность организации поддерживало

также: *Myszor J.* Sodalicja Mariańska // *Bóg Człowiek Świat* / Pod red. A. Konopczyna. Katowice, 1989. T. I. S. 260–261.

⁷ *Rymarówna Z.* Op. cit. S. 19.

⁸ *Lawszuk W.* *Jezuici w Grodnie 1622-1700: ludzie i dzieje kolegium*, Kraków, 2013. S. 41; *Лявицук В.* Марианская содалиция иезуитского коллегияума в Гродно (1630-1773): опыт реконструкции деятельности // *Религиозное образование в России и Европе в XVIII веке* / Под ред. Е.С. Токаревой, М. Инглота SJ, Санкт Петербург, 2013. С. 133–160.

⁹ *Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564-1995* / Opracował L. Grzebień SJ przy współpracy zespołu jezuitów. Kraków, 1996. S. 629.

¹⁰ *Rostworowski J. T.J.* S. 12–14. С этого момента названия «Содалиция» или «Марианская Конгрегация» распространялись исключительно на те марианские религиозные объединения, которые были созданы до возникновения *Prima Primaria*, или до первой зарегистрированной Марианской Содалиции в Риме.

много известных людей того времени, между ними св. Франциск Сальский, св. Карло Борромео¹¹.

В XVIII–XIX вв. под влиянием новых интеллектуальных течений и направлений философии, с увеличением секуляризации и религиозно-безразличия, Содалия играет важную роль в защите веры и Католической церкви. Высоко оценена была ее деятельность папой Бенедиктом XIV в булле *Gloriosae Dominae* от 27 сентября 1748 г.¹² Папа указал на плоды трудов Содалии и призывал всех ее членов к совершению дел любви к Богу и ближнему, что должно способствовать укреплению и содействию единству католической церкви¹³.

Развитие Марианских содалиций на польских землях связано с появлением здесь в 1564 г. первых иезуитов, что произошло с открытием первой иезуитской школы в Бранево. Уже через несколько лет, в 1571 г. была создана первая Марианская содалия. Следует указать, что на территории Речи Посполитой во всех тогдашних иезуитских школах структура и деятельность Марианских содалиций были схожи с организацией Браневской содалии¹⁴. Как заметил исследователь истории Общества Иисуса Станислав Беднарский, «составление внутренних правил и почитание Матери Божией не были единственной целью Содалии, но должны были стать внутренним основанием для социального и апостольского служения. В школах работа в этом направлении должна была служить для повышения нравственности и являться примером, который бы оказывал влияние и за пределами школы, а также охватывать образовательно-благотворительную деятельность»¹⁵. Аналогичного мнения придерживается другой ученый,

¹¹ Rymarówna Z. Op. cit. S. 23–26.

¹² Benedykt XIV. Bulla Aurea *Gloriosae Dominae*. Romae, 30 Junii 1748; Liber Saecularis Historiae Societatis Jesu ab Anno 1814 ad Annum 1914. Roma, 1914. S. 535–536.

¹³ Rymarówna Z. Op. cit. S. 28; Laszuk A. Op. cit. S. 27–28.

¹⁴ Ingłot M., Grzebień L. *Uczniowie – Sodalisi gimnazjum jezuitów w Braniewie (Brunsberdze), 1579-1623*. Kraków, 1998; Ingłot M. *Kongregacje (Sodalicje) Mariąskie w szkołach jezuickich od XVI do XVIII wieku (Postulat badawczy) // Historia. Społeczeństwo. Wychowanie. Księga pamiątkowa dedykowana Profesorowi Józefowi Miąso / Pod red. K. Bartnickiej, J. Schiller. Pułtusk; Warszawa, 2004. S. 280; Piechnik L. *Gimnazjum w Braniewie w XVI w. Studium o początkach szkolnictwa jezuickiego w Polsce // Nasza Przyszłość. 1958. N. 7. S. 5–72; Kochanowicz J. *Geneza, organizacji i działalność jezuickich burs muzycznych*. Kraków, 2002. S. 54; Łacek M. *Sodalicja w Polsce*. См: <http://internetowa-sodalicjamariana.manifo.com/sodalicja-w-polsce> Дата обращения: 23.11.2015.**

¹⁵ BednarSKI S. Upadek i odrodzenie szkół jezuickich w Polsce. Studium z dziejów kultury i szkolnictwa polskiego. Kraków, 1933. S. 404.

изучающий историю иезуитского воспитания и образования, Людвик Гжебень, который утверждает, что организация Марианские Содалиции стремилась соединить обучение с христианской жизнью¹⁶.

Для Содалиции тяжелым временем стали годы после роспуска ордена иезуитов. Под давлением противников Церкви, папа Климент XIV 21 июля 1773 г. вынужден был издать *Dominus ac Redemptor*, которым запретил деятельность ордена иезуитов. В результате этого решения также пострадала деятельность Марианской содалиции, которая была значительно ограничена. Хотя папа подтвердил привилегии Содалиции и право объединяться вокруг *Prima Primaria* через епископов-ординариев других орденов, однако в Содалиции многие из ее руководителей и членов ушли в отставку или утратили свое влияние.

Через несколько десятилетий, в 1814 г., папа Пий VII восстановил орден иезуитов. Еще через десять лет, в 1824 г., Содалиция *Prima Primaria* была возвращена под управление ордена¹⁷. В *Prima Primaria* включили также те Содалиции, которые были созданы за время отсутствия иезуитов. Одновременно иезуиты создали школы во Львове, Тернополе и Гирове (Чуговие)¹⁸, в которых также действовали Марианские содалиции. К примеру, в 1914 г. в Галиции существовало 126 содалиций, которые насчитывали более 10 тыс. членов¹⁹.

Поскольку содалиция отлично выполняла воспитательные функции в школьной среде, уже в конце XIX в. иезуиты применили ее аналоги для организации высших учебных заведений, создавая в городах отдельные Академические Содалиции, которые необязательно должны были быть связаны с иезуитскими костелами. Успешная деятельность Содалиции стала причиной создания в 1923 г. в Риме Центрального секретариата Марианской конгрегации, задачей которого была координация действий содалиций в разных странах. Спустя тридцать лет, 2 июля 1953 г., папа Пий XII одобрил образование Всемирной федерации Марианских содалиций²⁰. Деятельность Марианских содалиций на территории Польши, да и за ее пределами, была приостановлена Второй мировой войной, а после ее окончания, решениями и постановле-

¹⁶ *Grzebień L.* Kongregacja Dzieci Maryi w Polsce na przełomie XIX i XX wieku (zarys problematyki) // *Katecheza drogą do Boga. Księga Jubileuszowa dedykowana Siostrze Profesor Czesławie Margaricie Sondej OSU / Pod red. I. Popiołek oraz S. Cieślaka SJ.* Kraków, 2011. S. 316.

¹⁷ *Rymarówna Z.* Op. cit. S. 29–30.

¹⁸ После восстановления независимости в 1918 г. эти города вошли в состав польского государства.

¹⁹ *Laszuk A.* Op. cit. S. 32.

²⁰ *Ibid.* S. 33.

ниями коммунистических правительств. Марианские содалиции были ликвидированы польскими властями в 1949 г. на основании указа об организации церковных обществ. Несколько активистов иезуитов были арестованы и отправлены в тюрьму, среди них: Станислав Навроцкий, Фома Ростоворовский, Ромуальд Москава, Леон Шелаг²¹.

Для завершения исторического очерка деятельности Марианских содалиций, стоит отметить его организационную структуру. Обязательной она была для всех отделений, но учитывала особенности местности и людей. Во главе каждой содалиции стоял модератор, который назначался церковными властями и располагал значительными полномочиями. Местные общества содалиции формировали отделения. В созданные отделения входили члены обществ данной местности. Отделением руководили, с соответствующими компетенциями исполнительной власти, префект и его заместитель – помощник, который заменял префекта в случае его отсутствия на заседаниях. Также выбирали секретаря отделения, ответственного за канцелярию, и казначея, контролирующего финансовые вопросы. В организационных структурах Марианских Содалиций важную роль выполнял инструктор. В его обязанности входило знание истории и идейных принципов Содалиции, а также забота об обучении и подготовке кандидатов для вступления в ряды организации. В отделениях создавались секции, занимающиеся различными видами участия и апостольства. Крупнейшие содалиции имели до восьми секций. Наиболее частыми из них были: евхаристическая, апологетическая, миссионерская, благотворительная, лекционная²².

2. Деятельность Академических Марианских содалиций на территории польских земель на рубеже XIX и XX веков

Особое место в воспитательной работе учащихся следует признать за Академическими Марианскими содалициями. В конце XIX в. иезуиты организовали Марианские содалиции для студенческой молодежи в тех городах, где не имели своих школ, но под их влиянием находились университеты (например, в Кракове или Львове). При создании содалиций руководствовались убеждением, что путем организации студенческой

²¹ Encyklopedia wiedzy o jezuitach... S. 630; *Laszuk A.* Op. cit. S. 39.

²² Encyklopedia wiedzy o jezuitach... S. 629–630; Regulaminy Sekcyi krakowskiej Sodalicji akademickiej // Sprawozdanie Krakowskiej Sodalicji Marjańskiej Akademickiej 1909/10. Kraków, 1910; Deklaracja programowa i ideowa Sodalicji Marjańskiej Akademików // Sprawozdanie z działalności Sodalicji Marjańskiej Akademików w Krakowie za rok 1929/30. Kraków, 1931. S. 3–4; *Moskala R.* *TJ* Ustawodawstwo Sodalicyjne. Rozprawa historyczno-prawnicza, maszynopis: Archiwum Prowincji Małopolskiej Towarzystwa Jezusowego (далее АРМТJ). Sygn. 5073.

молодежи в рядах Марианских содалиций будут реализованы главные цели образования. Иезуиты предполагали, как и папа Лев XIII, который призвал епископов по всему миру создавать содалиции, что «молодые люди в Содалициях под мудрым руководством священников и при взаимной поддержке дадут хороший пример стяжания добродетельной жизни и мужества в борьбе против безбожия, открыто и безбоязненно будут исповедовать святую веру и презирать обманчивое очарование безнравственности»²³.

На рубеж XIX–XX вв. приходится время широкого развития в польских землях Марианских содалиций. В этот период ведущими иезуитскими деятелями были Станислав Залеский, Мариан Моравский, Мартин Черминский, Стефан Братковский, Генрих Хадух, Ромуальд Москава²⁴. В условиях динамично развивающихся и быстро растущих содалиций и вовлеченности в них различных кругов молодежи как мужского, так и женского пола, из разных социальных и профессиональных сфер, появилась возможность оказывать влияние также на студенческую молодежь²⁵. В связи с этим, в следующей части исследования будет сообщено о деятельности мужских Академических Марианских содалиций, которые возникали последовательно во Львове, Кракове, Варшаве, Познани, Гданьске, Вильнюсе и Люблине, а также о женской Академической Марианской содалиции.

а) Мужская Академическая Марианская содалиция

Первая и самая старая на польских землях Академическая Марианская содалиция была создана во Львове. Учредительный договор о ее

²³ Цит. по: *Cieślak S. SJ Działalność społeczno-kulturalna jezuitów galicyjskich w stowarzyszeniach katolickich 1856-1914. Kraków, 2013. S. 212; см. также: Ledóchowski W. List P.N.O. Generała o Sodalicyjach M[ariańskich] // Nasze Wiadomości. 1923. T. VI. N. 31. S. 253–259.*

²⁴ Биографии указанных иезуитов можно найти: *Encyklopedia wiedzy o jezuitach...* S. 780, 438, 110, 66, 205, 440.

²⁵ Чрезвычайно ценным исследованием о масштабах и влиянии Марианских Содалиций в студенческих кругах следует считать публикацию Мечислава Голубя, изданную во Львове в 1928 г. под заголовком «Академические Марианские Содалиции в Польше». Во введении автор разработки сообщает, что публикация охватывает период с 1889 г., с момента основания первой Академической Марианской содалиции во Львове, до 1927 г., то есть до четвертого Съезда делегатов Академических содалиций. Охваченные годы включают интересующий нас период – время интенсивной и яркой деятельности Академической Марианской Содалиции. См.: *Golqb M. Akademickie Sodalicje Marjańskie w Polsce. Rys historyczny w ruchu i jego rola w życiu akademickiem. Lwów: Nakładem Związku Sodalicyj Marjańskich Akademików w Polsce, 1928.*

создании от 3 марта 1889 г. подписали семнадцать членов и иезуит Стефан Братковский, как основатель и первый модератор. «Конгрегация была создана с посвящением имени <Благовещения Пресвятой девы Марии и св. Казимира>»²⁶. В свою очередь, благодаря усилиям другого иезуита Мариана Моравского была создана первая Академическая содалиция в Кракове в 1891 г.²⁷ В эту содалицию записывались в первую очередь студенты Ягеллонского университета. Они «считали, что вера и общественное служение являются тесно связанными между собой, а любовь к вере и отечеству полагали своим самым достойным идеалом и руководством к жизни»²⁸.

Начало деятельности мужской Академической содалиции в Варшаве связано с вступлением в Марианскую содалицию учеников средних школ. Через несколько месяцев была образована отдельная Академическая содалиция. Торжественный акт создания последней датируется 7 мая 1916 г.²⁹ Стоит отметить, что в Варшаве Академическая содалиция не существовала до Первой мировой войны из-за запрета деятельности содалиций на территориях, занятых русскими. Тем не менее, со временем Академическая содалиция растет как численно, так и в видах и формах своей деятельности. Как отметил Павел Росчишевский, «Содалиции были первыми католическими организациями в Варшаве, действующими на территории высших учебных заведений. Эта ситуация ставила их перед особенно трудной задачей: пробуждением религиозной жизни в среде, предвзято относящейся к соседству веры и знания. Именно эта проблема: с одной стороны, рационализм, с другой стороны, фидеизм – была тогда для Церкви одной из самых сложных. Поэтому вопросы философских оснований веры и апологетики выдвигались в программе Содалиции на первый план»³⁰.

Начало существования Академической Марианской содалиции в Познани датируется 27 ноября 1921 г. На первом заседании присутст-

²⁶ Ibid. S. 46.

²⁷ Dziesięć lat istnienia krakowskiej Sodalicyi Maryańskiej Akademickiej 1891-1901. Kraków, 1901; Encyklopedia wiedzy o jezuitach... S. 629.

²⁸ Цит. по: *Cieślak S.* SJ Op. cit. S. 213; см. также: *Zaczek K.* O dotychczasowej działalności Krakowskiej Sodalicyi Akademickiej // Księga Pamiątkowa Maryańska ku czci pięćdziesięciolecia ogłoszenia Dogmatu o Niepokalanym Poczęciu Najświętszej Maryi Panny. Lwów, 1905. T. 1. S. 604.

²⁹ *Goląb M.* Op. cit. S. 73.

³⁰ *Rościszewski P.* Działalność warszawskiej Sodalicyi Akademickiej w latach 1916-1949 // Sodalicje Mariańskie w Europie wczoraj, dziś i jutro. S. 67. См. также: *Блękitne sztandary. Zarys dziejów Sodalicyi Mariańskiej Akademików w Warszawie 1945-1949.* Warszawa, 2008.

вовало десять человек. Со временем круг членов Содалиции постепенно расширялся. После оформления правовых оснований деятельности при университете в Познани Содалиция получила возможность развиваться в плане реализации новых направлений образования своих членов, возможности участвовать в конференциях и совещаниях с другими организациями³¹.

Следующим городом, где была организована мужская Марианская содалиция, был Гданьск. Создание Марианской содалиции студенческой молодежи на территории города проходило крайне сложно из-за тогдашних общественных и национальных обстоятельств. Начало деятельности Академической содалиции в Гданьске восходит к 15 января 1923 г.³² Первое собрание организации состоялось в значительной степени благодаря инициативе подростков из Марианской содалиции средних школ. Следует отметить, что сфера деятельности общества здесь постепенно расширялась, учитывая потребности местности. В частности, в Гданьске занимались продвижением родного языка и празднованием польских праздников, с помощью этого Содалиция пыталась охранить «местное польское население от денационализации»³³.

На территории Вильнюса студенческая Марианская содалиция оформилась относительно поздно. В конце 1924 г. Содалиция была подчинена *Prima Primaria* как Академическая Марианская содалиция университета Стефана Батория в Вильно, посвященная в честь Непорочного Зачатия Девы Марии и Блаженного Андрея Боболи³⁴. А начало деятельности Академической содалиции в Люблине датируются 1926 г.³⁵

Все образовавшиеся мужские Академические Марианские содалиции руководствовались идеей, что они являются учебными заведениями, верными католичеству и ориентированными на «работу по воспитанию духовной жизни и активного участия в католическом общественном движении»³⁶. В связи с этим, заботились о развитии и воспитании молодежи в интеллектуальном, религиозном и общественном плане. При этом не ограничивались только личностным развитием, а оказывали учащейся и работающей молодежи помощь практиче-

³¹ *Golqb M.* Op. cit. S. 67–72.

³² *Ibid.* S. 4.

³³ *Ibid.* S. 11.

³⁴ *Ibid.* S. 87.

³⁵ *Ibid.* S. 44.

³⁶ *Z Sodalicyj akademików w Polsce // Pod Znakiem Marji.* 1934. Luty. Rok XIV. N. 5. S. 111.

ского характера, в частности путем организации обучения, а также консультаций по юридическим и административным вопросам³⁷.

В основе деятельности организации лежала идея единства целей и сотрудничества всего образовательного сообщества. Предполагалось, что «хорошо поставленная вначале работа с постепенным расширением сферы деятельности Содалииции приведет, несомненно, к реализации великих содалиционных идеалов о обществе»³⁸. Поэтому к числу основных обязанностей членов мужской Академической Марианской содалииции входило участие в собраниях, тематических чтениях, мероприятиях общества, а также в богослужениях и святых Мессах, а также в ежегодных реколлекциях, кроме того, должны были сотрудничать с другими религиозными объединениями³⁹. Организационная и общественная работы осуществлялись в секциях: евхаристической, апологетической, благотворительной, лекционной⁴⁰. В состав объединений Академических Марианских содалиций в основном входили студенты и ученые.

б) Женская Академическая Марианская содалиция

Нельзя обойти вниманием деятельность женской Академической содалииции. Мечислав Голубь отметил, что «женские академические содалииции раньше других обратили внимание на необходимость установления связей между своими организациями для взаимодействия и установления единства принципов и методов работы»⁴¹. С этой целью в январе 1921 г. во время общего студенческого съезда в Варшаве состоялась первая неформальная встреча представителей различных образовательных центров. С тех пор встречи Содалииции стали проходить регулярно. Через год, в июне 1922 г., во Львове, была создана Ассоциация женских Академических Марианских содалиций в Польше и утвержден проект ее устава. В ее создании участвовали отдельные делегации из Кракова, Люблина, Познани, Варшавы и Львова⁴². «Все съезды женской Академической содалииции показывали отличную организационную работу, многие охотно и с энтузиазмом молодых бойцов несли идеи Содалииции в университетах. Вызывает удивление, что несмотря на отсутствие опыта и подобных примеров других католиче-

³⁷ *Golqb M.* Op. cit. S. 47–48.

³⁸ *Ibid.* S. 88.

³⁹ *Ibid.* S. 13. 44–45.

⁴⁰ *Sprawozdanie z działalności Akademickiej Sodalicji Marjańskiej za rok 1928/29.* Kraków: Nakładem Sodalicji Marjańskiej Akademików, 1929. S. 13–19.

⁴¹ *Golqb M.* Op. cit. S. 124.

⁴² *Ibid.* S. 125–126.

ских образовательных организаций⁴³, съезды проходили на очень высоком уровне. Предпринималось также сотрудничество между содалициями мужскими и женскими»⁴⁴.

Для полноценности картины о деятельности мужских и женских Академических Марианских содалиций стоит вспомнить отрывок из воспоминаний Станислава Михновского. «Привлекала меня теория эволюции и познавательные возможности исследований. Тем не менее, стали доходить глубокие интеллектуально-религиозные влияния. Они также вытекали из академических кругов, контакты с которыми могли быть установлены через старших коллег в Варшаве, изучавших этот вопрос. При большом количестве созданных в высших учебных заведениях отделений развивалась там Марианская содалиция в рамках двух организаций: мужской и женской Академических Марианских содалиций. Обе организации действовали сходным образом, сохраняя между собой крепкую связь»⁴⁵.

3. Основные направления формирования студентов в Марианской содалиции

В основе организации и функционирования Марианских содалиций, прежде всего, заложен характер христианской жизни. Члены общества старались, чтобы все начинания сопровождалось идеей служения Иисусу Христу в Церкви, под всеохватывающим покровительством Пресвятой Девы Марии во всех областях повседневной личной и общественной жизни. Ведущим девизом Содалиции являлись слова: «Через Марию к Иисусу» (*Per Mariam ad Jesum*). В связи с этим, целью деятельности Марианских содалиций было воспитание преданности Матери Божией и приобретение глубокого религиозного образования, обучение и воспитание своих членов непоколебимыми в вере и последовательными в работе католиками, которые ответственно исполняют свои гражданские и профессиональные обязанности⁴⁶.

⁴³ Ibid. S. 128.

⁴⁴ Z Sodalicji akademików w Polsce. S. 110–111.

⁴⁵ Michnowski S. Wspomnienia o Sodalicji Mariańskiej Akademików (SMA) w okresie międzywojennym i drugiej wojny światowej // *Sodalis Marianus*. 2009. Październik–grudzień. N. 4 (29). S. 8.

⁴⁶ Wzorowy Statut Sodalicji Marjańskiej Inteligencji Męskiej // *Moskała R. TJ* Kim jesteśmy i czego chcemy? Rzecz o Sodalicjach Marjańskich. Kraków: Nakładem Krakowskiej Sodalicji Maryańskiej Akademickiej, 1933. S. 49–50; Regulaminy Sekcyi krakowskiej Sodalicji akademickiej // *Sprawozdanie Krakowskiej Sodalicji Maryańskiej Akademickiej za rok szkolny 1912/13*. Kraków, 1913. S. 1–7; *X. J.W.* Op. cit. S. 52; *Moskała R. TJ* Nasza rota. Kraków, 1946.

Для реализации поставленной цели должны были служить, между прочим, следующие меры: общие богослужения, собрания общие и по секциям, на которых получали религиозные знания через живое слово и книги. Этому также должна была содействовать любая деятельность: дела милосердия, миссионерская работа и апологетическая или католическо-общественная, а также инициирование и продвижение соответствующих мероприятий, таких как паломничества, религиозные праздники и т.д.⁴⁷

Исходя из этого, предполагаем, что Академические Марианские содалиции, как мужские, так и женские, руководствовались одинаковыми принципами и целями в своей работе. Поэтому далее в исследовании коснемся двух основных областей жизни студенческой молодежи, а именно: личностно-религиозного развития и общественной активности.

а) Формирование личности и религиозности

Личностное развитие тесно связано с воспитанием веры в Бога. В отчетах о деятельности Академической Марианской содалиции отмечалось, что необходимо веру не только «как мертвые сокровища хранить, но и всю нашу жизнь жить в соответствии с ней»⁴⁸. Поэтому предлагалось, чтобы каждый член Содалиции осуществлял работу над собой, заботился о созидании своего внутреннего «я», стремился к собственному совершенству и заботился о других. Речь шла прежде всего о «воспитании мирян, осознающих свое призвание в Церкви»⁴⁹.

Через собственное развитие, внутреннюю работу над собой, стремились к «воспитанию духовности и образованию людей» в «религиозности, духовном росте членов, христианском совершенствовании»⁵⁰. Речь шла, прежде всего, о том, чтобы «все мысли, чувства, желания, слова и поступки осуществлять, не жалея себя (...) требовать от себя много, судить себя строго и отдавать себя всего»⁵¹. Содействовать этому должно было выполнение определенных задач и обязанностей, в число которых входило участие в богослужениях,

⁴⁷ Wzorowy Statut Sodalicii Marjańskiej Inteligencji Męskiej. S. 5.

⁴⁸ *Winkowski J.* (без названия) // Sprawozdanie Krakowskiej Sodalicyi Maryańskiej Akademickiej za rok szkolny 1908/09, Kraków: Nakładem Krakowskiej Sodalicyi Maryańskiej, 1909. S. 3.

⁴⁹ Encyklopedia wiedzy o jezuitach... S. 629.

⁵⁰ *Moskała R. T.J.* Civis academicus – Sodalio Marianus, część I, maszynopis: AP-MTJ. Sygn. 5072. S. 9.

⁵¹ *Winkowski J.* Kształcmy sumienie sodalicyjne // Pod Znakiem Marji. 1936. Kwiecień. Rok XVI. N. 6. S. 148.

ежемесячное поклонение в первые пятницы месяца, совместное и индивидуальное участие в святой Мессе, Причастие, участие в молебнах Пресвятой Деве Марии, присутствие на собраниях, заседаниях и чтениях, активное участие в католических акциях и праздничных мероприятиях, посвященных «освященной гостии и освященному яйцу»⁵², ежедневное испытание совести, постоянное духовное руководство, участие в ежегодных реколлекциях и т.д.⁵³ Считалось, что благодаря такой практике будет происходить «утверждение членов Содалиции в незыблемых правилах святой католической веры, а также воспитание сильных характеров, которые будут выражаться в прилежном и бесстрашном выполнении обязанностей, в участии в мероприятиях, предпринятых Содалицией (...) с целью духовного и материального благополучия общества»⁵⁴.

Ромуальд Москава, иезуит, организатор содалиционных курсов и семинаров, автор и председатель нескольких конференций по теме Марианских содалиций, писал, что религиозные вопросы, вопросы сверхъестественной жизни являются не только вековыми национальными традициями или «какой-то семейной святыней, или украшением важнейших моментов нашей личной жизни, не только потребностью сердца и чувства, но, прежде всего, глубочайшим убеждением, а затем непоколебимой волей и из нее вытекающим святым делом и жизнью»⁵⁵. В свою очередь ксендз Юзеф Винковский в докладе во время празднования 25-летия Академической Марианской содалиции в Кракове 28 мая 1916 г. отмечал, что на каждом члене организации лежит обязанность заботиться о личном религиозном развитии, основанном на идеях и ценностях Марианской содалиции⁵⁶.

⁵² В Польше в Сочельник и в Рождество, хранят традицию преломления оплочки (очень тонкого белого хлеба), который является символом примирения и прощения, в знак дружбы и любви. А в период Пасхи, в Великую Субботу, в католических храмах проводится освящение (*święconka*) блюд (например, яйца, хлеба, соли, сыра, хрена, мяса, теста), которые едят в кругу семьи, во время пасхального завтрака.

⁵³ *Winkowski J. Kształćmy sumienie sodalicyjne*. S. 148–150; *Moskala R. TJ Civis academicus – Sodalitas Marianus. Część II (maszynopis)*: APMTJ. Sygn. 5072.

⁵⁴ Цит. по: *Cieślak S. SJ* Op. cit. S. 220.

⁵⁵ *Moskala R. TJ Kim jesteśmy i czego chcemy? Rzecz o Sodalicyjach Marjańskich*. S. 12.

⁵⁶ *Winkowski J. Dwudziestopięćciolecie akademickiej Sodalicyi Mariańskiej w Krakowie (Odbitka z miesięcznika Sodalitas Marianus, Zeszyt 7-8)*. Kraków: Nakładem Akademickiej Sodalicyi Maryańskiej, 1916. S. 4.

Этому направлению деятельности, в первую очередь, служила секция Евхаристическая. Ее основной задачей было воспитание студенческой молодежи, для которых она должна была стать «школой чистых юношеских характеров, (...) силой, духом и жизнью Содалиции и всего, что в ней делалось»⁵⁷. Поэтому членам Академических Марианских содалиций рекомендовалось практиковать молитвы, участвовать в Мессах и таинствах Церкви.

Р. Москва стоял на позиции, что члены Содалиции во всех начинаниях должны руководствоваться вечными ценностями и истинами Евангелия. Одновременно он призывал, чтобы молодежь посещала ежедневные и праздничные богослужения, а также руководствовалась моральными принципами. «Поэтому мы не стыдимся, – писал он о членах Содалиции – [читать] религиозные книги, молиться прилюдно, часто причащаться, пользоваться розарием (четками), потому что мы знаем их значимость, знаем какой опыт веков они несут в себе»⁵⁸. В связи с этим Ю. Винковский пытался замотивировать молодежь: «давайте не бояться этих слов, давайте не бояться этого опыта»⁵⁹. А бывший член Академической содалиции спустя годы вспоминает, что «в тесном кругу студенческой молодежи наличие живой веры в Бога и любви к Нему и Отечеству было также очевидным. Выполнение требований в АМС тесно связано с совершенствованием себя, выработкой характера и самообразованием. Труд в стремлении *per Mariam ad Jesum*, согласно с принципами Содалиции, подготавливает к настоящим и будущим задачам»⁶⁰. Поэтому при каждом подходящем случае отмечалось, что необходимо так поступать, чтобы «через любовь к Пресвятой Матери и верную Ей службу стремиться к приобретению больших успехов в учебе и достижению христианских добродетелей»⁶¹.

б) Общественная деятельность и служение Отечеству.

Академические Марианские содалиции помимо религиозных целей выполняли задачи социальные и благотворительные. Считалось, что благотворительная работа является самой красивой и высшей

⁵⁷ Ibid. S. 9.

⁵⁸ *Moskala R. T* Kim jesteśmy i czego chcemy? Rzecz o Sodalicach Marjańskich. S. 13.

⁵⁹ *Winkowski J.* O wyższą wartość naszej Sodalicji (III) // Pod Znakiem Marji. 1935. Styczeń. Rok XV. N. 4. S. 77.

⁶⁰ *Michnowski S.* Wspomnienia o Sodalicji Mariańskiej Akademików (SMA) w okresie międzywojennym i drugiej wojny światowej. S. 15.

⁶¹ *Rymarówna Z.* Op. cit. S. 17.

формой общественной активности, приносящей радость и удовлетворение⁶². Для этого была создана секция благотворительности, члены товарищества, работая в ней, могли познакомиться с условиями жизни страдающих от нищеты людей и совершать дела милосердия и таким образом готовить себя к социальному служению. Кроме того, была организована касса взаимопомощи для ремесленников и купцов, оказывалась помощь по поиску работы для безработных, помогали больным, нищим, заключенным. Примером этому служат молодые люди из мужской Академической Марианской содальции в Кракове, имевшие открытое сердце и совершавшие «максимальные усилия в социальном служении»⁶³, «торопясь помощью и добром словом утереть слезы страждущих и бедных»⁶⁴.

Был также создан Комитет инструкционный, где рассказывали членам общества о социальных проблемах и обучали чтению о них лекций в различных ремесленнических организациях и объединениях, или профессиональных училищах⁶⁵.

Организовывали также Секцию «бесед по средам»⁶⁶. На них зачитывали доклады и устраивали дискуссии для развития «грамотности гражданской, социальной и экономической, а также с целью изучения проявлений национальной жизни польского народа»⁶⁷.

Среди прочего, в Кракове члены Академической содальции сотрудничали с объединением торговцев, разными профессиональными группами с целью устройства на профессиональную практику учеников в дома рабочих в рабочем квартале «Моджейовка» (Modrzejówka). Проводились также лекции в сельских районах, где сотрудничали с группами подмастерьев, создали «чайный дом» (позднее был преобразован в Секцию опеки над бедной школьной молодежью), открыли сберегательную кассу, футбольный клуб, команду скаутов. Также оказывали поддержку в изучении иностранных

⁶² Sak T. Praca charytatywna w Sodalicii // Pod Znakiem Marji. 1936. Styczeń. Rok XVI. N. 4. S. 83; Golaq M. Op. cit. S. 42; Rymarówna Z. Op. cit. S. 22.

⁶³ Dyboski R. Kult marjański a miłosierdzie // Pod Znakiem Marji. 1936. Marzec. Rok XVI. N. 6. S. 122.

⁶⁴ См.: Winkowski J. Dwudziestopięćciolecie akademickiej Sodalicii Mariańskiej w Krakowie. S. 5.

⁶⁵ Ibid. S. 45.

⁶⁶ Dembowski A. Pogadanki środowe, w: Sprawozdanie Krakowskiej Sodalicii Mariańskiej Akademickiej za rok szkolny 1912/13. Kraków, 1913. S. 17–19; Winkowski J. Dwudziestopięćciolecie akademickiej Sodalicii Mariańskiej w Krakowie. S. 5–8.

⁶⁷ См.: Winkowski J. Dwudziestopięćciolecie akademickiej Sodalicii Mariańskiej w Krakowie. S. 7.

языков, организовывали художественную самодеятельность и экскурсии, поддерживали в вопросах правовых, производственных и медицинских. Кроме того, представители Академической содалиции принимали участие в проводимых съездах, юбилеях, встречах, конгрессах в стране и за рубежом⁶⁸.

Иезуит Эдвард Косибович, анализируя деятельность Содалиции в 30-е годы прошлого века, настаивал, что благодаря сохранению здоровой морали и твердых правил жизни студенческая молодежь, живя своей повседневной жизни и двигаясь к своим целям вперед, была правильной, целомудренной, сдержанной, чистой, трудолюбивой, милостивой, умела прощать обиды, уважала чужую собственность и доброе имя другого человека. Он был убежден, что «для добросовестного выполнения всех этих обязанностей, индивидуальных, семейных, профессиональных и гражданских обычных человеческих сил недостаточно. Сам Бог, – писал Косибович – помогал решить эту сложную проблему, укрепляя наши слабости своей сверхъестественной благодатью. Все могу в Том, кто меня укрепляет, восклицает с Апостолом Народов, истинный католик, [который] ищет <мощности с высоты>, (...) в сердечной молитве, в размышлениях и религиозном чтении, в реколлекциях и частом Причащении»⁶⁹. В свою очередь, цитируя уже Ромуальда Москаву, многолетнего модератора Содалиции, он подчеркивал, что задачей Марианской Содалиции было содействовать достижению целей, поставленных [Святым] Престолом, и реализовывать их в общественной жизни потому, что «там [в Содалициях] руководствуются одной большой заботой о человеческой душе, о Божьем царствовании над всеми поколениями и временами»⁷⁰.

Из приведенного выше текста видно, что Академические Марианские содалиции имели неоспоримую значимость и важность в развитии и воспитании молодежи, а также являлись «основным фактором нравственного и религиозного возрождения нашего [польского]

⁶⁸ Перечисленные названия и организационные формы свидетельствуют о широком спектре деятельности Марианских Содалиций. Как материальная помощь, так и духовная вовлеченность представителей разных профессий и социальных групп способствовали созданию достойных условий жизни для молодежи и взрослых.

⁶⁹ *Kosibowicz E. TJ // Kim jesteśmy i czego chcemy? Rzecz o Sodalijach Marjańskich. Kraków, 1933. S. 43–44.*

⁷⁰ *Moskała R. TJ // Kim jesteśmy i czego chcemy? Rzecz o Sodalijach Marjańskich. S. 17.*

народа»⁷¹. Свидетельствовать об этом может фрагмент, опубликованный в журнале *Sodalis Marianus*: «Какой <Академик> [студент], такое и общество, из которого он выходит, и в среде которого он трудится»⁷². В связи с этим выражаем глубокое убеждение, что возвращение к студенческим содалициям «после Образования свободной Польши» приведет к возрождению принципов христианской жизни «в душах польской молодежи, а через нее – в душе нации»⁷³. Поэтому настойчиво призываем всех к «апостольству мирян» и делам в духе любви как «наиболее важной исторической миссии христианства», начиная с семьи, а затем перенося в народ, во все социальные и политические слои⁷⁴.

4. Заключение

Академические Марианские содалиции являются важными составляющими системы воспитания и образования прошлого века. Как мы пытались продемонстрировать, ее деятельностью руководило стремление «проводить воспитательную работу с молодежью на религиозно-национальной почве»⁷⁵. Поэтому в предпринимаемых инициативах закладывались те формы воспитания, которые содействовали формированию человека на основах христианской веры и патриотических ценностях. Поддерживалось развитие личности и творческих навыков с целью распространения культуры и общего блага. Благодаря указанному спектру мер по формированию характера и благодаря участию в социальной жизни, содалиции оказывали существенное влияние на созревание и гармоничное развитие молодых людей. Поэтому следует признать, что Академические Марианские содалиции формировали молодых людей, которые были высшим образцом человечности и порядочности, вытекающих из глубоких христианских убеждений.

Сегодня невозможно транслировать и использовать формы и методы воспитательного воздействия, разработанные и испытанные много лет назад в Академических Марианских содалициях. Тем не

⁷¹ *Kosibowicz E. T* Op. cit. S. 48

⁷² *Sodalicyi Akademickiej Krakowskiej na 25-letni jubileusz 1891-1916 (Redakcja // Sodalis Marianus. 1916. N. 5. S. 123; см. также: Cieślak S. S* Op. cit. S. 217.

⁷³ *Winkowski J. Dwudziestopięćciolecie akademickiej Sodalicyi Mariańskiej w Krakowie. S. 10.*

⁷⁴ *Dyboski R. O potrzebie ducha miłości w świecie dzisiejszym // Pod Znakiem Marji. 1934. Listopad. Rok XV. N. 2. S. 25–27.*

⁷⁵ *Kownacki B. Praca społeczna // Sprawozdanie Krakowskiej Sodalicyi Maryańskiej Akademickiej za rok szkolny 1910/11. Kraków, 1911. S. 26.*

менее, можно с уверенностью утверждать, что современные объединения и молодежные движения также представляют благоприятное пространство для всеобъемлющего, интегрированного и соответствующего развития подростков в интеллектуальном, общественном, гражданском, эстетическом, оздоровительном, культурном, нравственном, религиозном и духовном аспектах.

Пер. с польск. А. Вишиванюк

На рубеже XIX–XX вв. в среде старообрядчества начинают активно развиваться разные сферы культурной и религиозной деятельности – старообрядческое храмоздательство, периодическая печать, система общецерковных форумов, межобщинные связи. В том числе, развивалась старообрядческая система образования.

Следует учесть, что с начала своего существования старообрядчество представляло собой несколько отдельных религиозных направлений. Основное деление происходило по отношению к учению о Церкви. Это привело к возникновению двух основных старообрядческих течений – поповцев и беспоповцев. Несмотря на довольно значимую разницу между старообрядческими согласиями, в предложенной статье старообрядчество рассматривается как единая религиозная группа в Российской империи.

Старообрядцы имели особенное отношение к образованию и грамотности. После отлучения от Российской Церкви, они были вынуждены расселяться на окраинах империи, преимущественно в приграничных районах – на Керженце, Выге, Ветке, Дону, в Поморье. Но даже в условиях притеснений и бытовых трудностей они уделяли значительное внимание вопросам просвещения. Подтверждением этому может быть, например, система образования в Выговском старообрядческом монастыре в начале XVIII в¹. Эта система была уникальна для своего времени. Обучение было двухступенчатым и предполагало общее образование и профессиональное. О том, как происходило преподавание, прямых свидетельств нет, но в библиотеке обители были представлены книги по грамматике, риторике, логике, «Диалектика» Иоанна Дамаскина, «Великая наука» Раймонда Люллия. В обители были развиты «грамматика, риторика, поэтика, логика, диалектика, пение, арифметика, геометрия, медицина, философия и отчасти богословие»². В конце XVIII в. в пустыне организовали женское обучение.

¹ Юхименко Е. М. Система образования в Выговской поморской пустыни // Традиции духовного образования в старообрядчестве: история, современность, перспективы: Сб. материалов / Ржевская Покровская старообрядческая община / Под ред. о. Евгения Чунина. Ржев, 2003; Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: В 2 т. М., 2002.

² Цит. по: Юхименко Е.М. Невежество и премудрость в интерпретации выговских писателей-старообрядцев // Труды Отдела древнерусской литературы (далее: ТОДРЛ). СПб., 2004. Т. 55. С. 515.

В обитель на обучение отдавали детей даже нестарообрядцы. В последние годы существования Выговского общежития там вынашивалась идея создания старообрядческой академии. Найденные при разорении материалы подтверждают серьезность этих намерений. Обитель и учебные заведения при ней были уничтожены правительственной командой в 30-е годы XIX в.

Причиной такого отношения к образованию была идеология сторонников старой веры. Известный историк Н.И. Костомаров утверждал: «раскольник любит мыслить, спорить; раскольник не успокаивал себя мыслью, что если приказано сверху так-то верить, так-то молиться, то, стало быть, так и следует. Раскольник хотел сделать собственную совесть судьей приказания; раскольник пытался сам все проверить, исследовать»³.

В результате этого к началу XIX в. соотношение грамотных старообрядцев и нестарообрядцев в Российской империи было значительно больше в пользу первых. Согласно сведений МВД, «всех более отличаются грамотностью секты федосеевская и поповщинская, как более богатые и промышленные... У раскольников приходится 1 грамотный на 3 человека неграмотных; у прочих жителей, 1 грамотный на 5 неграмотных»⁴. В некоторых районах, населенных старообрядцами (например, в Гуслицах, Московской и Вятской губерниях), грамотными были почти все⁵.

Хотя, следует признать, что к концу XIX в., количество грамотных среди старообрядцев уже не сильно отличалось от общероссийских цифр. По всей империи грамотных среди старообрядцев было 20%, тогда как среди православных 19%. При этом, среди городского населения грамотных старообрядцев было 41%, среди православных – 46%⁶.

Распространение грамотности среди старообрядческого населения шло своеобразным путем. Старообрядческое образование носило отпечаток конспиративности и апологетики вероучения. Так как аполо-

³ *Костомаров Н.И.* История раскола у раскольников / Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. СПб.: Изд. Тип. А. Траншеля, 1872. С. 384.

⁴ *Кельсиев В.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1863. Вып. 4. С. 166.

⁵ *Пругавин А.С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. Очерки из новейшей истории раскола. М., 2014. С. 105; Вятские губернские новости. 1883 г. №6.

⁶ *Кириллов И.А.* Статистика старообрядчества // Старообрядческая мысль. 1913 г. № 3. С. 253.

гетика веры имела большое значение в старообрядческом обществе, то возможность грамотной защиты своих религиозных воззрений считалась основой духовного воспитания. В первую очередь, этот результат достигался «домашним обучением», которое в XVIII в. было вообще единственным для всей крестьянской России. Дети обучались дома у своих родителей или более грамотных родственников по Часослову, Псалтыри и богослужебным книгам. Целью было достижение беглого чтения. Вместе с церковной грамотой, образованные родители преподавали арифметику и чистописание.

«Домашняя» система предполагала и групповое обучение. Старообрядцы, имеющие педагогические наклонности и обладающие несколько более высоким уровнем грамотности, чем родители, обучали группы по пять–десять детей. Родители содержали этих преподавателей. Это способствовало выделению определенной группы педагогов, которые, при благоприятном стечении обстоятельств создавали стационарные школы, с определенным зданием и попечителями⁷.

Кроме этого, существовали и так называемые подвижные школы. Состояли они из одного-двух преподавателей, задача которых состояла в обеспечении обучения детей в нескольких близлежащих селениях⁸.

Другой вариант организации начального образования у старообрядцев представляли собой «школы-келии»⁹. В этих школах учащиеся проживали при общинах, целенаправленно для получения начального образования. В школах обучались как дети, так и взрослые. Преподавались Закон Божий, славянское чтение, церковное пение, чистописание, а также письмо крюковых книг. За вторую половину XIX в. подмосковные старообрядческие школы-келии окончили около 100 тыс. учеников. Последняя школа была закрыта в 1908 г.

Следует заметить, что на протяжении всего XIX в. старообрядцы пытались создать собственные легальные школы. Но, учитывая значение грамотности и образования для старообрядцев, эти школы подвергались особенному преследованию со стороны государства.

В первой половине XIX в. практически все легальные старообрядческие школы были закрыты. Например, в Риге в 1832 г. была закрыта старообрядческая школа – единственная русская школа в этом горо-

⁷ О первоначальном обучении детей старообрядцев. Школы грамотности // Церковь. 1909. № 2. С. 44–47.

⁸ Кириллов И. Краткий очерк старообрядческого просвещения // Церковь. 1910 г. №13 С. 339

⁹ Алексеев С. Школы-келии // Церковь. 1909. № 6. С. 216-217.

де¹⁰, в 1835 г. – закрыто московское старообрядческое училище¹¹. В 1868 г. Министерство народного просвещения разрешило открыть старообрядческую школу в Москве, на Покровке. Школа была рассчитана на 200 учеников. Но в 1869 г. ее закрыло Министерство внутренних дел¹². В 1880 г. были закрыты все старообрядческие школы в Хвалынске¹³. Таких фактов было множество. Своеобразный очерк гонения на старообрядческие школы приводят в своих работах И.А. Кириллов¹⁴ и А.С. Пругавин¹⁵.

И не только закрывались школы, но и была пресечена возможность получения педагогического образования старообрядцами. В 1832 г. старообрядцам запретили занимать должность учителей в школах¹⁶, в 1839 г. у старообрядцев было отнято право на получение учительского свидетельства¹⁷. В 1850 г. старообрядцам было разрешено поступление в средние и высшие учебные заведения только при условии перехода в «лоно православной церкви»¹⁸.

В этой ситуации, несмотря на господствовавшее в старообрядческой среде отрицательное отношение к существующим нестарообрядческим учебным заведениям, дети старообрядцев все же обучались в этих школах и получали полноценное образование. В XIX в. было

¹⁰ О закрытии раскольнического училища в Риге // Собрание постановлений по части раскола. СПб: Тип. МВД, 1875 г. С. 112.

¹¹ О закрытии училищ, находящихся при раскольнических в Москве кладбищ // Собрание постановлений по части раскола. СПб: Тип. МВД, 1875 г. С. 142

¹² Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX в. Очерки из новейшей истории раскола. М., 2014. С. 105–112.

¹³ Кириллов И. Краткий очерк старообрядческого просвещения // Церковь. 1910. № 13. С. 338

¹⁴ Там же. С. 336–340; № 14. С. 361–363.

¹⁵ Пругавин А.С. Указ соч. С. 240.

¹⁶ О закрытии раскольнического училища в Риге // Собрание постановлений по части раскола. СПб: Тип. МВД, 1875 г. С. 112; О запрещении раскольникам быть наставниками и учителями юношества в Войске Донском // Собрание постановлений. С. 342; См. также: Введенский А. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса: Тип. одесских новостей, 1912. С. 78

¹⁷ О невыдавании раскольникам свидетельств на право домашнего обучения // Сборник постановлений по министерству народного просвещения: [В 3-х т.]. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855 г. Отделение 1-е: 1825–1839 г. Стб. 1566. № 734.

¹⁸ О порядке допущения детей рижских раскольников в Гимназии и Университеты // Там же. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855 г. Отделение 2-е: 1840–1855 г. Стб. 1185–1188. № 542.

много таких примеров. Например, дети старообрядцев обучались в лютеранской школе св. Михаила в Москве¹⁹, в приходской школе Преображенского монастыря Богородицкого уезда Московской губернии²⁰, массово – в единоверческих школах²¹.

По результатам опросов, в 40% случаев старообрядцы отдавали своих детей в министерские и земские школы. 8% детей старообрядцев учились в церковно-приходских школах. Кроме этого, ежегодно около 200 старообрядцев получали образование в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга. И только 20% детей старообрядцев школьного возраста получали начальное образование посредством домашнего обучения²².

Нужно учитывать, что мнения старообрядцев по вопросу допустимости обучения в нестарообрядческих учреждениях расходились. Например, видные деятели старообрядчества Д.В. Сироткин и П.П. Рябушинский декларировали, что за неимением старообрядческих школ, дети должны идти в существующие учебные заведения²³. С другой стороны, практику образования детей старообрядцев в церковно-приходских школах считал недопустимой М.И. Бриллиантов²⁴.

Следует заметить, что в 60-е годы XIX в. отношение государственной власти к старообрядцам стало меняться. Новый дискурс формулировал глава III отделения Императорской канцелярии граф П.А. Шувалов. Шеф жандармов считал, что «в видах ослабления раскола» следует позволить старообрядцам получать образование без перемены вероисповедания²⁵.

В 1864 г. Особый временный комитет по делам раскольников разрешил обучение детей-старообрядцев без обязательного изучения Закона Божия. Кроме этого, раскольникам считающихся менее вредными сект разрешалось учреждать школы грамотности, но под контролем Министерства народного просвещения. Эти школы предполагали лишь

¹⁹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: НИОР РГБ). Ф. 246. К. 159. Ед. 2. Л. 41, 51.

²⁰ Русские Ведомости. 1880 г. № 84, 102.

²¹ Миссионерство и расколосектантство // Миссионерское обозрение. 1905 г. № 12. С. 439–444.

²² Вопросы народного образования среди старообрядцев. М.: Совет всероссийских съездов старообрядцев, 1909. С. 101–120.

²³ Всероссийский чрезвычайный съезд старообрядцев. Второе заседание 3 января 1906 г. // Голос старообрядца. 1906. № 16.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 4047. Оп.1. Д. 36. Л. 4–5.

²⁵ Там же. Ф. 109. Оп. 101. Д. 7. Л. 24–25.

самое элементарное образование: чтение, письмо и четыре арифметических действия. Кроме этого, в порядке опыта, были открыты две полноценные министерские старообрядческие школы во Владимирской и Нижегородской губерниях. В Нижегородской губернии это была школа Бугрова. «Это училище, хотя находится в ведении министерства народного просвещения, но совсем особого типа: там наравне с общеобразовательными предметами, требуемыми казенной программой, преподается в очень широких размерах Закон Божий, церковно-славянское чтение по старым книгам и древнее крюковое пение. В училище обучается около 150 человек, для них устроено общежитие»²⁶. Финансировал это заведение купец-старообрядец Н.А. Бугров, педагогический коллектив состоял из одних старообрядцев.

В 1866 г. высочайшим повелением было разрешено открытие старообрядческого одноклассного Гребенщиковского училища в Риге²⁷, в 1867 г. открыли две старообрядческих школы в Херсонской губернии²⁸. Но при этом повторное ходатайство московских старообрядцев в 1871 г. об открытии старообрядческого училища в Москве император лично отклонил.

Подобную ситуацию можно объяснить крайне отрицательным отношением к старообрядческому образованию со стороны Российской Церкви. Например, влиятельный иерарх, московский митрополит Филарет (Дроздов) считал, что старообрядцам категорически нельзя разрешать открывать собственные школы. Даже если там не будет преподаваться Закон Божий, а все обучение будет ограничено чтением и письмом. Во-первых, по его мнению, это привело бы «к признанию сословности раскольников и усилению сепаратизма их»²⁹. А во-вторых, любое образование «подействует на развитие умственных способностей раскольнических детей, что может произвести образованных учителей раскола и противоборцев православию»³⁰. Митрополит Филарет считал, что дети старообрядцев могут обучаться только в

²⁶ Уголок, каких мало // Церковь. 1909. № 8 С. 282.

²⁷ Об учреждении раскольниками в г. Риге Гребенщиковского училища // Собрание постановлений... С. 627–631.

²⁸ Об открытии в Александровском уезде Херсонской губернии в селениях Никольском и Золотарева, начальных училищ для обучения раскольнических детей // Собрание постановлений... С. 638.

²⁹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковногосударственным вопросам: в 5-ти т. / Изд. под ред. Преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. СПб., 1888. Т. V. Ч. 2. С. 586.

³⁰ Там же. С. 587.

существующих школах, по существующей общепринятой программе и под строгим контролем государства. Или вот мнение митрополита Московского Владимира (Богоявленского) уже в начале XX в. об открытии старообрядческих училищ: «Что будет положительным для старообрядцев, то будет отрицательным для Православной Церкви»³¹. Категорически против старообрядческих школ выступали многие другие епископы Российской Церкви³². Учительская влияние иерархии на дела государства, становится понятной непоследовательная политика в отношении старообрядческих школ. С одной стороны, юридически школы разрешались. Но, фактически, их не позволяли открывать.

К началу XX столетия старообрядцы все яснее осознавали катастрофичность складывавшейся ситуации с образованием детей. Развитие государственного образования шло темпами, прямо пропорциональными упадку старообрядческого образования. Вот как характеризовал ситуацию старообрядческий епископ Иннокентий (Усов): «Ввиду отсутствия старообрядческих школ, огромное большинство старообрядцев не отдают своих детей в существующие школы, или обучают их домашним образом у полуграмотных старух, или, если и этого сделать нельзя, оставляют детей вовсе неграмотными, вопреки своему желанию»³³.

В 1900 г. была создана старообрядческая общественная организация – Всероссийский съезд старообрядцев. В ряду повестки дня всех съездов важным вопросом стояла проблема старообрядческого образования. Даже была создана специальная Училищная комиссия во главе с Д.В. Сироткиным³⁴.

Представители Съездов вели активную работу по лоббированию перед властями образовательных инициатив старообрядцев. В декабре 1900 г. делегация старообрядцев встречалась с великим князем А.М. Романовым для передачи обращения старообрядцев к императору Николаю II, тогда же была встреча с министром финансов С.Ю. Витте, министром внутренних дел Д.С. Сипягиным. В 1903 г. старообрядческая делегация встречалась с министром внутренних дел В.К. фон Плеве. В декабре 1904 г. депутация старообрядцев представила записку в Комитет министров «О старообрядческих нуждах». Во

³¹ Центральный исторический архив Москвы (далее: ЦИАМ). Ф. 459. Оп. 4, Ед. 5971. Л. 31.

³² НИОР РГБ. Ф. 246. к. 159 ед. 2. Л. 18.

³³ Третий и четвертый Всероссийские съезды старообрядцев. Гектографическая рукопись из собрания М.С. Севастьянова. С. 224.

³⁴ Первый и второй Всероссийские старообрядческие съезды. Гектографическая рукопись из собрания М.С. Севастьянова. Л. 22.

всех этих случаях старообрядцы обращали внимание на потребность в организации старообрядческих школ³⁵.

Но эта деятельность Всероссийских съездов не приносила ощутимого результата. Д.В. Сироткин, подводя итог за этот период, говорил: «Мы шесть лет на съездах говорим о школах и до сих пор не в состоянии открыть ни одной. Была даже открыта подписка при съездах на образование капитала, но не дала почти ничего. Между тем, учителя нам нужны, поэтому мы не можем задерживать поступления наших детей в существующие школы. Жизнь идет вперед и остановить ее нельзя»³⁶.

К 1905 г. на всю Россию было всего 19 зарегистрированных старообрядческих школ, несколько незарегистрированных училищ было в Сибири и некоторые учебные заведения были старообрядческими фактически, хотя официально числились земскими (например, ремесленное училище в Риге)³⁷. Учитывая количество старообрядцев в Российской империи к этому времени, оцениваемое от 2³⁸ до 10 млн³⁹ человек, следует признать, что ситуация со старообрядческим образованием к началу 1905 г. вызывала серьезную тревогу и старообрядцев, и государства.

17 апреля 1905 г был издан высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости»⁴⁰. Этот указ стал основополагающим законодательным актом, на основании которого осуществлялась вся общественно-социальная деятельность старообрядцев после 1905 г. Отношение государственной власти к старообрядцам в целом, и к старооб-

³⁵ Чрезвычайный Всероссийский съезд старообрядцев 1905 года. Рукопись из собрания М.С. Севастьянова. С. 52.

³⁶ Всероссийский чрезвычайный съезд старообрядцев. Второе заседание 3 января 1906 г. // Голос старообрядца. 1906. № 16. С. 3.

³⁷ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 23.

³⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. I: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Таб XII: Распределение населения по вероисповеданиям.

³⁹ Смолч И.К. История Русской Церкви 1770–1917 гг. М., 1997. Ч 2. С. 147; Мельников П.И. Счисление раскольников // Мельников П.И. Полное собрание сочинений. СПб., 1906. Т. 7. С. 407; Мельников П.И. Раскольники и сектанты в России // Исторический Вестник. М., 1885. Кн. VII. С. 60; Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904. С. 17

⁴⁰ Именной Высочайший Указ данный Сенату об укреплении начал веротерпимости // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание (далее: ПСЗРИ-III). СПб., 1908. Т. XXV. № 26125. С. 257–258.

рядческому образованию в частности, кардинально изменилось. Власти стали на путь постепенного уравнивания старообрядцев в правах и их осуществлении.

Указ 1905 г. касался вопроса старообрядческого образования косвенно, и то только преподавания Закона Божия. Более четко эти вопросы были регламентированы в Положении Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости»⁴¹. Этот документ определял права старообрядцев на преподавание своим детям в школах Закона Божия и на организацию старообрядческих учебных заведений. Согласно Положению старообрядцам дозволялось в местах с преобладающим старообрядческим населением учреждать начальные школы, которые бы состояли в ведении Министерства народного просвещения, действовали согласно регламента и программ Министерства, но содержались за счет средств старообрядческих общин. В тех местах, где старообрядцев было меньшинство и у местных общин не было средств для организации отдельной школы, дозволялось в общих училищах преподавать Закон Божий учителям-старообрядцам, но только имеющим учительский ценз⁴². Кроме этого, Положение предписывало Министерству народного просвещения подготовить законопроект о старообрядческих начальных школах и о преподавании детям старообрядцев правил их веры.

17 октября 1906 г. императором был утвержден Закон о старообрядческих общинах⁴³. Согласно этому Закону старообрядческим общинам было позволено получать статус юридического лица и, в том числе, организовывать старообрядческие школы и училища. Таким образом, окончательно было закреплено за старообрядцами право создания полностью автономных в религиозном смысле учебных заведений.

На основании упомянутых законодательных актов Министерство народного просвещения издало целый ряд распоряжений, которыми непосредственно регламентировались принципы функционирования старообрядческих учебных заведений. Эти распоряжения решали три основных проблемы.

⁴¹ Высочайше утвержденное положение Комитета министров об укреплении начал веротерпимости // Там же. С. 258–262.

⁴² Там же. С. 260.

⁴³ Именной Высочайший Указ, данный Сенату – О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от Православия сектантов // Там же. СПб, 1909. Т. XXVI. № 28424. С. 904–914.

Во-первых, это циркуляры, которыми отменялись все прежние ограничения в образовательной сфере⁴⁴. Во-вторых, это нормативные акты, регламентирующие создание старообрядческих школ⁴⁵. И, в-третьих, это документы, регулирующие преподавание Закона Божия старообрядцам⁴⁶.

Таким образом, государство проявило внимание и лояльность к требованиям старообрядцев. Разрозненность этих актов свидетельствует о постепенном совместном поиске старообрядцами и государственной властью взаимоприемлемых форм сотрудничества в деле образования.

Но наряду с этим видно, что органы государственной власти были не готовы предоставить старообрядцам безусловную свободу действий. Государство в лице Министерства народного просвещения было намерено контролировать и регулировать даже самые незначительные стороны образовательного процесса.

В отношении преподавания Закона Божия детям старообрядцев Министерство народного просвещения четко прописало эту возможность. Согласно «Временных правил»⁴⁷ для изучения Закона Божия позволялось разделять учеников в учебных заведениях на группы в

⁴⁴ Об отмене действия Высочайших повелений о недопущении раскольников на должности учителей и наставников юношества и о воспрещении выдавать раскольникам свидетельства на право обучения детей; О разрешении приема детей старообрядцев в учительские семинарии; По вопросу об освобождении старообрядцев от экзамена по Закону Божию при испытании на учительское звание и о допущении их и сектантов на учительские должности; О допущении старообрядцев к преподаванию в общих начальных училищах // *Введенский А.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса: Тип. одесских новостей, 1912. С. 78, 81, 83, 86.

⁴⁵ Циркуляр об открытии особых школ для детей старообрядцев и сектантов 12 февраля 1906 г. // ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. №4347. Л. 1.

⁴⁶ О необязательности изучения Закона Божия православного исповедания учащимися-детьми старообрядцев и сектантов; Об условиях допущения к преподаванию Закона Божия детям старообрядцев и сектантов; Относительно освобождения старообрядцев от экзамена по закону Божию в средних учебных заведениях; О порядке определения преподавателей Закона Божия при старообрядческих школах // *Введенский А.* Действующие законоположения... С. 79–80, 82; Временные правила о преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий // Церковь. 1908 г. № 21 С. 743; Высочайше утвержденное положение Совета Министров – О преподавании Закона Божия детям старообрядцев и сектантов // ПСЗ-III. СПб., 1914. Т. XXXI. № 35045. С. 260

⁴⁷ Временные правила о преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий // Церковь. 1908. № 21. С.743.

зависимости от вероисповедания. Эти «Правила» давали соответствующие права старообрядческим законоучителям, вводили их в педагогический коллектив училищ с правом голоса и определяли для них возможность вознаграждения за счет учредителей учебного заведения.

Но осуществление этого права повсеместно было затруднительным из-за того, что старообрядцы не имели достаточного количества педагогов, обладающих цензом для преподавания в школах. Тем более такого образования, в подавляющем большинстве, не имели священнослужители.

Министерство народного просвещения было вынуждено подготовить Положение Совета министров о том, чтобы в течение первых пяти лет к преподаванию Закона Божия старообрядцам допускались лица, не обладающие образовательным цензом народных училищ⁴⁸.

Совет Всероссийских съездов, осознавая логику этого требования, попытался донести до старообрядческой общественности важность получения образовательного ценза старообрядческими законоучителями. По этому поводу был подготовлен целый ряд публикаций в журнале «Церковь». Совет съездов даже представил IX Всероссийскому съезду доклад «На помощь лицам, желающим получить учительское звание»⁴⁹.

Но, казавшееся естественным, требование Министерства народного просвещения вызвало недовольство в среде старообрядческих законоучителей. Лица, которым предстояло держать экзамены, в основном, были священники, зачастую преклонного возраста. И требование от них сдачи экзаменов не могло не вызвать протестов. Хотя большинство старообрядцев было озабочено тем, чтобы законоучители приобрели требуемый образовательный ценз⁵⁰.

Кроме проблемы образовательного ценза старообрядческих законоучителей, особо стоял вопрос о методике преподавания Закона Божия. Для решения этого вопроса некоторые старообрядческие педагоги подготовили ряд учебных пособий. Журнал «Церковь» опубликовал «Письма о преподавании Закона Божия» старообрядческого епископа Михаила (Семенова)⁵¹. В «Письмах» он излагал свои взгляды на то,

⁴⁸ Указонения и распоряжения правительства // Церковь. 1908. № 1. С. 25.

⁴⁹ О старообрядческих законоучителях // Церковь. 1908. № 39. С. 1313–1315.

⁵⁰ Копия с копии предложения Министерства народного просвещения от 14 октября 1908 г. // Церковь. 1909. № 8. С. 266

⁵¹ Михаил (Семенов), еп. Письма о преподавании Закона Божия // Церковь. 1910. № 4. С. 97–99; № 8. С. 209–211; № 314. С. 353–354; № 19. С. 481–483; № 20. С. 505–507; № 25. С. 625–626; № 28. С. 697–699; № 46. С. 1131–1135; № 50. С. 1125–1228; № 51; С. 1249–1250.

как следует преподавать Священную историю, Катехизис, как организовывать занятия. Кроме этого, епископ Михаил издал «Методику преподавания Закона Божия»⁵². В 1910–1913 гг. в старообрядческом журнале «Златоструй» публиковались «Руководственные советы старообрядческим законоучителям по вопросу о преподавании Закона Божия» священника Григория Карабиновича. Этот автор составил также выдержавший несколько изданий старообрядческий учебник по Закону Божию⁵³, Катехизис⁵⁴, Историю старообрядческой Церкви⁵⁵. Известны также старообрядческие учебники по Закону Божию свящ. Иоанна Волощука⁵⁶ и свящ. Михаила Сторожева⁵⁷. Старообрядцы-беспоповцы В. Яксанов и Т. Ходошин издали два учебника – по Закону Божию⁵⁸ и истории Церкви⁵⁹. Примечательно, что только эти два учебника были одобрены Министерством народного просвещения для преподавания в старообрядческих училищах⁶⁰.

Несмотря на то, что старообрядческие священники не только не желали получать образовательный ценз, но и преподавать в школах Закон Божий без ценза⁶¹, следует признать, что подобная возможность

⁵² *Михаил (Семенов), еп.* Методика преподавания Закона Божия. М.: Тип. И. Машистова, 1911.

⁵³ *Карабинович Г.* Закон Божий для старообрядческих школ. В 2 т. М. Тип. Рябушинского. 1910 г.; *Карабинович Г.* Краткое христианское учение (учебник по Закону Божию для старообрядческих школ). М.: Тип. Рябушинского, 1916 г.

⁵⁴ *Карабинович Г.* Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания. М., 1907.

⁵⁵ *Карабинович Г.* История древлеправославной старообрядческой Церкви (со времен бывшего патриарха Никона) Учебник для старообрядческих школ // Златоструй за 1912-1913 г. 178 с.

⁵⁶ *Волощук И.П.* Старообрядческий учебник по Закону Божию. СПб. Тип. П.П. Рябушинского. 1910 г.

⁵⁷ Катехизис древлеправославной русской церкви / Сост. законоучитель Богород. Реал. Училища свящ. Михаил Васильевич Сторожев. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1909.

⁵⁸ *Ходошин Т.А.* Учебное руководство по Закону Божию для детей христиан-старообрядцев / Сост. преп. Саратовского старообрядческого училища Т. Ходошин и В. Яксанов. Саратов: «Типография и энергия». 1911.

⁵⁹ *Яксанов В.З.* История церкви Христовой. От апостольских времен до патриарха Никона: учеб. руководство для старообрядческих училищ и самообучения. Саратов, 1915.

⁶⁰ «Отзыв Министерства нар. просвещения об учебниках В. Яксанова» // Щит веры. 1917. № 1. С. 41–43.

⁶¹ *Гаврилов И.* «Духовенство и школа» // Старообрядческая мысль. 1914. № 3. С. 271–273.

сыграла огромное значение в деле старообрядческого просвещения. Это законодательное право позволило значительно снизить напряженность в отношении старообрядцев к министерским и церковно-приходским школам.

Серьезное внимание вопросам образования уделяли старообрядческие Соборы. Собор белокрыницкой иерархии 1906 г., прошедший в Москве под председательством архиепископа Иоанна (Картушина), принял программное решение о повсеместном открытии старообрядческих школ⁶².

Собор 1908 г. рассматривал положение школьного образования уже с критической точки зрения. Архиепископ Иоанн выразил недовольство отсутствием достижений в этом вопросе. Собор определил «непременную обязанность священникам с попечителями приходов принять всевозможные меры к открытию в приходах школ церковно-славянской грамоты, а по возможности и с более широкой программой. Если в течение года не будет открыта школа, священник должен прислать епископу объяснение причин этого»⁶³. Такая озабоченность была вызвана отсутствием инициативы в старообрядческих общинах.

Следующий Освященный Собор 1909 г. смог только констатировать, что практически никак не было выполнено предыдущее постановление. И вновь только призыв: «Подтвердить соборное определение 1908 г, вменившего в непременную обязанность священникам и попечителям принять меры к открытию школ церковно-славянской грамоты»⁶⁴.

Собор 1911 г. решил «избрать комиссию для выработки школьной программы и рассмотрения учебников по Закону Божию»⁶⁵. Кроме этого, Собор принял решение ходатайствовать перед правительством о включении в бюджет Министерства народного просвещения статьи на финансирование старообрядческих школ.

Примерно так же действовали и Соборы старообрядцев-беспоповцев. I Всероссийский Собор христиан-поморцев 1909 г. принял решение: «Иметь духовной обязанностью при каждом обществе и общине учреждение своих школ как для детей, так и для взрослых. Ходатайствовать перед правительством и земством об отпуске средств на постройку и содержание наших училищ. Составить программу и учеб-

⁶² Постановления Освященных Соборов старообрядческих епископов 1898-1912 гг. М.: тип. Рябушинского, 1913. С.60.

⁶³ Там же. С. 87–88.

⁶⁴ Там же. С. 107.

⁶⁵ Там же. С.127

ник для преподавания Закона Божия»⁶⁶. Для выполнения этого поручения была сформирована Училищная комиссия, которая в ближайшее время должна была представить свои предложения. Но выполнение соборных постановлений у беспоповцев шло так же, как и у поповских старообрядцев. Инициативы по созданию старообрядческих школ были единичны.

В 1912 г. в Москве прошел II Собор старообрядцев-поморцев. Одним из основных вопросов было обсуждение программы преподавания Закона Божия в старообрядческих училищах. Программа была соборно одобрена. Было возбуждено ходатайство об утверждении программы Министерством народного просвещения. Вторым пунктом этого вопроса было издание учебников по одобренной программе. Важным моментом было ходатайство в Министерство с просьбой «внесения изменений в установленные испытания на звание учителя начальных училищ по Закону Божию, которые обусловлены старообрядческим поморским вероучением»⁶⁷.

Выше уже отмечалось, что серьезную работу по образованию проводило общественное объединение мирян-старообрядцев – Всероссийские съезды. После 1905 г. эта деятельность была легализована и значительно расширена. VI Всероссийский съезд старообрядцев 1905 г. принял решение составить общероссийскую картотеку старообрядцев, имеющих педагогическое образование⁶⁸. Съезд также решил поддерживать учительские курсы в Нижнем Новгороде. На это мероприятие Совет съездов выделил серьезную сумму в 500 рублей. Кроме этого, Съезд обратил внимание на нежелание старообрядческих священнослужителей получать учительский ценз и пытался организовать пастырские курсы. По словам председателя Съезда, П.П. Рябушинского, «многие священники наши не подготовлены к пастырской деятельности, некоторые из них не служат даже литургии. Поэтому, пастырские курсы необходимы»⁶⁹. Была избрана комиссия под председательством епископа Иннокентия (Усова) для разработки вопроса о школе учителей и организации пастырских курсов.

⁶⁶ Первый Всероссийский Собор христиан-поморцев, приемлющих брак. М.:Изд. Совета Собора, 1909. Ч. 3. С. 65.

⁶⁷ Деяния Второго Всероссийского Собора христианского поморского церковного общества. М.: Изд. Ануфриева, 1913. С.10.

⁶⁸ Шестой Всероссийский съезд старообрядцев в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1905. С. 102.

⁶⁹ Труды седьмого Всероссийского съезда старообрядцев в Н. Новгороде 2-5 августа 1906 года. М.: Тип. Машистова, 1907. С. 23.

Старообрядческие учительские курсы в Нижнем Новгороде каждые полгода выпускали десять новых преподавателей. Но несмотря на это, существующая потребность в учителях была значительной. VIII съезд 1907 г. вновь заостряет на этом внимание и предлагает заняться организацией старообрядческой учительской семинарии. Съезд признал «благопотребным и своевременным обратиться в Министерство внутренних дел и Министерство народного просвещения с ходатайством об учреждении хотя бы одной старообрядческой учительской семинарии в Москве»⁷⁰. Кроме этого, Съезд в очередной раз одобрил идею организации учебного заведения для священнослужителей.

В 1908 г. Совет съездов подготовил два важных пособия – «На помощь лицам, желающим получить учительское звание»⁷¹ и «Условия открытия начальных школ для старообрядцев»⁷².

В 1909 г. при финансовой поддержке старообрядческого мецената Н.А. Бугрова вышел «Справочник по народному образованию для старообрядцев», составленный священником А. Дмитриевским.

В 1908 г. Совет съездов провел серьезное статистическое исследование посредством рассылки по общинам 20 тыс. опросных листов на предмет их отношения к организации образовательных учреждений⁷³. Были собраны мнения как малочисленных общин, состоящих из одной семьи, так и многочисленных, включающих до 10 тыс. общинников, рассеянных по всей территории России – вплоть до Амурской и Якутской областей. Собранный Советом материал был проанализирован, классифицирован и издан отдельной книгой⁷⁴.

Этот материал был особенно интересен полученными статистическими данными, характеризующими состояние грамотности среди старообрядцев. В частности, к 1908 г. в империи было 167 старообрядческих училищ разной формы обучения⁷⁵. Больше всего старообрядческих школ было организовано в Прибалтийском крае. В общей

⁷⁰ Труды восьмого Всероссийского съезда старообрядцев в Н. Новгороде 2-4 августа 1907 года. М.: Тип. Машистова, 1908. С. 76

⁷¹ Труды девятого Всероссийского съезда старообрядцев, приемлющих священство Белокрыницкой иерархии в Н. Новгороде 2-4 августа 1908 года. М.: Тип. Машистова. 1909. С. 149-154.

⁷² Условия открытия начальных школ для старообрядцев. М.: Совет Всерос. съездов старообрядцев, 1908.

⁷³ О деятельности совета за истекший 1908-09 г. // Церковь. 1909. № 38. С. 1102.

⁷⁴ Вопросы народного образования среди старообрядцев. М.: Совет Всерос. съездов старообрядцев, 1909.

⁷⁵ Там же. С. 76.

сложности, около 60% детей старообрядцев обучались в старообрядческих, земских, министерских или церковно-приходских школах.

Съезд 1911 г. обсуждал законопроект Госдумы о народных училищах. Съезд пытался предложить для внесения в закон положения, подерживающие старообрядческие учебные заведения. Но предложения старообрядцев не были приняты во внимание Комиссией Госдумы.

Важным для истории старообрядческого образования был XII Съезд 1912 г. Совет съезда представил обстоятельный доклад об образовании в старообрядчестве, в котором указал на основные направления развития и собственные предложения⁷⁶. Важным направлением деятельности Совет считал участие старообрядцев в принятии Закона о всеобщем образовании. Обязательная регламентация создания старообрядческих школ, по мнению Совета, была важным условием развития школьной сети.

К этому времени практика такой организации школ уже существовала. Значительное количество старообрядческих школ было открыто за государственный счет. Но организация таких школ на местах упиралась в отношении местных чиновников, по воле которых ходатайства старообрядцев или удовлетворялись, или оставались без последствий. В такой ситуации очень много значила правовая осведомленность каждой конкретной общины.

В г. Двинске Витебской губернии в 1911 г проходил специализированный Всероссийский съезд по народному образованию христиан старообрядцев поморцев. Председательствовал на Съезде член Государственной Думы, старообрядец М.К. Ермолаев. На Съезд были приглашены старообрядческие учителя, видные деятели старообрядческого образования, интересующиеся вопросами народного образования лица для обсуждения вопросов старообрядческого просвещения и образования.

В докладах, прочитанных на Съезде, намечались практические мероприятия к проведению в жизнь старообрядчества просветительных идей. Обсуждались проблемы открытия старообрядческих школ, отсутствия педагогических кадров, издания учебников, ряд чисто методических вопросов о преподавании Закона Божия, церковно-славянского чтения, истории Церкви.

Одним из примеров результативного сотрудничества старообрядческих съездов и Министерства народного просвещения является Илуксткая учительская семинария. Это учебное заведение было создано

⁷⁶ Народное образование среди старообрядцев (доклад Совета съездов XII всероссийскому съезду) // Церковь. 1912 г. № 14. С. 334.

в 1910 г. в Рижском учебном округе, финансировалось за счет средств Министерства народного просвещения и готовило преподавателей начальной школы. В этом училище из 25 учебных мест была выделена квота в 17 учебных мест, которые занимали исключительно студенты-старообрядцы. Им была положена стипендия от попечителя Округа⁷⁷. В программу преподавания были включены философия старообрядчества, методика преподавания старообрядческого вероучения, катехизис, история старообрядчества, а также, на последнем курсе, изучались основы юриспруденции и делопроизводства в старообрядческих общинах.

Такая деятельность старообрядческих Съездов послужила определенному развитию школьной сети. К 1915 г. в России было уже сто школ, функционирующих за счет беспоповских общин⁷⁸, и около 200 школ поповцев.

Кроме Всероссийских съездов старообрядцев немалую роль в деле организации старообрядческого образования сыграли другие общественные и религиозные организации старообрядцев.

Активно участвовало в развитии старообрядческого образования московское Братство во имя Честного Креста. Это объединение старообрядческой интеллигенции белокрыницкого согласия существовало с 1874 г. Создавалось братство изначально с просветительными целями, которым оно служило вплоть до 1918 г.⁷⁹ Руководили Братством в разное время видные представители старообрядчества – М.И. Бриллиантов, А.И. Королев. Братство издавало учебную литературу, периодические издания, проводило образовательные чтения и организовало библиотеки в Московской и Тверской губерниях. Совет Братства создал справочное бюро для помощи старообрядческим общинам в вопросах организации школ, библиотек, воскресных чтений и лекций. Это общество первым организовало вечерние классы по подготовке учителей. При Братстве на Рогожском кладбище было открыто начальное училище, в котором обучалось 20 детей⁸⁰.

⁷⁷ Яксанов В. О просвещении старообрядчества // Щит веры. 1917. № 1. С. 16.

⁷⁸ Макаров В. Успехи школьного дела // Старообрядческая мысль. 1915. № 9. С. 816.

⁷⁹ Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 491; Устав старообрядческого Братства Честного и Животворящего Креста Господня в Москве // Церковь. 1908. № 22. С. 782–784; Собрание старообрядческого братства св. креста // Церковь. 1908. № 12. С. 438.

⁸⁰ Начальное училище при братстве св. Креста в Москве // Церковь. 1908. № 35. С. 1198.

В 1906 г. в Нижнем Новгороде было организовано Братство учителей-старообрядцев. Эта организация ставила своей целью защиту преподавателей-старообрядцев. Этот своеобразный учительский профсоюз пытался обеспечить как материальное состояние преподавателей старообрядцев, так и инициировать обмен опытом и методиками. Деятельность Братства контролировалась епископом Иннокентием (Усовым). При помощи Братства в Нижнем Новгороде были открыты первые старообрядческие учительские курсы, в Нижегородской губернии ежегодно создавалось несколько старообрядческих школ.

В 1908 г. в Риге действовало Старообрядческое просветительно-благотворительное общество. Эта общественная организация объединяла старообрядцев разных согласий⁸¹.

В г. Гриве Курляндской губернии в 1909 г. было создано «Русско-старообрядческое общество просвещения»⁸². Обществу удалось организовать в Рижском учебном округе 14 казенно-приходских старообрядческих школ. Также эта организация сотрудничала с Илуксткой учительской семинарией. Общество было не только инициатором создания учебных заведений, но и ответственным координатором их деятельности.

В 1910 г. в Петербурге, по инициативе некоторых старообрядцев-членов Государственной Думы, возникает «Старообрядческое просветительно-благотворительное общество»⁸³. Кроме открытия школ, это общество лоббировало образовательные интересы старообрядцев на правительственном уровне⁸⁴.

8 марта 1915 г. состоялось в Москве учредительное собрание старообрядческого культурно-просветительского общества. Идея создания общества принадлежала группе старообрядческих начетчиков – А. Рыбакову, Ф. Мельникову, Г. Кузнецову, И. Кириллову. Это общество было знаменательно тем, что по Уставу в него могли входить только лица, имеющие высшее образование. В состав его входили около 100 человек, в основном, студенты и курсистки высших учебных

⁸¹ Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной Церкви. Барнаул, 1999. С. 449.

⁸² Русско-старообрядческое общество просвещения // Церковь. 1910. № 19. С. 492.

⁸³ Новое общество // Церковь. 1910. № 11. С. 300.

⁸⁴ Законодательное предположение об изменении правил о преподавании Закона Божия детям старообрядцев и сектантов в части, касающейся старообрядцев // Церковь. 1914. № 9. С. 217.

заведений Москвы⁸⁵. За короткое время члены общества организовали ряд чтений в Москве и области, оказали содействие в создании ряда школ в Московской губернии. В планах общества было сотрудничество со старообрядческой иерархией в вопросах организации школ, выработка единой программы преподавания, издание учебной литературы⁸⁶.

Еще одним интересным образовательным начинанием старообрядцев явилась Старообрядческая народная академия. Под этим громким названием в 1918 г. старообрядец-поморец, приват-доцент Императорского Московского университета Н.П. Ануфриев организовал в Москве курсы по истории и культуре старообрядчества⁸⁷. В Академии удалось провести только один учебный цикл, с 15 мая по 1 июля 1918 г. За этот срок 117 постоянных слушателей академии прослушали курсы лекций по истории старообрядчества, литературе, искусству, педагогике и экономике. В этом коммерческом предприятии (курсы для слушателей были платными) особенное внимание привлекает состав лекторов, участвовавших в Академии. Кроме, собственно, самих старообрядцев – Н.П. Ануфриева, директора Старообрядческого института К. Швецова, преподавателей института Я. Богатенко, И. Кириллова, А. Зайцева, в Академии читали лекции известные представители научного сообщества Москвы: проф. С.Н. Булгаков, проф. Е.Н. Грубецкой, проф. А.А. Кизеветтер, С.А. Котляревский, проф. М.Н. Сперанский⁸⁸. Участие в этом мероприятии представителей московской интеллигенции свидетельствует об определенном успехе старообрядческих образовательных инициатив.

Но самых значительных результатов в деле старообрядческого образования достигла Московская старообрядческая община Рогожского кладбища (МСОРК)⁸⁹.

⁸⁵ Устав Старообрядческого Культурно-Просветительного Общества // Слово Церкви. 1915. №17. С. 405–408; Открытие Старообрядческого Культурно-просветительного Общества в Москве // Старообрядческая мысль. 1915 г. № 3. С. 301.

⁸⁶ Задачи старообрядческого культурно-просветительного общества // Слово Церкви. 1916. № 11. С. 244.

⁸⁷ Кириллов И.А. Старообрядческая народная академия. М.: Старообряд. нар. акад., 1918.

⁸⁸ Старообрядческая народная академия // Вестник Всерос. союза христиан поморского согласия. 1918. № 10. С. 65.

⁸⁹ Севастьянов И.М. Организация старообрядческих училищ при Московской старообрядческой общине Рогожского кладбища в 1905-1907 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1. С. 52–57.

После дарования вероисповедных свобод Община начала активную деятельность по организации учебных заведений. В первую очередь, в 1905 г. были открыты мужское и женское трехклассные начальные училища. К 1909 г. в этой школе обучалось 140 человек. В 1906 г. для продолжения образования детей, окончивших начальную школу, было организовано старообрядческое четырехлетнее Городское училище по положению 1872 г. Для координации вопросов образования при Общине был создан специальный Попечительский совет при училищах – постоянно действующий орган, занимавшийся исключительно вопросами старообрядческого образования.

Основной проблемой, возникшей при создании училищ на Рогожском кладбище, стало отсутствие педагогических и управленческих кадров. Для решения этого вопроса Община пыталась предпринимать различные меры.

Первая попытка была связана с Городским училищем. Изначально учредители пытались сделать его шестилетним и организовать процесс обучения таким образом, чтобы училище выпускало дипломированных преподавателей начальной школы⁹⁰. Но в результате, руководство Дирекции народных училищ при Московском учебном округе разрешила открыть только четырехлетнее Городское училище по положению 1872 г. Это означало, что выпускники училища не получали учительский ценз и им требовался дополнительный экзамен для подтверждения педагогической квалификации.

В 1909 г. Попечительский совет предпринял попытку вместе с Благотворительным старообрядческим обществом, Братством Честного Креста и Союзом старообрядческих начетчиков организовать педагогические курсы для подготовки старообрядческих учителей. После долгой организационной работы, после траты значительных материальных ресурсов, из 56 поступивших студентов в конце 1909 г. эти курсы закончили и получили учительский ценз всего 11 человек. И этот опыт был признан неудовлетворительным.

Рогожская община была подвигнута к поиску других форм организации образовательного процесса. Инициатором нового предложения выступил 29-летний выпускник исторического факультета Московского Императорского университета А.С. Рыбаков⁹¹. Он представил на рассмотрение Попечительского совета проект Старообрядческого богословского института, который задумывался как учреждение по под-

⁹⁰ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Ед. 4347. Л. 1.

⁹¹ Там же. Ед. 5971. Л. 9, 51, 52.

готовке учителей и священнослужителей⁹². Этот проект был опубликован в журнале «Церковь»⁹³. Согласно проекта, старообрядческое учебное заведение должно было совмещать в себе светское и богословское образование. Предлагалось ввести шестилетний курс обучения, при этом первые четыре класса должны быть общеобразовательными, а следующие два – специальные, богословской направленности. Предлагаемая программа Института была объемна. Она предусматривала преподавание в течение 6 лет 41 дисциплины, по 34 учебных часа в неделю⁹⁴. Программа была скомпилирована из программ учительских институтов и духовных семинарий. Что касалось светского блока преподавания, то, по сравнению с программой учительских институтов, она была значительно расширена. Было введено углубленное изучение двух иностранных языков на протяжении всего периода обучения, добавлена логика и психология, огромное значение придавалось педагогике (ср. 5 часов в учительском институте и 21 час в Старообрядческом) и русскому языку (12 и 24 часа соответственно). Из богословских предметов курс догматического, основного, нравственного богословия, церковного права, церковно-славянского языка были полностью позаимствованы из Московской духовной академии. Преподавание церковной истории было переработано с учетом старообрядческого взгляда на церковно-исторические события. Катехизис планировалось вести по переизданному старообрядцами Катехизису XVII в. Финансирование деятельности института предполагалось из фондов МСОРК, при частичной оплате обучения самими учащимися.

А. Рыбаков вел широкую деятельность по созданию института. Он организовывал встречи и совершал многочисленные поездки по России для ознакомления с опытом деятельности учительских институтов и семинарий. Он побывал в учительских семинариях в Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Ярославле, Подольске, Торжке, многократно посещал Московскую духовную академию. Предвидя консервативную реакцию старообрядческого общества, он пытался сформировать положительное общественное мнение об этом новом заведении посредством многочисленных публикаций в старообрядческой периодической печати.

Попечительский совет, не дожидаясь открытия Института, весной 1910 г. после выпускных экзаменов⁹⁵ в 4 классе Городского училища,

⁹² НИОР РГБ. Ф. 246. К. 159. ед. 4.

⁹³ Рыбаков А. Старообрядческий богословско-учительский институт // Церковь. 1910. № 40. С. 985–988.

⁹⁴ ЦИАМ. Ф.459. Оп. 4. Ед. 5971. Л. 3-8.

⁹⁵ Церковь. 1910. № 24. С. 616.

который окончили 14 человек (поступало 30 учеников), решил закрыть это учебное заведение⁹⁶. Часть учеников перешла в другие учебные заведения, например, в Реальное училище, Торговую школу, часть изъявили желание поступить в предполагаемый к открытию Старообрядческий институт⁹⁷.

Но открытие Старообрядческого института откладывалось. И причиной этого было не столько противодействие властей, сколько необычный прецедент создания совмещенного светского и богословского учебного заведения. Министерство народного просвещения не могло регламентировать преподавание богословских предметов, а Синоду старообрядцы были не подконтрольны. Для того чтобы решить этот вопрос, Рогожская община подключала самых известных в деловых кругах своих представителей. «Председателю Попечительского Совета С.П. Рябушинскому и Председателю Совета Общины И.А. Пуговкину неоднократно пришлось побывать в Санкт-Петербурге и долго хлопотать в Министерстве внутренних дел, Министерстве народного просвещения, и, в результате, обеспечить действительную поддержку поднятому вопросу со стороны покойного Председателя Совета Министров П.А. Столыпина, Министра народного просвещения Кассо и Директора Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий А.Н. Харузина»⁹⁸.

После длительной бюрократической работы, после обсуждения этого вопроса в Кабинете министров и высочайшего утверждения, 5 сентября 1912 г. было получено разрешение попечителя Московского учебного округа на открытие Старообрядческого Богословского института. Институт был зарегистрирован, как частное учебное заведение I разряда. В Учебном плане было зафиксировано, что и учебно-воспитательный процесс в институте в целом, и даже распределение недельных часов преподавания находились под контролем Попечителя учебного округа. В программе были согласованы все планируемые А. Рыбаковым богословские предметы.

10 сентября 1912 г. в помещении Рогожской общины состоялось торжественное открытие Института. По условиям приема, в него без экзаменов принимались абитуриенты, окончившие 2-классные начальные министерские школы с пятилетним курсом. Не окончившие начальной школы сдавали вступительный экзамен. На первый курс было принято 30 человек. Состав учеников 1-го класса показал,

⁹⁶ НИОР РГБ. Ф. 246. К. 159. Ед. 4.

⁹⁷ Там же. Ед. 5. Л. 1.

⁹⁸ Там же. К. 160. Ед. 1. Л. 10.

что Институт не привлек внимание столичной молодежи. Москвичей было всего трое. (К 1914 г. из 80 студентов Института из Москвы и Московской губернии были только 8 человек). Среди абитуриентов большинство были из далеких окраин империи –Донской, Кубанской, Терской, Уральской областей, Нижегородской, Самарской, Тверской губерний.

Хотя попечители настаивали на том, что педагогический персонал должен состоять из убежденных старообрядцев⁹⁹, руководству Института не удалось набрать полный штат преподавателей-старообрядцев. Педагогический коллектив института был следующим: «Директор А.С. Рыбаков. Преподаватели: священник П. Никифоров и священник Ф. Гусяков по Закону Божию; К.Н. Швецов по естествознанию; Я.А. Богатенков по рисованию и пению; Ф.Е. Мельников по церковной истории; Н.В. Чехов (господствующего вероисповедания) по русскому языку; Ф.К. Курслин (господствующего вероисповедания) по арифметике; Я.К. Фридрихсон (протестант) по немецкому языку; А.В. Зайцев воспитатель»¹⁰⁰. Из восьми преподавателей Института высшее образование имели только трое. При этом К. Швецов имел агрономическое образование, Ф. Мельников не имел даже учительского ценза.

В Старообрядческом институте педагоги не были ограничены какими-то устоявшимися методическими требованиями, не имели педагогического образования и опыта. Но, как ни странно, этот фактор позволял им творчески импровизировать. Педагоги пытались найти особый старообрядческий подход в преподавании. Смысл своей деятельности они видели в старообрядческой интерпретации имеющихся материалов. Как считали сами сотрудники института, в процессе преподавания они применяли нетрадиционные в то время методики.

Методы преподавания в институте опирались на самостоятельность студентов при освоении учебного материала. «Мы решили поставить в основу изучения не учебник, а самостоятельные работы учащихся. Учебник изучается, но в классе не рассказывается. Преподаватель контролирует работу ученика, но не после каждого урока, а после прохождения какого-либо определенного отдела. Главную работу учащихся мы перенесли на рефераты. Над выбранной темой ученик работает 1-2 недели, прочитывает ряд книг, и результаты сво-

⁹⁹ Преподавание в старообрядческом институте // Слово Церкви. 1916. № 17. С. 388.

¹⁰⁰ *Карабинович Г.* Большое место //Старообрядческий пастырь. 1914. № 8. С. 624.

ей работы излагает устно в классе. То, о чем рассказывает ученик в классе, остальными учениками еще не изучалось, они знают учебник, но ученик, излагающий реферат, прочитывает еще и ряд книг. Сам процесс изложения проходит за кафедрой, что приучает говорить речи при слушателях. Последовательно, чрез все предметы, мы старались провести рефератный метод»¹⁰¹.

Первый опыт института, в целом, оказался удачным. 21 мая 1913 г. окончился первый учебный год. Все 30 учеников успешно выдержали переходные экзамены. В сентябре 1913 г. при поступлении в институт уже возник серьезный конкурс. Документы на поступление подали 60 человек, принято было только 30 абитуриентов.

Серьезность отношения преподавателей к своей работе подвигла попечителей к более серьезным вложениям финансовых средств. Началось строительство собственного здания института стоимостью более 200 тыс. рублей. Для прохождения педагогической практики студентов в 1913 г. была преобразована существовавшая при МСОРК начальная школа. Предполагалось, что по окончании этой школы ученики могли без экзамена переходить в Старообрядческий институт. Планировалось, что студенты института будут практиковаться в школе, начиная с 1915 г.

Но многое изменилось с началом Первой мировой войны. Во-первых, в связи со значительными экономическими трудностями и сжатия материальная база для обеспечения жизнедеятельности института. Во-вторых, директор Института А. Рыбаков ушел в отставку. На его место был избран К. Швецов.

Из-за серьезных финансовых проблем в 1916 г. было решено не открывать 5-й класс. Таким образом, 4-й курс стал выпускным. Всего окончило 4-й курс 14 человек (из 30-ти поступивших). Практически все выпускники поступили в другие московские учебные заведения (большинство – в военное училище). Один выпускник – З. Нудный – остался работать в Институте. Этот выпуск в Старообрядческом институте оказался единственным¹⁰².

Смена директора изменила атмосферу в Институте. С одной стороны, вокруг него стала концентрироваться интеллектуальная жизнь московских старообрядцев. Кроме того, что при Институте работала самая крупная московская старообрядческая начальная школа, в 1917 г. в его стенах прошли два Съезда старообрядцев, в институте

¹⁰¹ Рыбаков А. О старообрядческом институте // Церковь. 1914. № 1. С. 8.

¹⁰² Московский Старообрядческий институт // Слово Церкви. 1916. № 15. С. 357.

начали издавать журнал «Голос Церкви», были изданы учебники по истории Церкви и Закону Божию, намечался целый ряд других изданий по старообрядчеству, необходимых старообрядческим школам.

Но с другой стороны, руководство института пришло к выводу о нецелесообразности совмещения в институте светской и религиозной программ преподавания. Новый директор института К. Швецов пытался переосмыслить концепцию института и придать ей более востребованный светский вид. По его мнению, программу преподавания в институте следовало приспособить к подготовке учеников к поступлению в государственные высшие учебные заведения. К. Швецов считал, что для сохранения и развития учебного заведения необходимо реформировать его по образцу учительских семинарий.

Вот как он оценивал эту ситуацию: «По первоначальному плану строились слишком общие задачи Институту: готовить и учителей для начальных старообрядческих школ, и священников, и, наконец, церковно-общественных деятелей в широком смысле и значении. Сообразно с такими заданиями не могло быть строго определенной программы, плана преподавания, исчезала цельность и стройность в построении и программы и плана. Получалась очень громоздкая программа, перегруженная предметами... Когда мы попробовали сделать наш институт учительским, то нам надо было так основательно менять программу, что педагогические предметы вытесняли богословские и общественные науки. Если бы даже мы для получения официальных учительских прав принимали программу существующих Учительских Институты, вставало другое сомнение: Учительские Институты готовят учителей в высшие училища, которых в старообрядчестве еще нет. Труд учителя высшей начальной школы оплачивается значительно лучше, нежели просто труд начального учителя. И старообрядчество, имея Учительский Институт, осталось бы без учителей начальных училищ»¹⁰³.

Планы по реорганизации старообрядческого института в учительскую семинарию серьезно смутили старообрядческую общественность. Тот кредит доверия, который оказали институту старообрядцы, неуклонно таял. Руководство института было вынужденно экспериментировать, подстраиваться под меняющуюся ситуацию. При этом родители студентов института и учеников начальной школы, для которых обучение их детей не могло быть экспериментом, совершенно разочаровались в перспективах учебного заведения.

¹⁰³ Швецов К. Московский Старообрядческий Институт// Голос Церкви. 1918. № 5. С. 243.

Вопрос по реорганизации Старообрядческого института решился сам собой после октябрьского переворота 1917 г. По Декрету 1918 г. об отделении школы от Церкви, в Советском государстве не предполагалось конфессионального образования. Педагогический совет Старообрядческого института предлагал перевести его в ведение Комиссариата по народному образованию и реформатировать его в учительскую семинарию в соответствии с Положением об учительских семинариях, принятым Всероссийским совещанием по подготовке преподавателей 18 августа 1918 г.

Но, по факту, в ноябре 1918 г. помещения института уже были захвачены районным Совдепом. Причем, с просьбой принять в управление начальную школу, в Совдеп обратились сами родители учеников этой школы. Попечительский совет МСОРК согласился с тем, что Московский Старообрядческий институт должен быть закрыт. В здании института Рогожско-Симоновский Совдеп открыл мужскую и женскую школу.

В результате анализа фактов и событий, связанных с образовательной деятельностью старообрядцев в конце XIX – начале XX в. можно сделать вывод, что вопросам образования последователи старой веры уделяли значительное внимание. Старообрядческое образование было организовано в противовес существующим государственной и синодальной образовательным системам и являло собой результат альтернативного осмысления роли образованности в религиозном обществе.

Мобилизуя финансовый и интеллектуальный потенциал, старообрядцы смогли сохранить определенную религиозную идентичность в вопросах образования и просвещения. Итоговый результат – создание сети собственных учебных заведений – начальных школ, семинарий, Богословского института, разработка серьезных программ и планов дальнейшего развития системы образования. В результате плотного взаимодействия старообрядцев с государственными органами в сфере организации образовательных учреждений, эта деятельность была признана и одобрена государством. При этом, создание системы старообрядческого образования осуществлялось без поддержки государства, только за счет внутренних материальных и гуманитарных ресурсов старообрядчества.

Образовательная деятельность оказала серьезное влияние на взаимоотношения внутри старообрядческих групп, в определенной мере снизила социальную напряженность во взаимоотношении старообрядцев с государством и российским обществом. Об интересе, который образовательные инициативы старообрядцев вызывали в среде

педагогов и интеллигентов, свидетельствует факт заинтересованности и вовлечения в сферу старообрядческого образования видных представителей современности,

Старообрядцам удалось оставить существенный исторический след в развитии образования и педагогики, в осмыслении альтернативного взгляда на эту сферу общественного служения.

Амельченков Владимир Леонидович (иеромонах Серафим), ответственный секретарь Управления делами Московской Патриархии (Россия)

Беглов Алексей Львович, ст.н.с., к.и.н. Институт всеобщей истории РАН, доцент НИЯУ МИФИ, Москва (Россия)

Белякова Надежда Алексеевна, ст.н.с., к.и.н., Институт всеобщей истории РАН, доцент НИЯУ МИФИ, Москва (Россия)

Красницкая Татьяна Александровна, Шуйский государственный педагогический университет (Россия)

Кропак Ульрих, Католический университет Айхштетт-Ингольштадт (Германия)

Мулка Януш, SJ., Академия «Игнатианум», Краков (Польша)

Пасербек Вит (SJ), профессор, Академия «Игнатианум», Краков (Польша)

Пярт Ирина, старший науч. сотр. Тартуского университета (Эстония)

Саес Марч Хосе Рафаэль, Католический университет Валенсии «Сан-Висенте-Мученика» (Испания)

Сальокко Кристина, Университет LUMSA, Рим (Италия)

Севастьянов Иоанн М., Свято-Тихоновский Православный Гуманитарный Университет (соискатель); настоятель Покровского старообрядческого собора, Ростов-на-Дону (Россия)

Сильва Чезаре, Папский Григорианский университет, Рим (Италия)

Станковский Богдан, PhD, Академия «Игнатианум», Краков (Польша)

Сухова Наталья Юрьевна, Православный Свято-Тихоновский университет, Москва (Россия)

Токарева Евгения Сергеевна, вед.н.с., д.и.н., Институт всеобщей истории РАН, профессор НИЯУ МИФИ, Москва (Россия)

Цимняк Станислав, Салезианский Исторический Институт, Рим (Польша)

Amel'čenkov Vladimir L. (p. Serafim), Segretario Responsabile dell'Amministrazione della Patriarchia di Mosca (Russia)

Beglov Alexey L., Istituto di storia universale dell'Accademia russa delle scienze, Mosca (Russia)

Beliakova Nadia A., Istituto di storia universale dell'Accademia russa delle scienze, Mosca (Russia).

Krasnickaja Tatiana A., Università Statale di Pedagogia, Shuya (Russia)

Kropač Ulrich, Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt (Germania)

Mólka Janusz SJ, Accademia *Ignatianum*, Cracovia (Polonia)

Paert Irina, Università di Tartu (Estonia).

Pasierbek Wit SJ, Accademia *Ignatianum*, Cracovia (Polonia)

Sáez March José Rafael, Universidad Católica de Valencia "San Vicente Mártir" (Spagna).

Sagliocco Cristina, Università LUMSA, Roma (Italia)

Sevast'janov Ioann M., Università Ortodossa di Scienze Umanistiche "Svjato-Tichonovskij" (ricercatore supplente) ; Priore della Cattedrale di Vecchi Credenti "Pokrovskij", Rostov-sul-Don (Russia)

Silva Cesare, Pontificia Università Gregoriana, Roma (Italia)

Stańkowski Bogdan SDB, Accademia *Ignatianum*, Cracovia (Polonia)

Suhova Natalia, Università Ortodossa San Tichon, Mosca (Russia)

Tokareva Evgenia S., Istituto di storia universale dell'Accademia russa delle scienze, Mosca (Russia)

Zimniak Stanislaw SDB, Istituto Storico Salesiano, Roma (Polonia)

Евгения С. Токарева. Предисловие	5
Чезаре Сильва. Религиозное образование во Франции	12
Ульрих Кропак. От неосхоластического преподавания катехизиса к «мюнхенскому методу». О смене парадигмы религиозного воспитания и образования в начале XX столетия в немецкоязычной педагогике	22
Кристина Сальокко. Эволюция епископской семинарии в Италии на рубеже XIX–XX веков: сочетание церковного и светского	31
Станислав Цимняк. Салезианцы дона Боско в период индустриальных, культурных и религиозных трансформаций европейского общества (1870-1914)	40
Богдан Станковски. Принципы религиозного воспитания молодежи в салезианских школах в Галиции на рубеже XIX–XX веков	63
Хосе Рафаэль Саес Марч. Фра Луис Амигò и его педагогика: харизма целесообразности и целесообразность харизмы	78
Наталья Ю. Сухова. Модели высшего богословского образования в России в начале XX в.: проекты и реальность	90
Владимир Л. Амельченков (иером. Серафим). Богословское образование в российской семинарии во второй половине XIX века: Смоленская духовная семинария	106
Алексей Л. Беглов. Один день православного семинариста: повседневная жизнь российских семинарий во второй половине XIX – начале XX вв. по воспоминаниям современников	114
Татьяна А. Красницкая. Церковно-школьное образование в России в конце XIX - начале XX вв.	141
Надежда А. Белякова. Женщины и церковное образование в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века	169
Ирина Пярт. Православные школы в Прибалтийских губерниях (1840–1914): проблемы религиозной и этнической идентичности	187

Вит Пасербек (SJ). Идеи религиозного образования в Польше в конце XIX – начале XX вв.	203
Януш Мулка (SJ). Роль Академических Марианских Содалий (Akademickie Sodalicje Mariańskie) в Польше в развитии личности на рубеже XIX и XX веков	217
Иоанн М. Севастьянов. Система образования в старообрядчестве в конце XIX - начале XX вв.	235
Список авторов	262

Evgenia S. Tokareva. Prefazione	5
Cesare Silva L'insegnamento religioso in Francia	12
Ulrich Kropač. Dall'insegnamento del catechismo neoscolastico al "metodo di Monaco" (Münchener Methode). Per il cambiamento di paradigma nell'educazione religiosa all'inizio del 20° secolo nell'ambito dell Scienze della Religione Cattolica di lingua tedesca	22
Cristina Sagliocco. La trasformazione del Seminario vescovile in Italia tra Otto e Novecento: un'ibrida istituzione laico-ecclesiastica	31
Stanisław Zimniak SDB. I Salesiani di don Bosco di fronte alla società europea in trasformazione industriale, culturale e religiosa (1870-1914)	40
Bogdan Stańkowski SDB. I principi dell'educazione religiosa dei giovani nelle scuole dei salesiani in Polonia – XIX/XX secolo	63
José Rafael Sáez March. Fra Luis Amigó e la pedagogia amigoniana: il carisma della opportunità e la opportunità del carisma	78
Natalia Yu. Suhova. I Modelli dell'educazione teologica superiore in Russia agli inizi del XX secolo: progetti e realtà	90
Vladimir L. Amel'chenkov (p. Serafim). Educazione teologica in un seminario russo nella seconda metà del XIX secolo: il seminario di Smolensk	106
Alexey L. Beglov. La giornata di un seminarista ortodosso: la vita quotidiana dei seminari russi nella seconda metà del XIX secolo e agli inizi del XX sec. secondo i ricordi dei contemporanei	114
Tatiana A. Krasnickaja. Educazione scolastica-ecclesiastica in Russia alla fine del s. XIX e agli inizi del XX secolo	141
Nadia A. Beliakova. La questione dell'educazione religiosa delle donne nell'Impero Russo nella seconda metà del XIX e agli inizi del XX secolo (secondo i materiali del clero)	169
Irina Paert. Le scuole ortodosse nelle <i>gubernii</i> di <i>Pribaltica</i> (Liflandia ed Estlandia) durante il periodo della russificazione (1880 – 1914): problemi relativi alle identità religiosa ed etnica	187

Wit Pasierbek SJ. Idee educativo-religiose in Polonia alla fine del XIX e all'inizio del XX secolo	203
Janusz Mólka SJ. Formacja człowieka na przełomie XIX i XX wieku poprzez Akademickie Sodalicje Mariańskie w Polsce	217
Ioann M. Sevastjanov. Il sistema dell'istruzione praticato dai Vecchi credenti nel periodo: fine del XIX - inizio del XX sec.	235
Gli autori	263

Научное издание

**Религиозное образование
в России и Европе
в конце XIX – начале XX века**

Под ред. Е. Токаревой и М. Инглота

*Директор издательства Р. В. Светлов
Ответственный редактор А. А. Галат
Художник О. Д. Курта*

Подписано в печать 25.12.15
Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 16,5. Заказ № 1617

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-79-29, +7(981)699-6595,
факс: (812) 571-30-75
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Контраст»
192029 Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38